4С(Бур)
Д-903
-49954-

Г. А. Дырхеева
Б. Ж. Будаев
Т. П. Бажеева

Бурятский язык

Современное состояние
(социолингвистический аспект)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ
И ТИБЕТОЛОГИИ

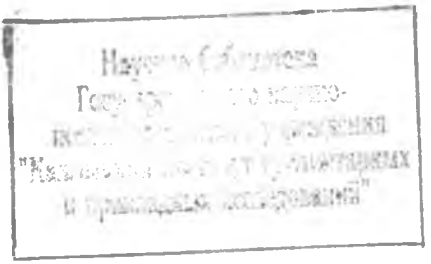
Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

(социолингвистический аспект)

-49854-

Ответственный редактор
д-р филол. наук В. И. Рассадин



Издательство БНЦ СО РАН
Улан-Удэ 1999

ББК 81+60.5 (2Р54)
Б 90

Рецензенты
д-р филол. наук **Л. Д. Шагдаров**
д-р нед. наук **С. М. Бабушкин**
канд. филол. наук **С. П. Маккуйод**

Б 90 **Дырхеева Г. А., Будаев Б. Ж., Бажеева Т. П.** Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект): Кол. моногр. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

ISBN 5—7925—0043—6

Работа посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного языкознания — изучению языка в его социальном контексте. Делается попытка исследовать зависимость функционирования бурятского и русского языков от различных социальных, демографических факторов, выяснить роль и особенность развития бурятско-русского двуязычия на современном этапе, определить значение русского языка в жизни представителей бурятской национальности.

Книга заинтересует специалистов-языковедов, преподавателей бурятского языка, широкий круг читателей.

ISBN 5—7925—0043—6

Б $\frac{4602000000 - 42}{042(02)5 - 99}$ 271-99

© ИМБиТ СО РАН, 1999
© Коллектив авторов, 1999
© Изд-во БНЦ СО РАН, 1999

ВВЕДЕНИЕ

Для многих современных исследований характерна экологическая направленность. В лингвистике она наиболее ярко обнаруживается в социолингвистических работах, рассматривающих проблемы сосуществования языков, национально-языковых отношений. Возникли даже такие разделы социолингвистики, как лингвоэкология и геолингвистика, которые занимаются общественно-политическими, социально-экономическими и лингводидактическими условиями сохранения и развития языков, независимо от количества их носителей и объема выполняемых ими функций. Эти исследования были актуальны всегда, однако в последнее десятилетие острота национально-языковой проблемы дала новый толчок данным разработкам. Распад Советского Союза привел к существенным изменениям в языковой ситуации в постсоветском пространстве, и сейчас идет активный пересмотр многих устоявшихся в социолингвистике взглядов и мнений. В частности, рассматривавшийся ранее как безусловно положительный процесс ускоренного и массового усвоения русского языка всеми нациями страны, активного развития национально-русского двуязычия сегодня требует более критического подхода. Стало очевидно, что, если многочисленные нации в современных условиях сохранили свой язык и перед некоторыми из них еще стоит задача овладения русским языком, то для малых народов в основном характерна тенденция к утрате родного языка. Интенсивное усвоение более престижного русского языка резко ограничило сферы применения их языков.

В целом сегодня по России тенденции в динамике языковой жизни следующие: «1) повышение интереса к национальным языкам и национальным культурам; 2) возрождение прежних культурно-языковых традиций, в частности обусловленных религиозной ориентацией; 3) стремление к расширению социальных функций национальных языков в разных сферах общения»[1].

Языковая ассимиляция некоторых этносов Российской Федерации

Этносы	Доля лиц данного этноса, считающего родным языком русский, %	Основные регионы проживания на территории России
Чеченцы, аварцы, осетины, кабардинцы, кумыки, лезгины, ингуши, карачаевцы, адыгейцы, балкарцы, черкесы, абхазы, лакцы и другие народы Дагестана	0 – 10	Северный Кавказ
Калмыки		Нижнее Поволжье
Якуты, тувинцы		Дальний Восток и Восточная Сибирь
Татары, башкиры, марийцы	10 – 20	Средняя Волга и Урал
Буряты, алтайцы		Южная Сибирь
Ненцы, долганы, нганасаны		Север европейской части России и Западной Сибири
Чуваши, удмурты, коми, пермяки	20 – 30	Урал и Средняя Волга
Эвенки, эвены, чукчи		Восточная Сибирь
Хакасы		Южная Сибирь
Мордва	30 – 40	Поволжье
Ханты		Западная Сибирь
Армяне		Северный Кавказ
Коряки, эскимосы, кеты и другие народы Дальнего Востока	40 – 50	Дальний Восток
Шорцы		Южная Сибирь
Карелы, саами	50 – 60	Север европейской части
Украинцы, немцы, греки		Повсеместно
Белорусы	60 – 70	Повсеместно
Манси		Западная Сибирь
Финны		Север европейской части
Нивхи, чуванцы	70 – 80	Дальний Восток
Поляки		Повсеместно
Алеуты	80 – 90	Дальний Восток
Евреи	Более 90	Повсеместно

Как и другие многонациональные республики страны, Бурятия имеет свои языковые проблемы. Наиболее острой из них является современное состояние литературного бурятского языка, бурятско-русского двуязычия. Исследованию взаимодействия бурятского и русского языков уделяли внимание практически все ведущие лингвисты-бурятоведы. При этом, несомненно, можно выделить Т. А. Бертагаева, А. А. Дарбееву, Л. Д. Шагдарова, количество работ которых на данную тему превышает десяток наименований. В основном в них рассматривается внутренний, лингвистический аспект: анализ соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимодействие и взаимопроникновение на всех языковых уровнях, особенности влияния русского языка на бурятский, сопоставительное изучение языков в учебных целях для обучения второму (русскому) языку. Внешний же аспект проблемы, касающийся особенностей социального статуса бурятского языка, влияния экстралингвистических факторов на его развитие или, наоборот, ассимиляцию фактически либо не затрагивался, либо авторы приводили статистические данные по результатам переписей населения, освещали социально-экономические, этнолингвистические и исторические предпосылки развития бурятско-русского двуязычия, констатировали, что в Бурятии интенсивно развивается двуязычие и что в этих условиях общественные функции бурятского литературного языка переходят к языку межнационального общения. При этом основной упор делался на достижениях бурят в освоении русского языка. Обычно все отмечали:

1) возрастающую роль русского языка в жизни бурят;

2) двуязычие в Бурятии становится массовым явлением;

3) прогрессивное влияние двуязычия на бурятский язык. Изучение взаимодействия языков в основном проходило под эгидой исследований по сближению языков и роли русского языка в этом процессе как основного фактора их сближения, что отвечало требованиям, предъявляемым к подобным работам в тот период.

Наиболее последовательными и близкими к социолингвистике по постановке задач и исполнению являются исследования А. А. Дарбеевой в рамках комплексного изучения нацио-

нально-русского двуязычия, проведенного сотрудниками Института языкознания АН СССР в 1969—1973 гг. и изложенного в монографии «Развитие национально-русского двуязычия»[3], а также А. Р. Вадмаева, участвовавшего в 1967—1968 гг. в социолингвистическом обследовании (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, руководитель В. А. Аврорин) по выявлению особенностей языковой ситуации у коренных народов Сибири[4]. Данные исследования проводились давно, а языковая ситуация с тех пор претерпела существенные изменения. Кроме того, цели, поставленные учеными того времени, несколько отличались от тех, которые стоят теперь, и соответственно несколько отличается и методика. Поэтому результаты, полученные этими авторами, трудно использовать при сопоставлении особенностей языковой ситуации прошедшего и современного периода, хотя и интересно было бы это сделать, поскольку минуло более 20 лет, сменилось целое поколение носителей языка.

В целом языковая ситуация в Бурятии в настоящее время характеризуется продолжением процесса интернационализации и русификации. Повышенный интерес к языковым проблемам, начавшийся в конце 90-х гг. с активного обсуждения современного положения бурятского языка в публикациях газет и журналов, проведения ряда конференций, имел своим итогом принятие в 1992 г. закона «О языках народов Республики Бурятия», в котором русский и бурятский языки были признаны государственными языками. Однако принятие данного закона не изменило в корне ситуацию с бурятским языком. Сегодня, как и 10 лет назад, мы можем констатировать, во-первых, отсутствие территориальной компактности национально-однородного населения, причем на территории Бурятии проживает более 100 национальностей, самыми крупными являются русские (67,2 %) и буряты (28,6 %)*. Более 18 % бурят проживают в Иркутской области и почти 16 % — в Читинской. Это не способствует консолидации бурят ни в этническом, ни в языковом плане.

---

* По данным микропереписи 1994 г. См.: Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ, 1996.

Во-вторых, современный бурятский язык не является полифункциональным. Как и во многих других национальных республиках и округах, русский язык преимущественно используется в делопроизводстве, в судопроизводстве, при проведении крупных массовых акций, собраний, конференций, в сфере образования, в средствах массовой информации. Резкий скачок в социально-экономическом развитии, а также нарушения в языковой политике привели к тому, что произошел разрыв между функционально-структурной ограниченностью родного языка и высоким уровнем развития его носителей. К тому же процесс диалектной интеграции в бурятском языке проходит медленнее, чем процесс языковой интеграции, а точнее, ассимиляции.

В-третьих, в последние годы остро ставится вопрос о состоянии бурятского литературного языка, который активно развивался в 20—50-е гг., а в настоящее время его состояние вызывает вопросы и дискуссии.

Пункты два и три тесно взаимосвязаны, поскольку решающей предпосылкой изменений и развития в литературном языке является расширение его социальной базы, а, как видно из вышесказанного, сфера использования бурятского языка все более сужается. Литературный бурятский язык, не успевая сформироваться, все чаще заменяется на русский язык, а ведь любой литературный язык должен пройти определенные ступени развития. Так, например, на становление индоевропейского литературного языка в среднем уходило два столетия. Язык как явление социальное, выполняя свое назначение в различных сферах общественной жизни, совершенствуется под воздействием социальных и других экстралингвистических факторов путем развертывания своих внутренних ресурсов и во взаимодействии с другими языками. Так называемое «развитие» бурятского языка шло в основном за счет активного усвоения особенностей русского языка, его лексики, фонетических и даже грамматико-стилистических норм. Функциональные же потенции бурятского языка в таких условиях не получили должного развития.

В последние годы эти вопросы все более дискутируются в печати, при разработке различных документов по организации охраны наций и народностей и их языков от ассимиляции. Од-

нако решение вопросов взаимоотношения языка и общества невозможно без активного целенаправленного вмешательства науки, тщательного всестороннего анализа сложившейся в каждом конкретном регионе языковой ситуации.

Монография основывается на результатах обследований социолингвистической группы отдела языкознания Бурятского института общественных наук СО РАН (ныне — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), имевших своей целью всестороннее и глубокое изучение особенностей языковой ситуации в республике. В ней мы пока ставим наиболее общие цели и задачи, которые являются первостепенными при выявлении состояния языковой ситуации в национальном регионе. В первой главе (автор — Г. А. Дырхеева) делается попытка установить наличие, а также характер зависимости социальных и языковых факторов, выявить влияние социально-демографических факторов на развитие и функционирование бурятского языка, бурятско-русского двуязычия, определить, какой из этих факторов является наиболее решающим при распределении общественных функций контактируемых языков, выяснить функциональную роль и особенность развития бурятско-русского двуязычия на современном этапе, выявить значение русского языка в жизни представителей бурятской национальности, установить связь между формами и степенью владения вторым (русским) языком и принадлежностью индивидов к традиционным демографическим возрастным, региональным, социально-экономическим и другим группировкам.

Вторая глава (автор — Б. Ж. Будаев) повествует об особенностях внутриязыковых процессов в условиях бурятско-русского двуязычия. Внимание уделено интерферентным явлениям практически на всех уровнях бурятского языка. В основном материалом для исследования послужил язык средств массовой информации, язык, находящийся в промежутке между литературно-художественной и устно-разговорной формами, который во многом определяет его дальнейшее внутриструктурное развитие.

Третья глава монографии (автор — Т. П. Бажеева) посвящена «перспективе» развития раннего бурятско-русского и рус-

ско-бурятского двуязычия в Бурятии. В отличие от предыдущих исследований на данную тему, которые были ограничены рамками начальной школы, здесь предпринята попытка расширить их, исследуется языковое развитие детей дошкольного возраста, выясняются особенности языковой ситуации в семье, где начинается процесс формирования и социализации ребенка как индивида.

Выводы делаются по каждой главе в отдельности. Заключение посвящено проблеме ревитализации бурятского языка, процессу его возрождения и развития.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В РАЗАИЧНЫХ СЛОЯХ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Любое исследование должно проводиться как можно глубже и на самом обширном материале. Наши возможности, к сожалению, были ограничены республикой и двумя национальными округами, хотя буряты проживают и в других регионах страны и за рубежом. Поэтому территориальное сравнение в основном проводится между Республикой Бурятия, Агинским и Усть-Ордынским национальными округами, что в сумме уже принято называть этнографической Бурятией.

Обследование проводилось в период с 1988 по 1990 гг., что неслучайно, так как эти временные рамки отражают достаточно высокий уровень латентного внутреннего беспокойства людей, обострения национально-языковых отношений. Было проведено анкетирование и опрос взрослого населения. Обследовались компактно организованные профессиональные трудовые коллективы с различным социальным, национальным, возрастным составом, в которых двуязычие обусловлено социальными задачами. Не привлекались учащиеся, студенты, домохозяйки, неработающие пенсионеры, общение которых с различными социальными группами ограничено. Таким образом, объектом исследования является совокупность людей, характеризующихся следующими признаками: 1) принадлежность к бурятской национальности; 2) место обитания — города, села, деревни, поселки этнографической Бурятии; 3) возраст свыше 18 лет; 4) наличие специальности и отношение к определенной социальной группе: промышленные рабочие, служащие, сельхозработники*. То есть

---

* Мы понимаем, что данное выделение социальных групп в настоящее время выглядит несколько устаревшим, условным и спорным. Фактически анализ проводился следующим образом: все жители обследованных сельских районов были отнесены к группе «сельхозработники», поскольку в языковом отношении ситуация в каждом населенном пункте сельской местности является относительно однородной. В городе же была проведена более дробная дифференциация работающего бурятского населения и выделено 13 групп в зависимости от сфер деятельности (см. с. 55).

критерии выделения объекта исследования в основном социальные, что объясняется тем, что одна из главных задач социолингвистики — исследование социальных функций в ретроспективном, синхронном и перспективном плане, их влияния на духовное развитие носителей данного языка, воздействия на развитие всех уровней языка; изучение взаимоотношений между функциональным и внутриструктурным развитием языка.

Всего на территории этнографической Бурятии было опрошено 3223 человека, что составляет примерно 1 % всего бурятского населения охваченных территорий (по данным переписи 1989 г. — 341 225 человек, из них 42 400 — жители Агинского, 49 300 — Усть-Ордынского национальных округов и 249 525 — Бурятии). С учетом того, что опрашивалось в основном взрослое население, этот процент оказывается еще выше, а один и более процент считается вполне удовлетворительным, чтобы судить о надежности данных.

Среди методик обследования основное внимание было уделено анкетированию, как наиболее надежному, рациональному, всеохватывающему способу сбора достоверного материала. Анкета делится на две части: социальную и лингвистическую (набор тестов) (см. с. 12—13). Социальная, или субъективная, часть анкеты показывает, как информант сам судит о своих знаниях языка, а лингвистическая, или объективная, часть помимо непосредственной языковой информации позволяет объективизировать самооценку индивидом знания обоих языков. Предлагаемая индивидуальная анкета в социальной части имеет две разновидности: одна рассчитана на городского информанта, а другая — на сельского. Такое деление считаем оправданным, так как для города характерна более сильная интернационализация, что проявляется в большем развитии билингвизма, а отчасти в полном признании второго языка родным. Село же более гомогенно, там больше вероятность сохранения одноязычия и вообще диалекта, сельская местность имеет свою только ей присущую специфику, языковую и речевую культуру общения, что, безусловно, влияет на языковое поведение информантов.

Уважаемый товарищ!

Данная анкета предназначена для изучения языковой жизни нашей республики. Ваши ответы помогут нам в исследовании.

Село _____

1. Год рождения _____
2. Пол _____
3. Образование _____

На каком языке Вы говорили до поступления в школу (подч.): а) бур., б) рус.
На каком языке велось обучение в начальной школе (подч.): а) бур., б) рус.
В какой школе Вы учились (подч.): а) бур., б) рус.

4. Место работы _____
5. Вы родились в городе _____ ;
в сельской местности _____ .
6. Как давно живете в селе (подч.):
а) до 5 лет, б) 5–10 лет, в) 10–15 лет, г) 15–20 лет, д) более 20 лет.
7. Знали ли Вы бурятский язык до приезда в село (подч.):
а) не знал(а), б) плохо знал(а), в) хорошо знал(а).
8. Какой язык Вы считаете своим родным (первым) языком? _____
Родной язык Вашего отца: _____ , матери _____
жены/мужа _____ .
9. Какими языками Ваши родители пользовались в семье: _____
10. Какой язык Вы считаете своим вторым языком: _____
Знали ли Вы русский язык до поступления в школу: _____
11. Какой язык Вы используете в следующих ситуациях:

	Бурятский язык			Русский язык		
	обычно	иногда	редко	обычно	иногда	редко
а) на работе						
б) на собраниях						
в) дома с родителями						
с женой (мужем)						
с детьми						
г) в общении с друзьями-бурятами, соседями-бурятами						
д) в общении с родственниками						
е) при переписке с бурятами						
ж) при чтении газет, книг, журналов						
з) в других ситуациях (магазин, транспорт и т. д.).						

12. Вы слушаете радио, смотрите телепередачи на родном (бурятском) языке (подч.): регулярно, иногда, редко; на русском языке (подч.): регулярно, иногда, редко.

13. Какими формами существования бурятского и русского языков Вы владеете?

	Бурятский язык					Русский язык				
	оч. хорошо	хорошо	удовл.	плохо	не владею	оч. хорошо	хорошо	удовл.	плохо	не владею
Понимаю										
Говорю										
Читаю										
Пишу										

14. Ваше социальное происхождение: _____
15. Ваше социальное положение: _____

Лингвистический вопросник

1. **Подчеркните в скобках слово, которое Вы употребили бы в данном предложении:** Трудовой коллектив тухай (указ, зарлиг) гараа. Бата (второй, хоердохи) класса һурадаг. Хэды (время, час, саг) болооб? Балдан (последни, һүүлшын) четверти һайнаар дүүргэбэ. (Положите, поставьте) ведро на пол. «Зингер» – (ручной, гарай) машина. (Удареиин, сохилтын) словарь киоскодо бии.

2. **Напишите следующие слова в сочетании с другими подходящими словами, например:** стол – письменный стол, доска – Доска почета.

станция	театр
памятник	клуб
спутник	сакман
хурьган	интернациональный
ударник	техника
талхан	урожай
праздник	коллектив
аршан	участок

3. **Слова в скобках поставьте в нужной форме:** На улице много _____ (снег). (Город) _____ экскурси болоо. Я _____ (смотреть) журнал потом. Завтра мы _____ (идти) в кино. Тэрэ залуу (басаган) _____ дурлааш. Сумка сделана _____ (кожа).

4. **Напишите эти слова во множественном числе:** весна _____ , багша _____ , ухо _____ , зээ _____ . число _____ , мүр _____ . нохой _____ , инженер _____ .

5. **Переведите:** Саян Базаровичта грамота барюулагдаа. _____ _____ . Гараа угаа. _____ Би Любовь Ивановнада ном үгееб. _____

боро морин	ханза хааха
хүбүүгээ асарха	хатуу зарлиг
хатуу хабар	алба хааха
хатуу пудуушха	хатуу хүн
хүхэ буха	потерять голову
мелкая пахота	хатуу архи
мелкий скот	үүдэ хааха
мелкая река	шүлэ ууха
мелкие деньги	уһа хааха
мелкая тарелка	чай с молоком

Что бы Вы хотели добавить к своим ответам? Может быть, у Вас есть пожелания в отношении преподавания бурятского языка в школе, издания газет, журналов, ведения передач на бурятском языке? Если считаете нужным, укажите свое имя, фамилию и адрес. Благодарим Вас за помощь!

Поскольку большинство носителей бурятского языка в настоящее время проживает в трех административных образованиях — в Республике Бурятия и в национальных округах Иркутской и Читинской областей, и до революции 1917 г. они в основном делились на предбайкальских и забайкальских, или западных и восточных, что обусловило значительную разницу языкового положения в Западной и Восточной Бурятии (помимо диалектных уже в тот период возникли и языковые различия), то было очевидно, что данное исследование необходимо провести в национальных округах, чтобы определить, каково состояние бурятского языка в этих образованиях сегодня, насколько административно-территориальное расчленение влияет на языковое положение.

Кроме того, была сделана попытка проведения анализа анкет на основе территориально-лингвистического критерия по говорам бурятского языка. Таким образом, имеются данные статистической обработки анкет отдельно по каждому из обследованных городов, районов, сгруппированные по лингвистическим признакам: носители южнобурятского, восточного и западного диалектов; отдельно по всем сельским районам, городам, по всей республике Бурятия, Агинскому национальному округу (в дальнейшем — АНО), Усть-Ордынскому национальному округу (в дальнейшем — УНО) и всей этнографической Бурятии. Общий итог территориально-лингвистического распределения анкет: восточный диалект (Кижингинский, Бичурский, Мухоршибирский, Заиграевский районы, АНО) — 970 анкет, южный диалект (Селенгинский, Кяхтинский, Джидинский районы) — 353 анкеты, западный диалект (Тункинский, Закаменский районы, УНО) — 736 анкет, города (Улан-Удэ, Закаменск, Кяхта, Гусиноозерк) — 1164 анкеты. С учетом того, что из 249,5 тыс. бурят, живущих в республике, 111,07 тыс. проживают в городах, а 138,5 тыс. — в сельской местности, данная пропорция распределения анкет считается вполне удовлетворительной.

Анализ по диалектам был проведен только по сельским районам Бурятии, так как учет данных по округам, как будет показано далее, внес бы сильный разнобой. Безусловно, что в районах Бурятии современная языковая ситуация тоже очень не-

однородна. Миграции, смешанные браки и т. д. привели к тому, что в большинстве сельских районов имеются носители разных диалектов, хотя основную массу опрошенных составляют коренные жители, т. е. те, кто родился и вырос в данном районе и селе, что в основном подтверждается ответами на вопрос анкеты «Вы родились в селе (городе) _____?»

§ 1. Влияние социально-демографических факторов на функционирование бурятского и русского языков

Основная масса информантов (80 %) — 1944—1968 гг. рождения, относится к активному работающему населению (табл. 1). 41,8 % — мужчины, 58,2 % — женщины, социально более активная часть, с большей охотой отвечала на вопросы анкеты. 92,6 % опрошенных имеют среднее и выше среднего образование. 92 % информантов родились в сельской местности, причем среди городских бурят этот процент равняется 83,3. 62,3 % ответивших переехали из села в город более 10 лет назад. Ответы о сроке проживания в г. Улан-Удэ, например, показывают, что из села в город идет постоянный, равномерный приток мигрантов. Ответы распределились по пятилеткам почти равномерно, но в среднем из опрошенных на каждую пятилетку приходится 15 % мигрантов[5]. Только 2,7 % городских респондентов ответили, что не знали русский язык до переезда в город, и примерно 80 % — хорошо знали русский язык. Возникает предположение, что хорошее знание русского языка способствует миграции из села в город или оценка знаний языка является завышенной. Однако оборотная сторона анкеты (лингвистический вопросник) обычно подтверждает субъективную оценку респондентов.

Как показывают результаты переписей населения (табл. 2), число бурят, признающих родным свой язык, постоянно уменьшается. По данным нашего анкетирования, родным признали бурятский язык 87,6 %, русский язык — 9,7 %, оба языка — 0,7 % и 1,9 % не ответили на вопрос (табл. 3). Самым высоким оказался процент признающих родным бурятский язык в АНО (95,5 %), самым низким — в УНО (84,9 %), однако в основном

Табл. 1. Общие демографические сведения по обследованным регионам по результатам анкетирования

Регион	Всего опрошено, чел.	%	Мужчины/женщины, %	Образование среднее и выше, %	1944 – 1968 гг.р., %	Родились в селе, %
Этнографическая Бурятия	3223	0,94	41,8/58,2	92,6	80,0	92,0
Бурятия	2710	1,09	41,0/59,0	92,4	80,8	91,0
(город/село)	1165/1545	1,05/1,1	41,1/40,5 58,9/59,5	95,1/90,7	80,2/81,3	83,3/96,8
АНО	242	0,57	45,5/54,5	95,9	72,6	97,9
УНО	272	0,55	46,7/53,3	91,2	79,2	96,7

Табл. 2. Родной язык бурят по данным переписи населения, %

Показатель	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Родным признали бурятский язык	95,1	93,1	89,4
Родным признали русский язык	4,9	6,9	10,56
Свободно владеют русским языком в качестве второго	64,97	72,8	73,6

Табл. 3. Общие социолингвистические сведения по обследованным регионам по результатам анкетирования, %

	Регион	Признали родным			Вторым признали русский язык	До школы преимущественно разговаривали на			Обучались в начальной бурятской школе
		бурятский язык	русский язык	оба языка		бурятском языке	русском языке	обоих языках	
1.	Этнографическая Бурятия	87,6	9,7	0,7	87,7	62,2	14,4	16,3	38,6
2.	Бурятия	87,2	10,0	0,8	87,2	63,2	13,6	15,8	39,8
3.	Города Бурятии	78,7	16,9	1,5	78,9	51,5	21,9	19,2	28,1
4.	Села Бурятии	93,5	4,7	0,3	93,5	72,4	7,3	13,1	48,9
5.	АНО	95,5	4,5	0,0	95,0	70,7	9,1	11,6	45,5
6.	УНО	84,9	12,1	0,7	85,7	44,9	27,6	25,7	20,6

Окончание табл. 3

	Обучались в бурятской школе	Бурятский — родной язык			Родной язык жены/мужа — русский	Дома родители разговаривали с респондентами на бурятском языке	Знают русский язык	
		отца	матери	жены/мужа			с детства	со школы
1.	40,3	90,8	91,6	60,5	7,5	74,1	35,6	54,5
2.	41,0	90,7	91,7	59,6	7,6	74,3	32,2	56,8
3.	27,7	88,5	89,3	47,5	12,6	61,5	31,1	49,8
4.	51,1	92,6	93,6	68,6	3,9	84,0	33,1	62,0
5.	54,5	91,3	93,8	66,9	2,1	86,4	26,9	65,7
6.	21,0	90,4	89,0	58,1	10,7	61,4	76,5	22,4

количество признающих родным русский язык растет за счет городского населения. Так, в Улан-Удэ этот процент составил 19,3, 75,5 % ответили, что их родной язык бурятский, 1,5 % — оба языка, 3,8 % не ответили на вопрос. Способ расселения (город — село) детерминирует социальный состав и языковую компетенцию носителей языка, определяет качество, уровень владения им. Таким образом, именно в городах и районных центрах Бурятии, как и в других многонациональных городах страны, где процесс интернационализации идет более интенсивно, вопрос о национально-русском двуязычии, о знании бурятами родного языка стоит более остро. Несмотря на то, что в городах активно и даже в основном буряты общаются на русском языке, процент признающих его родным пока относительно невысок — 16,9, но постоянно увеличивается.

При сопоставлении показателей по диалектам (табл. 4) выяснилось, что меньше всех, хотя и незначительно (примерно на 3 %), процент признавших родным бурятский язык у носителей западного диалекта. Они имеют и бóльший процент тех, кто с детства знают русский язык, но их показатель «до школы преимущественно разговаривали на бурятском языке» не является самым низким. Носители южного диалекта меньше общались с детства только на бурятском языке, чуть больше на обоих языках, однако при этом у них самый низкий процент признавших, что знают русский язык с детства, и соответственно большинство из них познакомились с русским языком в школе.

Столько же респондентов, сколько признали своим родным бурятский язык, назвали своим вторым языком русский. Бурятский язык считают своим вторым языком 6,8 %, 5,2 % не ответили на вопрос. Это люди, либо сомневающиеся в определении «родного языка», либо стесняющиеся признаться, что их родной язык русский. Так, в ходе опроса выяснилось, что для некоторых респондентов этот вопрос вызывает затруднения. Какой язык является родным: тот, на котором ты думаешь, или тот, на котором чаще общаешься? И можно ли считать родным язык своей национальности, хотя с детства, например, разговариваешь только на русском языке? Или какую роль играет нацио-

Табл. 4. Общие социолингвистические сведения по обследованным диалектам по результатам анкетирования, %

	Регион, диалект	Признали родным			Вторым признали русский язык	До школы преимущественно разговаривали на			Обучались в начальной бурятской школе
		бурятский язык	русский язык	оба языка		бурятском языке	русском языке	обоих языках	
1.	Этнографическая Бурятия	87,6	9,7	0,7	87,7	62,2	14,4	16,3	38,6
2.	Бурятия	87,2	10,0	0,8	87,2	63,2	13,6	15,8	39,8
3.	Села Бурятии	93,5	4,7	0,3	93,5	72,4	7,3	13,1	48,9
4.	Восточный	94,2	4,9	0,0	93,8	74,5	9,1	12,5	49,3
5.	Западный	91,4	5,8	0,2	91,8	72,6	5,6	13,1	51,3
6.	Южный	94,9	2,8	1,1	94,9	68,0	5,9	14,2	44,8

Окончание табл. 4

	Обучались в бурятской школе	Бурятский — родной язык			Родной язык жены/мужа — русский	Дома родители разговаривали с респондентами на бурятском языке	Знают русский язык	
		отца	матери	жены/мужа			с детства	со школы
1.	40,3	90,8	91,6	60,5	7,5	74,1	35,6	54,5
2.	41,0	90,7	91,7	59,6	7,6	74,3	32,2	56,8
3.	51,5	92,6	93,6	68,6	3,9	84,0	33,1	62,0
4.	53,6	94,1	94,2	69,6	4,3	83,2	31,0	64,0
5.	49,6	90,9	91,6	67,9	3,9	84,7	44,8	52,4
6.	48,2	91,5	94,9	67,4	3,1	84,7	21,8	70,5

нальное самосознание в определении родного языка? Кроме того, в течение жизни меняется не только язык активного общения человека, но и его самосознание. Наблюдались случаи, когда не знающие бурятский язык отвечали, что их родной язык бурятский, и наоборот (таких случаев, правда, меньше), когда прекрасно владеющие бурятским языком, изучавшие его в школе, писали, что их родной язык русский, считая, что родной язык тот, на котором думаешь.

Понятие «родной язык», как считают многие ученые, требует уточнения. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, родной язык — это язык Родины, на котором говорят с детства. Это подтверждается и современными исследователями. Так, З. Х. Исхакова[6], определяя факторы влияния на признание того или иного языка родным, установила, что главным фактором у школьников является язык семьи, на котором ребенок начал говорить, и только потом можно говорить о языке воспитания в государственных учреждениях, т. е. в детских садах. Важным фактором также является национальность родителей, особенно в смешанных семьях.

Среди ученых уже сложилось мнение, что современные материалы переписей не дают возможности судить о степени владения родным языком, что вопрос о родном языке задается не столько для определения родного языка, сколько в качестве оценки этнического самосознания опрашиваемого, т. е. происходит путаница понятий национальный язык и национальное самосознание. Наше исследование показало, что обычно хорошее знание русского языка бурятами не приводит к изменению представления о родном языке и что, как и у большинства других народов, у нас язык остается стабильной основой национальной идентификации. То есть, можно утверждать, что национальное самосознание — более устойчивый элемент, чем национальный язык[7].

Процесс национальной ассимиляции бурятского населения наиболее ярко виден на примере Усть-Ордынского национального округа. По всем показателям исследования значительный перепад значений наблюдается между УНО и АНО, данные же по Бурятии находятся как бы между ними. Может показаться,

что здесь имеет значение географический фактор: чем восточнее территория, тем выше знание бурятского языка. Однако на показатели республики сильное влияние оказывает город и при сравнении данных только по сельским районам РБ с национальными округами оказывается, что они ближе к показателям по АНО.

Уменьшение же доли бурятского населения, по Г. Н. Богданову[8], происходит в УНО, во-первых, за счет увеличения количества смешанных браков (в 1970 г. — 11,4 %, в 1989 г. — 16,3 %) и, во-вторых, за счет постепенной миграции бурятского населения в РБ, особенно в возрасте после 16 лет, когда молодые люди поступают учиться, причем в основном в вузы республики. Если анализировать возрастной состав, то до 16 лет доля бурятского населения выглядит довольно существенной, и до 9 лет примерно 80 % детей считают родным бурятский язык. При получении же паспорта дети от смешанных браков пишутся как русские, что в совокупности с остальными процессами дает уменьшение доли бурятского населения.

Одним из важнейших социальных факторов является образование, школа. Как показал опрос, до школы разговаривали только на родном языке 62,2 % информантов, на русском языке — 14,4 %, на обоих — 16,3 %. Основная масса (54,5 %) тех, кто до школы преимущественно разговаривал на бурятском языке, познакомились с русским языком в школе (35,6 % знают русский язык с детства). Самый низкий процент обучавшихся в бурятской школе в УНО — 20,6 %. К сожалению, оказалось трудным провести анализ по параметру «обучение в начальной бурятской школе» или «обучение в бурятской школе», так как с этими определениями, как, видимо, и вообще с национальным образованием, долгие годы была путаница и нечеткость в определениях и в статистических данных.

Национальная школа — один из важнейших факторов сохранения, развития, распространения национального языка, национально-русского билингвизма. Ответы на вопросы анкеты показали, что изучение национального языка в школе дает людям не только знание языка, но и уверенность в себе, помогает в утверждении национального самосознания. Большинство изу-

чавших бурятский язык в школе (примерно 40 %) уверенно отвечали на все лингвистические вопросы анкеты, причем хорошо отвечали и на бурятскую и на русскую ее части. Неизучавшие часто отказывались заполнять языковую часть. Они мотивировали это либо тем, что не умеют писать, либо тем, что хорошо знают только свой диалект, а, например, при общении с членами семьи или знакомыми — носителями других диалектов не понимают их и в разговоре обычно переходят на русский язык. Получившие образование на родном языке или изучавшие его в школе почти не испытывают затруднений в общении на разных диалектах*.

Таким образом, школа и особенно язык, на котором ведется преподавание, благодаря непосредственному распространению письменных и устных литературных норм являются одним из доминирующих факторов не только в приобщении к русскому языку, но и в поддержании национального языка. Фактически в этом смысле школа имеет даже большее значение, чем семья, поскольку объем общения в семье после того, как ребенок пошел в школу, постоянно сокращается. Так, многие из опрошенных отмечали, что до школы они разговаривали только на бурятском языке, а начав ходить в школу (особенно в городе), стали забывать родной язык.

Степень владения бурятским и русским языками проверялась вопросом анкеты: «Какими формами существования бурятского и русского языков Вы владеете?». Распределение ответов на этот вопрос дано в табл. 5.

К сожалению, уровень владения русским языком оказался выше, чем бурятским. Никто не ответил, что не понимает, не говорит или не читает по-русски, лишь 2 человека отметили, что не умеют писать. В то же время (см. табл. 5) 1,5 % опрошенных ответили, что совсем не понимают по-бурятски, 4,5 % — не говорят, 21 % — не читают и 28,8 % не умеют писать. По г. Улан-Удэ эти показатели соответственно выше: 3,1 %, 9,7 %, 32,1 % и 42,2 %.

---

* Возможно, что здесь значительную роль играет личностный фактор, лингвистические способности тоже не надо сбрасывать со счетов.

Как и ожидалось, самый высокий уровень владения всеми формами бурятского языка наблюдается у сельских жителей Бурятии и у агинцев, самый низкий — у жителей УНО и, наоборот, русским языком лучше всего владеют усть-ордынцы. Однако, если во владении четырьмя формами бурятского языка наблюдается четкая последовательность: АНО, село Бурятии (очень близкие к показателям по АНО), город Бурятии, УНО, то относительно русского языка обратная последовательность несколько нарушается: респонденты АНО дали высокие (чуть ниже, чем в УНО) показатели по пассивным формам «понимаю» и «читаю», т. е. они хорошо владеют пассивными формами обоих языков и очень хорошо всеми формами бурятского языка.

При сравнении по диалектам (табл. 6) носители восточного диалекта по всем четырем формам знания бурятского языка имеют более высокие показатели «очень хорошо», чем западного и южного диалектов, затем идут носители западного диалекта и далее — южного. Выше всех показатели «очень хорошо» по всем четырем формам знания русского языка у носителей западного диалекта, затем — восточного и южного диалектов. Причем у последних почти всегда выше процент ответивших, что «хорошо» и «удовлетворительно» знают и бурятский и русский языки. Интересно, что среди носителей восточного диалекта также выше, чем среди западных и южных, оказался процент ответивших, что не владеют бурятским языком, причем почти всеми формами языка. Носители же западного диалекта чуть хуже владеют пассивными формами бурятского языка (15,4 % и 19,3 % — в графе «плохо» читаю и пишу по-бурятски). В целом же расхождения показателей по диалектам менее существенны, чем при территориальном сравнении.

Если принять за основу принцип взаимопонимания и общения и определить, что билингв — это человек, владеющий бытовой речью, хорошо понимает и говорит на обоих языках, но недостаточно владеет письменными формами того или иного языка, то в целом в Бурятии более 60 % взрослого бурятского населения является билингвами. В табл. 7 даны показатели хорошего владения всеми формами обоих языков по округам и республике. Согласно этой таблице, именно информанты АНО дали

Табл. 5. Формы и степень владения бурятским и русским языками (территориальное распределение), %

Регион		По-бурятски					По-русски				
		Очень хорошо	Хорошо	Удовл.	Плохо	Не владею	Очень хорошо	Хорошо	Удовл.	Плохо	Не владею
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ПОНИМАЮ	Этнографическая Бурятия	38,7	42,3	11,8	3,6	1,5	42,2	51,5	3,9	0,3	–
	Бурятия	39,0	42,0	11,0	3,2	1,5	42,1	51,1	4,0	0,4	–
	Города Бурятии	29,7	43,4	16,2	5,4	2,4	47,8	47,3	1,9	0,1	–
	Села Бурятии	47,9	40,8	7,1	1,5	0,9	37,7	54,2	5,8	0,5	–
	АНО	46,7	44,1	7,9	0,8	–	44,6	51,7	3,2	–	–
	УНО	19,1	44,1	23,9	9,6	3,3	42,3	55,1	2,6	–	–
ГОВОРЮ	Этнографическая Бурятия	29,9	40,9	16,0	6,9	4,5	30,0	57,8	9,9	0,5	–
	Бурятия	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6	29,9	57,8	9,7	0,6	–
	Города Бурятии	21,7	36,7	19,4	10,2	8,4	36,1	54,3	6,9	0,1	–
	Села Бурятии	37,8	43,8	11,6	3,4	1,6	25,0	60,6	11,7	0,9	–
	АНО	34,7	46,3	15,7	2,8	0,4	27,2	54,5	18,2	–	–
	УНО	13,6	36,4	28,3	15,1	6,6	33,8	62,1	4,1	–	–
ЧИТАЮ	Этнографическая Бурятия	21,0	25,3	15,4	15,3	21,0	35,6	56,9	5,2	0,3	–
	Бурятия	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6	35,2	56,8	5,3	0,3	–
	Города Бурятии	14,8	20,6	14,2	15,8	31,9	41,1	53,0	3,2	–	–
	Села Бурятии	27,4	28,9	15,6	14,1	12,0	30,5	59,9	7,0	0,6	–
	АНО	25,6	31,8	16,1	14,4	12,0	37,5	57,1	5,3	–	–
	УНО	6,2	20,2	19,4	21,7	32,4	36,0	59,9	4,0	–	–

Окончание табл. 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Этнографическая Бурятия	18,6	22,5	12,9	15,1	28,8	31,6	58,0	7,8	0,5	–
П	Бурятия	19,8	22,4	12,6	14,6	28,1	31,5	57,9	7,6	0,5	–
И	Города										
Ш	Бурятии	12,8	17,5	4,6	14,5	42,1	36,7	54,7	5,5	0,1	–
У	Села Бурятии	25,1	26,1	14,8	14,7	17,5	27,5	60,5	9,2	0,8	0,2
	АНО	21,0	31,0	17,4	9,1	21,1	31,4	55,4	12,8	–	–
	УНО	4,4	15,9	11,0	25,7	42,6	33,0	62,2	4,4	–	–

Табл. 6. Формы и степень владения бурятским и русским языками (сравнение по диалектам), %

	Регион, диалект	По-бурятски					По-русски				
		Очень хорошо	Хорошо	Удовл.	Плохо	Не владею	Очень хорошо	Хорошо	Удовл.	Плохо	Не владею
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
П	Этнографическая Бурятия	38,7	42,3	11,8	3,6	1,5	42,2	51,5	3,9	0,3	–
О	Бурятия	39,9	42,0	11,0	3,2	1,5	42,1	51,1	4,0	0,4	–
Н	Села Бурятии	47,9	40,8	7,1	1,5	0,9	37,7	54,2	5,8	0,5	–
И	Восточный	52,5	35,7	6,7	1,6	1,1	37,7	54,4	4,8	0,7	–
М	Западный	46,4	44,7	6,7	1,5	0,8	41,8	51,3	6,5	0,4	–
А	Южный	40,3	46,7	8,5	1,2	0,3	32,4	57,2	7,1	0,3	–
Ю											

Окончание табл. 6

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Г	Этнографиче-										
О	ская Бурятия	29,9	40,9	16,0	6,9	4,5	30,0	57,8	9,9	0,5	–
В	Бурятия	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6	29,9	57,8	9,7	0,6	–
О	Села Бурятии	37,8	43,8	11,6	3,4	1,6	25,0	60,6	11,7	0,9	–
Р	Восточный	44,8	36,7	10,2	3,4	2,3	25,2	61,3	10,0	0,9	–
Ю	Западный	35,3	48,5	11,4	3,6	1,0	29,0	57,7	12,1	1,0	–
	Южный	26,3	52,0	14,7	3,1	0,9	18,9	62,6	14,9	0,6	–
	Этнографиче-										
Ч	ская Бурятия	21,0	25,3	15,4	15,3	21,0	35,6	56,9	5,2	0,3	–
И	Бурятия	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6	35,2	56,8	5,3	0,3	–
Т	Села Бурятии	27,4	28,9	15,6	14,1	12,0	30,5	59,9	7,0	0,6	–
А	Восточный	34,0	27,1	10,8	12,9	12,5	30,5	60,3	5,7	0,8	–
Ю	Западный	24,0	30,6	19,9	15,4	10,3	36,1	55,9	7,8	0,4	–
	Южный	18,4	30,3	20,1	14,7	13,3	23,5	64,0	9,0	0,3	–
	Этнографиче-										
П	ская Бурятия	18,6	22,5	12,9	15,1	28,8	31,6	58,0	7,8	0,5	–
И	Бурятия	19,8	22,4	12,6	14,6	28,1	31,5	57,9	7,6	0,5	–
Ш	Села Бурятии	25,1	26,1	14,8	14,7	17,5	27,5	60,5	9,2	0,8	0,2
У	Восточный	30,7	24,6	11,5	11,3	19,0	28,9	61,3	7,0	0,7	0,2
	Западный	22,8	25,2	17,8	19,3	14,6	32,1	57,0	9,4	1,2	–
	Южный	16,4	29,9	17,0	15,3	17,8	20,6	62,6	12,9	0,3	–

самые высокие показатели владения почти всеми формами обоих языков, за исключением активной формы «говорю». Жители сел Бурятии в данном случае оказались более билингвистичными, лучше говорят на обоих языках.

Табл. 7. Степень одновременно высокого уровня владения бурятским и русским языками, %

Регион	Понимаю	Говорю	Читаю	Пишу
Этнографическая Бурятия	77,7	62,8	43,2	37,4
Бурятия	78,2	64,0	44,0	38,4
Города Бурятии	71,4	54,5	34,0	28,6
Села Бурятии	83,6	71,4	51,5	45,7
АНО	88,8	65,7	53,3	46,2
УНО	62,5	48,1	25,7	19,9

Распределение ответов респондеитов на вопросы использования бурятского и русского языков в различных ситуациях (табл. 8) показывает, что самыми низкими являются показатели употребления бурятского языка в следующих сферах: в выступлениях на собраниях, в общественных местах (на транспорте, в магазинах и т. д.), на работе, а также при чтении книг, газет и журналов, при переписке. Назовем данные сферы условно общественно-производственными. Соответственно в данных сферах чаще используется русский язык. При этом самый большой разрыв, например, в соотношении город — село наблюдается при общении на работе: в сельской местности бурятский язык в 14,4 раза больше используется, чем в городе, и с учетом показателя «на обоих языках» (24,8 %) можно сказать, пока еще относительно активно используется на производстве, в сумме — 56,4 %.

Наиболее билингвистичной в городе является сфера общения с друзьями, соседями-бурятами (22,1 %), в сельской местности — общение на работе (24,8 %), в магазине-транспорте и др. (23,4 %). В городе часто, как будет отмечено и далее, причиной предпочтения русского языка своему родному в случае общения с друзьями, ровесниками, соседями является степень владения национальным языком, а также стереотип языкового поведения.

Табл. 8. Использование бурятского и русского языков в различных сферах общения (территориальное распределение), %

Сфера общения	В основном по-бурятски				В основном по-русски			
	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО
На работе	19,0	18,9 (2,2 – 31,6)	33,1	7,0	62,9	62,4 (89,8 – 41,6)	48,3	81,2
На собраниях	7,2	7,6 (0,7 – 13,0)	8,2	2,5	79,9	78,6 (94,4 – 66,9)	82,7	89,3
Дома с родителями	61,9	60,6 (49,3 – 69,3)	79,8	35,2	18,6	17,9 (28,8 – 9,5)	4,2	37,9
Дома с женой/мужем	42,9	43,4 (25,0 – 57,2)	56,3	26,1	23,5	22,6 (36,9 – 11,7)	6,6	47,0
Дома с детьми	33,1	33,7 (10,7 – 51,1)	48,4	13,6	31,8	31,1 (49,9 – 17,1)	11,7	57,4
С друзьями, соседями-бурятами	52,4	52,3 (31,4 – 68,3)	77,6	31,6	26,5	25,6 (42,5 – 12,6)	7,4	52,4
С родственниками	59,3	60,1 (45,1 – 71,6)	81,0	31,9	21,6	20,5 (33,1 – 10,9)	4,2	48,2
При переписке	15,7	15,9 (8,4 – 21,8)	27,3	2,9	66,1	65,3 (73,5 – 58,9)	54,5	84,9
При чтении	4,6	4,8 (1,6 – 7,2)	4,1	1,5	77,6	76,6 (85,0 – 70,4)	75,6	87,8
В других ситуациях (магазин, транспорт, общественные места)	8,8	9,2 (3,5 – 13,5)	11,5	3,0	68,0	66,7 (80,6 – 56,0)	62,3	85,4

Окончание табл. 8

Сфера общения	На обоих языках				Нет ответа			
	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город–село)	АНО	УНО	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город–село)	АНО	УНО
На работе	16,4	17,1 (6,8–24,8)	16,5	9,9	1,7	1,6 (1,1–2,0)	2,1	1,8
На собраниях	8,7	9,4 (1,5–15,3)	6,6	2,6	4,3	4,3 (3,5–4,8)	2,5	5,5
Дома с родителями	8,7	8,9 (10,7–7,6)	4,5	11,0	12,8	12,6 (11,1–13,6)	11,6	15,8
Дома с женой/мужем	10,1	10,4 (10,8–10,0)	8,7	8,1	23,5	23,5 (27,1–21,0)	28,5	18,8
Дома с детьми	11,1	11,4 (9,9–12,4)	11,6	8,5	23,9	23,8 (29,5–19,5)	28,5	20,6
С друзьями, соседями-бурятами	18,2	19,0 (22,1–16,6)	14,0	13,6	2,8	3,1 (4,0–2,5)	0,8	1,5
С родственниками	14,9	15,0 (17,1–13,4)	10,7	16,9	4,2	4,4 (4,7–4,4)	4,1	2,9
При переписке	6,6	6,9 (4,3–8,9)	7,9	2,2	11,6	11,9 (13,9–10,4)	10,3	9,9
При чтении	10,3	11,3 (6,5–14,8)	7,4	3,3	7,7	7,3 (6,8–7,6)	12,8	7,4
В других ситуациях (магазин, транспорт, общественные места)	16,3	17,1 (9,0–23,4)	17,8	6,6	7,0	7,0 (6,9–7,1)	8,3	5,1

Наиболее устойчивой для проникновения второго языка является семейно-бытовая сфера. Однако и в этой сфере сейчас происходят сильные изменения. Фактически общение в современной семье (особенно в городе) сведено до минимума. Соответственно изменился процент соотношения сфер функционирования бурятского и русского языков. В 91 случае из 100 родным языком матери и отца у респондентов был бурятский, хотя в семье они не всегда (74,1 %) разговаривали по-бурятски, 4,3 % — только по-русски, 20,4 % — на обоих языках, т. е. в среднем от поколения к поколению использование родного языка в бурятских семьях сократилось на 15—20 %. Именно показатели общения с родителями, по данным опроса, являются самыми высокими: в 62 случаях из 100 респонденты разговаривают с ними в основном на родном языке. Второй показатель — общение с родственниками (59,3 %).

Одна из причин активного проникновения русского языка в семейно-бытовую сферу (причем не только в городе, но и в сельской местности) — давление родителей, желающих дать детям образование на русском языке, языке большинства населения государства. Такое стремление характерно почти для всех малых народов в разных странах. В данном случае желание родителей вооружить детей знанием языка, который способствует социальному продвижению, подавляет стремление содействовать сохранению и развитию родного языка. В современных же семьях общение на бурятском языке, особенно в городе, сократилось. Так, родным является бурятский язык у супругов в 60 случаях из 100. Однако, если учесть незамужних/неженатых или не пожелавших ответить на вопрос о родном языке супруга (примерно 32 %), эти данные примерно равны 91 % родного языка родителей. Но и эти 60 % не всегда разговаривают дома с супругом по-бурятски: преимущественно по-бурятски разговаривают 42,9 % опрошенных, 23,5 % респондентов говорят дома преимущественно по-русски, а остальные 10,1 % — общаются с супругом на обоих языках. В связи с этим вызывают тревогу и ответы на вопрос «На каком языке Вы разговариваете с детьми?» Обычно или в основном на бурятском языке с детьми разговаривают 33,1 % респондентов (в Улан-Удэ — 9,9 %), 11,1 % —

на двух языках (в Улан-Удэ — 9,2 %), а 31,8 % (в Улан-Удэ — 50,3 %) — в основном на русском. 23,9 % (23,8 % в Улан-Удэ) на этот вопрос не ответили.

Как правило, пополнение билингвов, хорошо знающих и бурятский и русский языки, в городе идет за счет села. Однако с переездом в город сферы их общения на бурятском языке резко сокращаются до уровня семьи, родственников. Здесь социальные факторы, детерминирующие речевое поведение общающихся, взаимодействуют с чисто психическими факторами, которые влияют на выбор моделей речевого поведения. Овладение более престижным русским языком ограничивает сферы применения бурятского языка. В этом отношении интересны результаты по самому «бурятскому» городу — Закаменск, где большинство бурятского населения составляют мигранты из села в первом поколении, хорошо владеющие бурятским языком и относительно неплохо русским. Родным здесь признали бурятский язык 93 % респондентов. Однако в отличие от других городов в Закаменске значителен разброс между показателями общения на бурятском языке дома и на работе (с родителями — 68,8 %, на работе — 4,9 %), в общественных местах — 9,8 %. 80,3 % опрошенных закаменцев (даже больше, чем в Улан-Удэ) на работе в основном разговаривают по-русски, 14,8 % — на обоих языках. В Улан-Удэ больше процент общающихся на работе на двух языках. Вероятно, здесь сказывается психический фактор: билингвы-мигранты стараются в городе в общественных местах, на работе больше говорить по-русски, считая это более престижным. В то же время дома они предпочитают разговаривать на родном, близком им языке.

Что касается территориального сравнения, то, изобразив графически соотношение показателей по республике и округам (рис. 1), можно увидеть, что в показателях общения в магазине, на транспорте, на собраниях и при чтении литературы перепады значений не столь существенны, как во всех остальных сферах, где идет четкое территориальное распределение: самые низкие значения употребления бурятского языка дают респонденты УНО, затем идут жители Бурятии и далее АНО. Как и в Бурятии, в УНО бурятский язык наиболее употребителен в се-

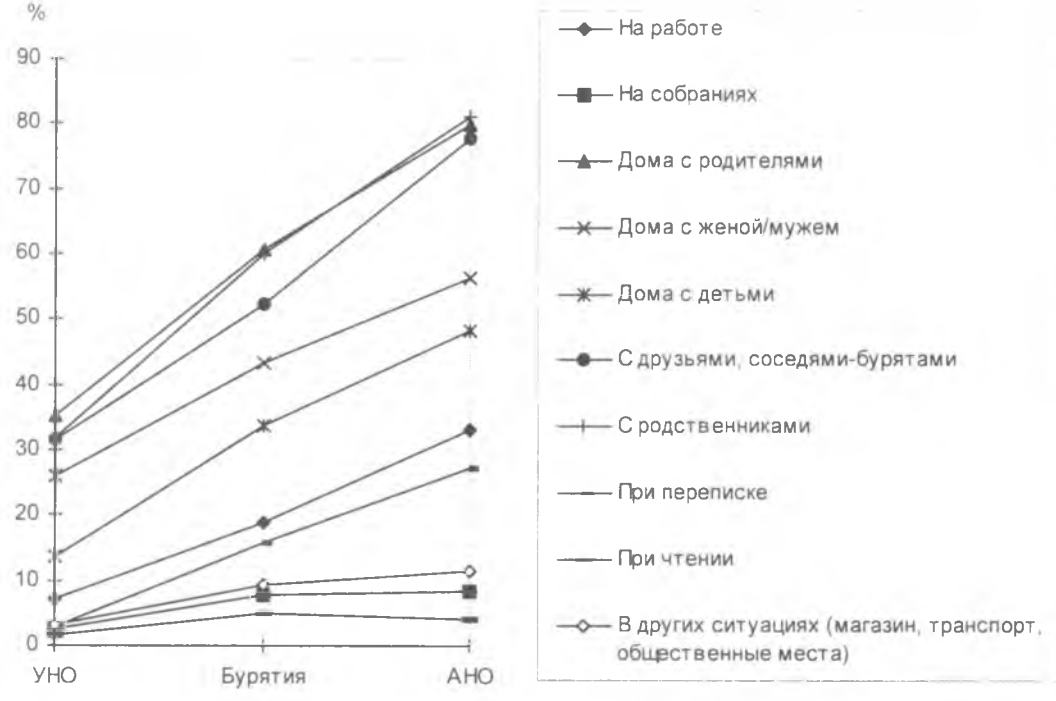


Рис. 1. Использование бурятского языка в различных ситуациях по округам и Республике Бурятия

мейно-бытовой сфере: в общении с родственниками, родителями, друзьями-соседями бурятами. Причем территориальная разница в показателях по данным сферам очень значительная и достигает почти 50 % в сфере общения с родственниками между АНО и УНО.

Интересно, что наименьший перепад, а также некоторое нарушение территориальной закономерности наблюдается в сфере «чтение книг, газет и журналов». Незначительно, но все-таки больше, чем в округах, используют в данном случае бурятский язык жители Бурятии. Скорее всего, это объясняется тем, что в республике более доступна литература и периодика на бурятском языке и что основной объем информации в округа поступает на русском языке. Хотя в целом можно сказать, что процент читающих и пишущих на бурятском языке все-таки очень низок, если судить по числу окончивших бурятскую школу или изучавших бурятский язык в начальных классах (примерно 40 %), так же как и по восприятию информации на бурятском языке (табл. 9). При опросе многие отмечали, что передач на бурятском языке мало, во многих районах отсутствует вторая программа телевидения, по которой идут обычно республиканские передачи. Большинство респондентов ответили, что предпочитают только слушать концерты бурятской музыки. Таким образом, несмотря на то, что все важнейшие правительственные документы и материалы в газетах публикуются и по радио читаются на двух языках, многие, даже в сельской местности, предпочитают читать эти материалы на русском языке, поскольку, как они утверждают, газетный язык для них труднодоступен.

Сравнение по диалектам (табл. 10) показало, что у носителей восточного диалекта наблюдается незначительное, но все-таки преимущество использования бурятского языка при общении на работе, однако на собраниях они чаще, чем остальные, выступают по-русски. Небольшую путаницу вносят отрицательные ответы, которых у носителей западного диалекта меньше, и соответственно выше показатели использования того или иного языка в той или иной ситуации. Можно сказать, что почти во всех исследуемых ситуациях носители восточного и западного

Табл. 9. Восприятие информации на бурятском и русском языках (территориальное распределение), %

Источники информации	Регулярно				Иногда			
	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО
Слушают радио, смотрят передачи ТВ на бурятском языке	15,1	16,1 (13,3 – 18,1)	18,6	2,2	30,4	32,5 (37,5 – 29,0)	21,5	17,6
Слушают радио, смотрят передачи ТВ на русском языке	85,5	84,8 (84,5 – 85,4)	87,6	90,4	4,9	5,0 (6,4 – 3,9)	5,8	2,6

Окончание табл. 9

Источники информации	Редко				Нет ответа			
	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО	Этнографическая Бурятия	Бурятия (город – село)	АНО	УНО
Слушают радио, смотрят передачи ТВ на бурятском языке	25,0	21,7 (22,9 – 20,7)	44,2	41,2	29,4	29,7 (26,3 – 32,2)	15,7	39,0
Слушают радио, смотрят передачи ТВ на русском языке	1,1	1,0 (0,9 – 1,1)	1,7	1,1	8,6	9,2 (8,3 – 9,6)	5,0	5,9

Табл. 10. Использование бурятского и русского языков в различных сферах общения (распределение по диалектам), %

Сфера общения	В основном по-бурятски				В основном по-русски			
	Села РБ	Восточный диалект	Западный диалект	Южный диалект	Села РБ	Восточный диалект	Западный диалект	Южный диалект
На работе	31,6	36,8	25,9	28,3	41,6	36,6	49,3	41,7
На собраниях	13,0	12,4	15,9	11,3	66,9	68,9	65,5	64,3
Дома с родителями	69,3	69,1	71,3	66,8	9,5	9,7	12,1	7,4
Дома с женой/мужем	57,2	62,0	56,7	48,4	11,7	9,5	14,0	13,3
Дома с детьми	51,1	55,9	52,2	39,3	17,1	13,2	20,2	20,7
С друзьями, соседями-бурятами	68,3	71,4	72,4	56,3	12,6	10,5	13,6	15,2
С родственниками	71,6	75,4	75,7	58,6	10,9	8,9	12,0	13,5
При переписке	21,8	25,9	22,0	13,3	58,9	55,7	63,9	58,8
При чтении	7,2	6,8	10,4	4,0	70,4	68,2	71,5	73,1
Другие ситуации (магазин, транспорт)	13,5	15,4	16,6	5,7	56,0	52,7	57,1	61,4

Окончание табл. 10

Сфера общения	На обоих языках				Нет ответа			
	Села РБ	Восточный диалект	Западный диалект	Южный диалект	Села РБ	Восточный диалект	Западный диалект	Южный диалект
На работе	24,8	24,3	24,1	26,6	2,0	2,2	0,6	3,4
На собраниях	15,3	12,9	18,3	16,4	4,8	5,8	0,9	7,9
Дома с родителями	7,6	6,3	7,5	10,2	13,6	15,0	9,1	15,6
Дома с женой/мужем	10,0	7,4	9,9	15,3	21,0	21,2	19,4	22,9
Дома с детьми	12,4	9,8	12,3	18,1	19,5	21,2	15,3	21,8
С друзьями, соседями-бурятами	16,6	15,0	12,9	24,9	2,5	3,0	1,1	3,4
С родственниками	13,4	10,3	11,2	22,1	4,0	5,1	1,1	5,7
При переписке	8,9	7,6	9,7	10,8	10,4	10,9	4,5	17,0
При чтении	14,8	15,1	16,6	11,6	7,6	9,8	1,5	11,3
Другие ситуации (магазин, транспорт)	23,4	23,1	24,8	22,4	7,1	8,9	1,5	10,5

диалектов используют бурятский язык чаще, чем носители южного диалекта, которые предпочитают, если судить по таблице, использовать в большинстве ситуаций оба языка. Исключение составляют чтение, выступления на собраниях и общение в общественных местах. Так же как и при сравнении форм использования языков, разброс данных здесь незначителен и меньше, чем при сравнении с данными по округам. При сравнении графиков использования бурятского и русского языков в различных ситуациях по территориям (рис. 1 и 2) обнаруживается четкое разграничение сфер использования русского языка (рис. 2) на две группы: а) условно названная общественно-производственная (включая чтение и переписку) и б) семейно-бытовая. То есть, если графики использования бурятского языка (рис. 1) показывают относительно равномерное повышение показателей применения бурятского языка от использования его при чтении до общения с родителями, родственниками, то на рис. 2 граница между выделенными двумя группами достигает в среднем около 30 %. Скорее всего, этот пробел (в графическом смысле) восполняется двуязычием, попеременным использованием двух языков (рис. 3).

Респонденты АНО используют бурятский язык более активно, чем респонденты УНО и Бурятии, почти во всех сферах, русский язык соответственно менее активно, однако в выступлениях на собраниях они говорят на русском языке чаще, чем респонденты Бурятии, что, скорее всего, как и в случае с г. Закаменск, где мигранты в первом поколении предпочитают в общественных местах больше русский язык, объясняется психическими факторами. Респонденты Бурятии в данном случае предпочитают больше использовать оба языка. Для них также характерно более активное, чем в округах, использование обоих языков на работе, дома с женой/мужем, с друзьями-соседями и при чтении. То есть при общении в этих сферах (собрание, работа, чтение, дома с женой/мужем, с друзьями-соседями) возможен легкий переход с бурятского языка на русский. Однако наиболее подверженными этому переходу являются сферы общения с детьми, общественные места (магазины, транспорт и др.) и переписка: линии на рис. 3 восходящие. Самые устойчи-

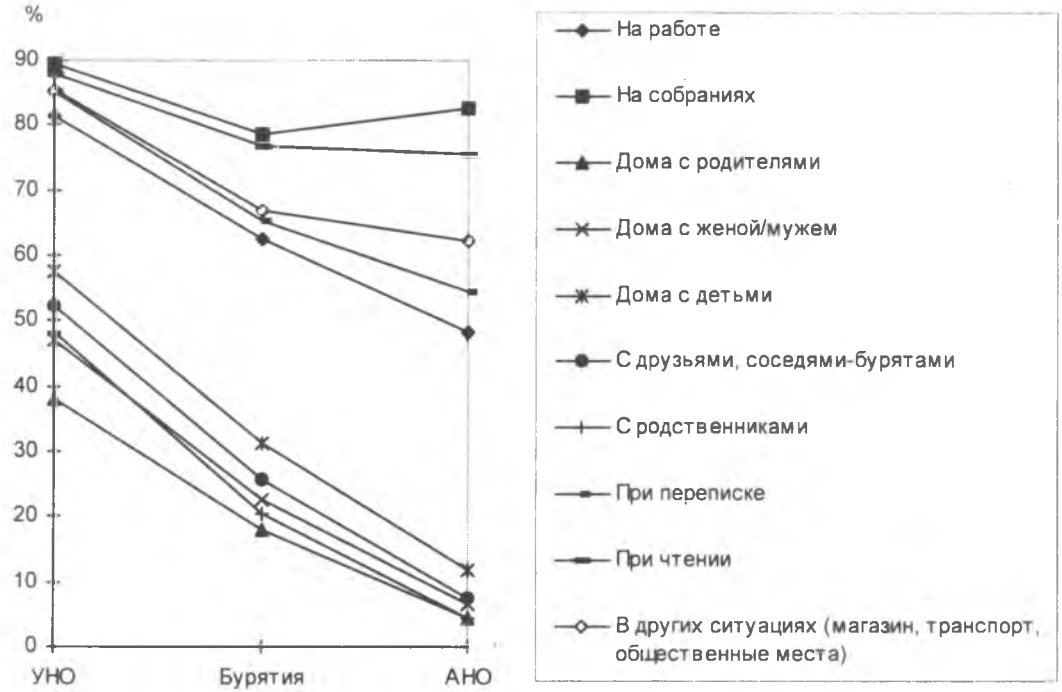


Рис. 2. Использование русского языка в различных ситуациях по округам и Республике Бурятия

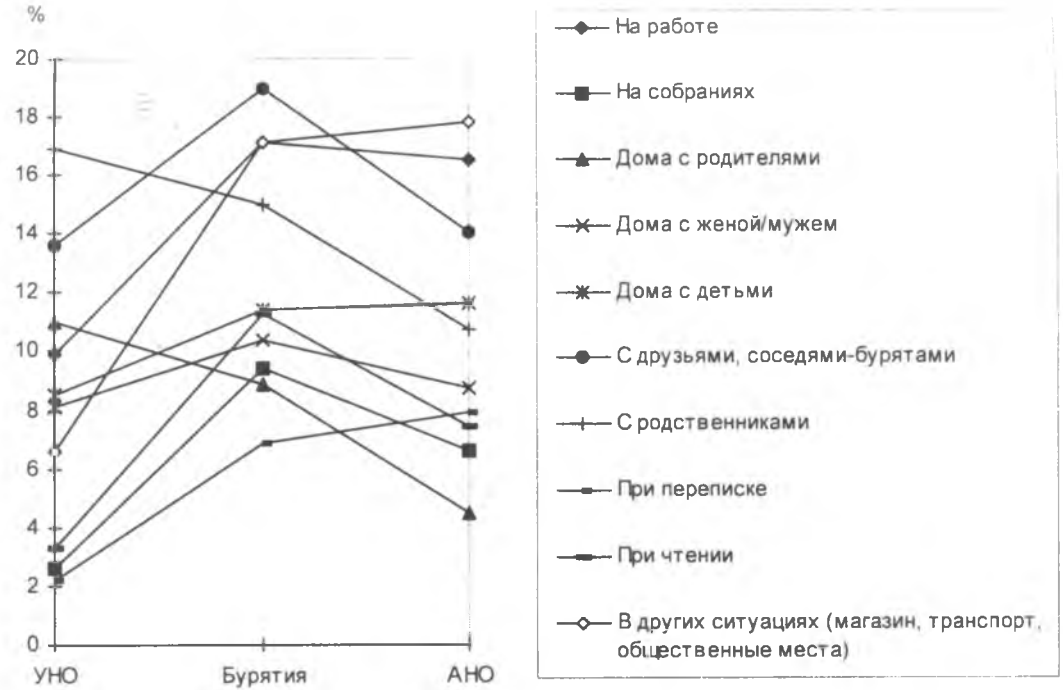


Рис. 3. Использование двух языков в различных ситуациях по округам и Республике Бурятия

вые сферы — общение с родителями и родственниками (линии нисходящие). Причем, если сравнивать, например, сельские районы республики с национальными округами, то можно увидеть (рис. 4—6), насколько сильно город повлиял на общие параметры по республике, и при сравнении обнаруживается (рис. 1 и 4), что показатели использования бурятского языка в отобранных сферах по сельским районам Бурятии располагаются в целом в той же последовательности, что и по республике, но при этом незначительно отличаются от данных по АНО. В частности, в общении с родственниками, родителями, друзьями-соседями бурятами и при переписке эти данные ниже, чем по АНО, примерно на 10 %. На производстве и тут и там более 30 % бурят в основном общаются на бурятском языке. В остальных сферах данные по Бурятии несколько выше, чем по АНО. Показатели же УНО также существенно ниже, чем по АНО и сельским районам республики, т. е. положение с использованием бурятского языка в различных сферах в сельских районах республики в среднем схоже с положением в АНО.

Что касается использования русского языка, то, как и в целом по республике, данные по сельским районам имеют примерно то же распределение в семейно-бытовых сферах (см. рис. 2 и 5), отличаясь от показателей по АНО максимум на 7 %, т. е. город в данном случае сильно влияет на общие показатели, увеличивая отклонение в среднем в два раза. Существенную разницу дают показатели использования русского языка на работе и в общении в магазине, транспорте и т. д. В данных случаях в сельской местности республики русский язык используется реже, чем в АНО, так же как и при чтении и выступлениях на собраниях. Интересно, что из пяти условно выделенных общественно-производственных сфер только при переписке респонденты АНО менее всех используют русский язык. Самыми двуязычными ситуациями в АНО и в селах Бурятии являются работа, общение в магазине, транспорте, с друзьями-соседями; в УНО — общение с родственниками, друзьями-соседями бурятами, с родителями. При этом в сельской Бурятии существенно больше, чем в округах, используют оба языка на собраниях, на

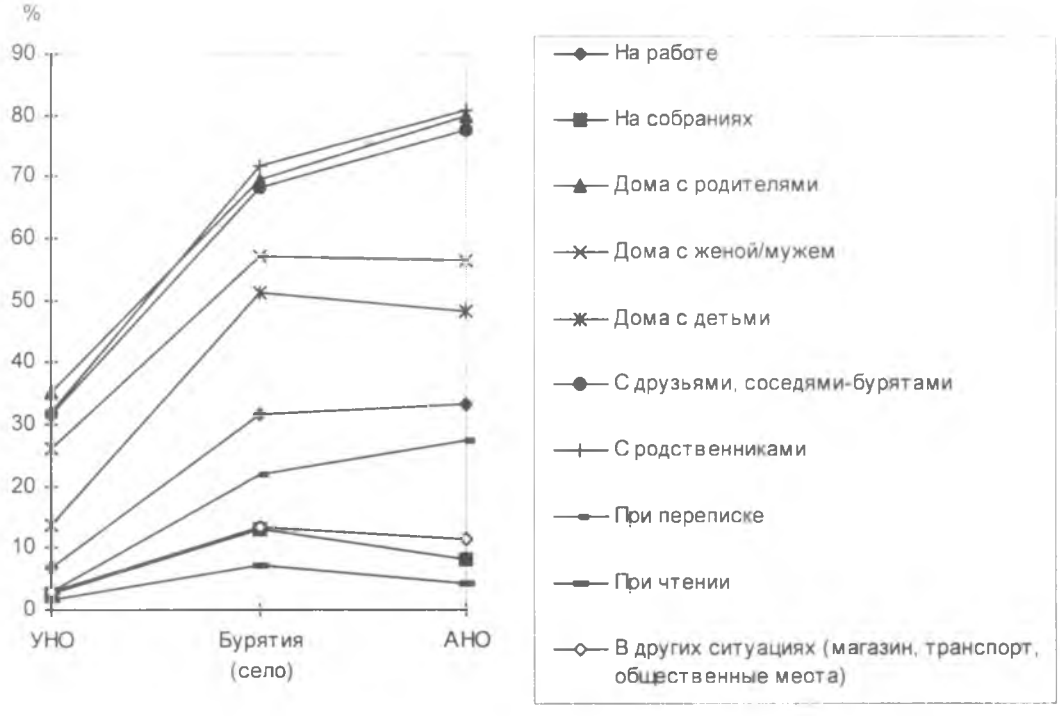


Рис. 4. Использование бурятского языка в различных ситуациях (сравнение округов с сельской Бурятией)

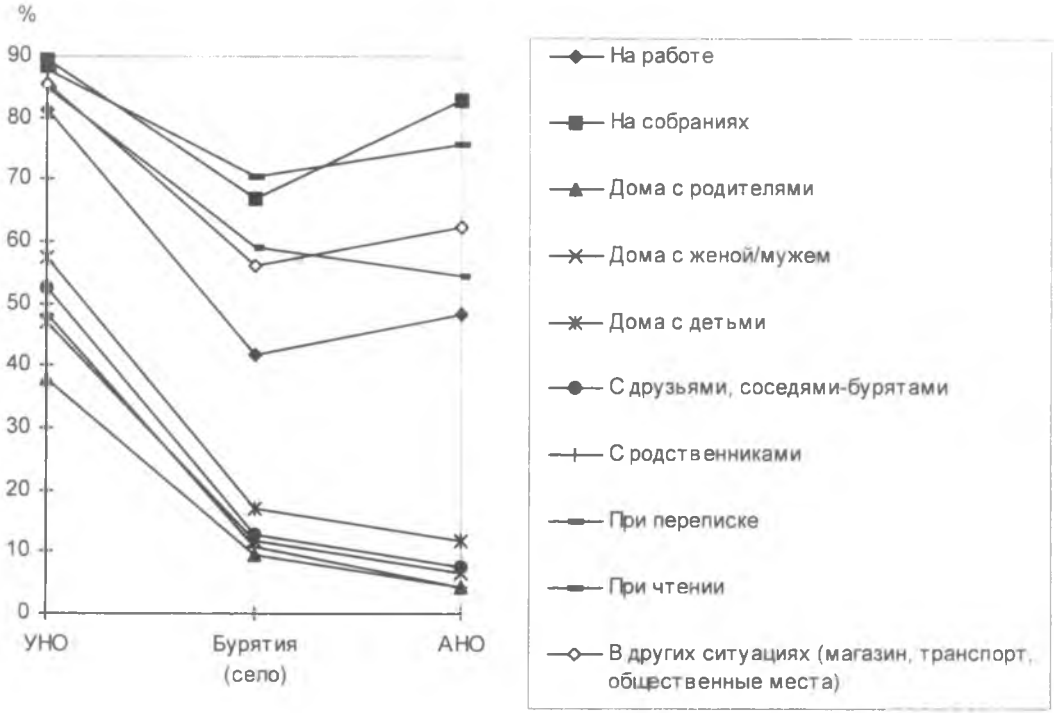


Рис. 5. Использование русского языка в различных ситуациях (сравнение округов с сельской Бурятией)

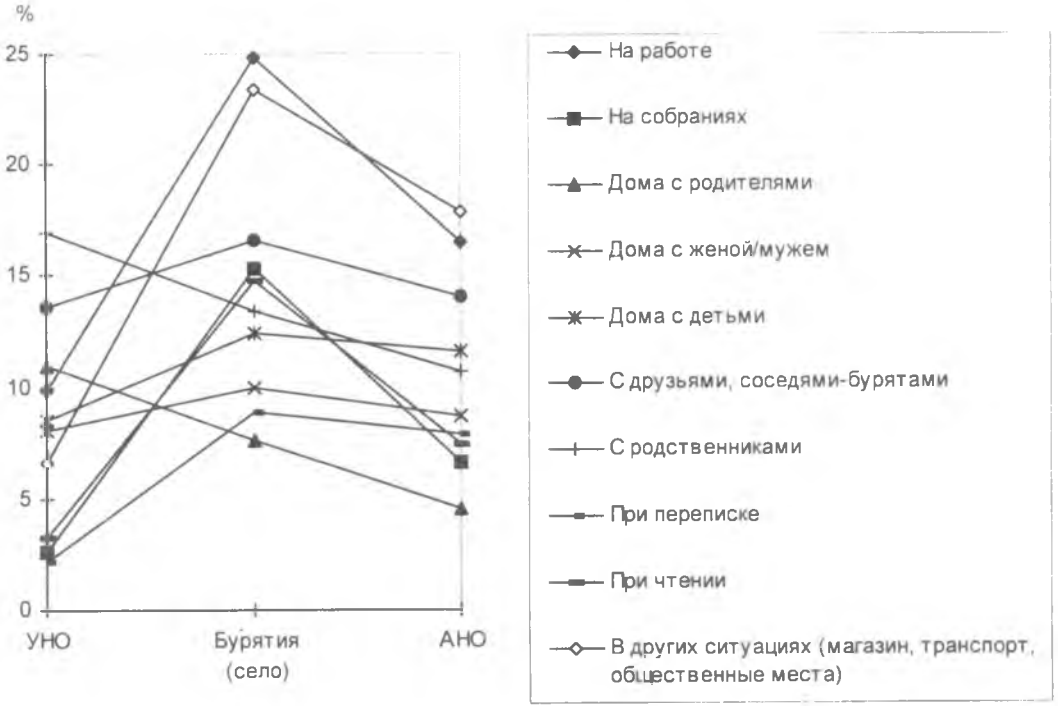


Рис. 6. Использование двух языков в различных ситуациях (сравнение округов с сельской Бурятией)

работе, при чтении, в различных общественных местах. Незначительным оказалось влияние города на двуязычие в следующих ситуациях: общение с родителями, женой-мужем, детьми, родственниками, т. е. эти сферы в городе держатся за счет двуязычия, так как сравнение употребления бурятского языка дает существенную разницу (см. рис. 1 и 4).

Итак, при сравнении использования бурятского и русского языков в различных сферах общения, а также форм и степени их использования наибольший перепад статистических значений наблюдается между Усть-Ордынским и Агинским национальными округами, данные же по Бурятии находятся как бы между ними. При сравнении же показателей сельских районов республики и национальных округов оказывается, что они ближе к показателям Агинского округа, а данные по городам республики ближе к показателям Усть-Ордынского округа. При этом разница языкового положения между Западной и Восточной Бурятией сохранилась и углубилась, русский язык сегодня в Усть-Ордынском округе все более проникает в семейно-бытовую сферу. Сопоставление по диалектам показало, что социолингвистическая ситуация в обследованных районах более или менее одинаковая, разброс показателей небольшой по сравнению с территориальными данными. В свою очередь, территориальное расчленение — менее значимый для языка фактор, чем урбанизация, индустриализация и т. д. Общий анализ результатов показывает четкую зависимость уровня владения бурятами родным и русским языками, а также сфер их использования от социально-демографической принадлежности город — село. Именно в городе и районных центрах республики остро стоит вопрос не только о бурятско-русском двуязычии, но и о существовании бурятского языка вообще. Анализ показал, что в городе основной сферой общения на бурятском языке является семья, родственники, но и здесь все чаще переходят на русский язык. Русский язык является основным языком общения на работе, с друзьями, в транспорте и т. д.

Для сельских районов республики характерно широкое распространение бурятско-русского двуязычия. В официально-социальной среде здесь чаще, чем в городе, используется бурят-

ский язык. В быту, с друзьями и родственниками также обычно общаются по-бурятски. При переписке, чтении книг, в использовании средств массовой информации, при общении в магазинах, транспорте и т. д. все чаще и более широко используется русский язык. Число признавших, что плохо понимает или говорит по-русски, не превышает 1 %.

В городе среди бурят наблюдается явная возрастная тенденция к переходу на русский язык общения, которая тесно связана с процессом миграции населения из деревни в город. Можно заключить, что третье поколение мигрировавших в город бурят будут в основном носителями русского языка: так, если первое поколение мигрантов понимает и говорит по-бурятски, то второе обычно только понимает, но не говорит на родном языке и соответственно их дети, третье поколение, поскольку с ними по-бурятски не разговаривают, уже не будут ни понимать, ни говорить по-бурятски. Это создает известные трудности в общении между поколениями, а также в восприятии традиционной бурятской культуры на родном языке. Введение обучения родному языку в городских школах рассматривается как одна из возможностей решения проблемы ревитализации родного языка. Фактически для многих учащихся это обучение начинается с нуля, большинство из них языка не знает. И если возлагать все надежды только на школу, то ожидать активного использования родного языка в различных сферах жизнедеятельности не приходится. В данном случае можно надеяться только на восстановление знания языка до уровня пассивного владения, а также при введении дополнительных предметов или тем обучения — на знание истории, культуры своего народа.

§ 2. Формы и уровень владения бурятским и русским языками

Анализ различий в использовании конкретных форм бурятского и русского языков в зависимости от разных факторов показывает, что существуют зависимости очевидные и общеизвестные, как, например, описанная выше зависимость от демо-

графического параметра город — село: родившиеся в городе в отличие от родившихся в селе чаще (39,6 % против 7,3 %) признают родным русский язык, до школы больше говорят на русском языке (55,6 % против 9,9 %) и соответственно лучше им владеют. Так же как и для родившихся в городе, для сельчан все более характерной становится тенденция к лучшему владению русским языком, чем бурятским. Так, очень хорошо и хорошо по-русски понимают 93 % опрошенных, говорят — 87,1 %, читают — 91,7 %, пишут — 88,9 %. Соответственно по-бурятски: 85 %, 76 %, 50,8 %, 45,1 %. Можно только отметить, что разница в показателях владения бурятским и русским языками по сравнению с городом пока не так значительна, т. е. именно для села пока наиболее характерен билингвизм.

Степень владения тем или иным языком зависит:

а) от того, на каком языке шло общение родителей в семье. Причем почти независимо от того, на каком языке они разговаривали дома: на русском или бурятском (рис. 7), для всех характерно хорошее знание русского языка, особенно устных форм. Соответственно лучшее знание бурятского языка показывают те, у кого родители дома общались по-бурятски или на обоих языках. Однако те лица, в семьях которых родители разговаривали на обоих языках, показывают лучшее, хотя и незначительно, владение всеми формами русского языка, чем те, в семьях которых родители общались только по-русски;

б) от типа школы (бурятской или русской), оконченной респондентом. Так же как и в случае а) независимо от типа школы наблюдается довольно высокий уровень знания русского языка (рис. 8). Окончившие бурятскую школу хорошо владеют и бурятским и русским языком, хотя русским немного хуже, чем те, кто окончил русскую школу, причем степень владения устными формами родного языка выше, чем устными формами русского языка, и, наоборот, письменными формами лучше русскими, чем бурятскими;

в) от социального происхождения. Выделенные три группы респондентов по социальному происхождению (из крестьян, рабочих и служащих-интеллигенции) соответственно располагаются по степени владения бурятским и русским языками

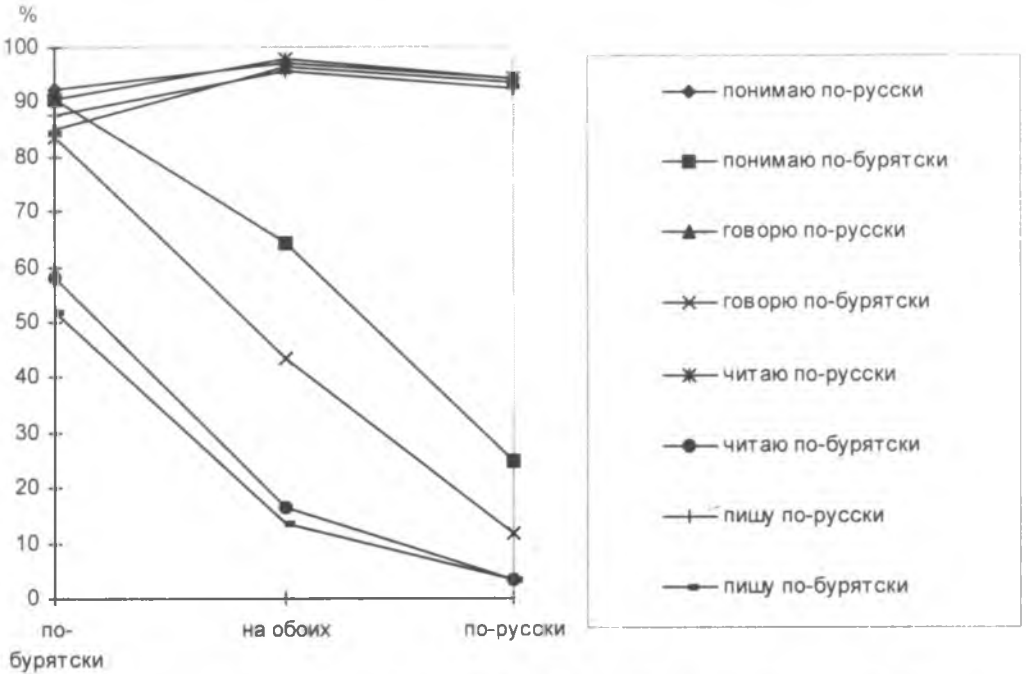


Рис. 7. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от того, на каком языке шло общение родителей в семье

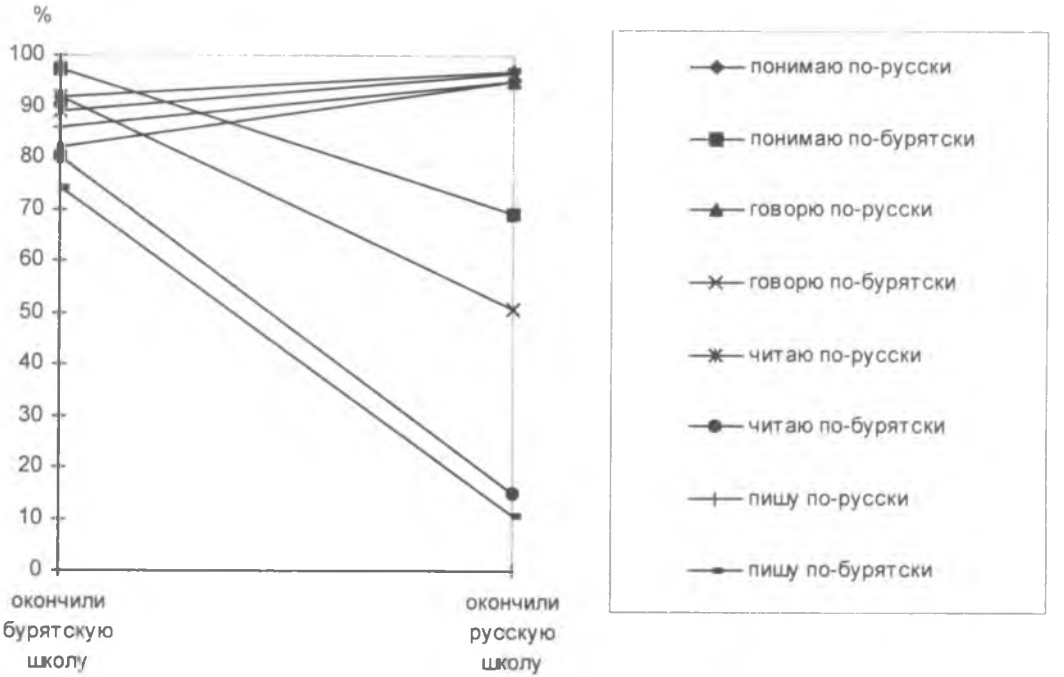


Рис. 8. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от типа школы, оконченной респондентом

(рис. 9). То есть лучше владеют русским и хуже бурятским языком респонденты из служащих-интеллигенции и, наоборот, лучше бурятским и хуже русским языком — из крестьян. Как и по другим параметрам разница во владении русским языком незначительна, а бурятским языком — существенна, особенно у ответивших «из служащих-интеллигенции»;

г) от социального положения. Данная зависимость соответствует зависимости в), но отличается от нее тем, что, во-первых, социальная группа «сельхозработники» в отличие от группы «из крестьян» говорят и понимают по-бурятски лучше, чем по-русски, и, во-вторых, разница между группами по владению такими формами бурятского языка, как «читаю» и «пишу», незначительна (рис. 10);

д) от образования. С учетом оценок «очень хорошо» и «хорошо» функционирование бурятского и русского языков в различных формах представлено на рис. 11. Все линии, показывающие владение русским языком, — восходящие от начального образования к высшему, т. е. знание русского языка с повышением уровня образования улучшается. Однако для людей со средним образованием и выше характерно лучшее владение активной формой «пишу» и пассивными формами «понимаю» и «читаю», чем активной формой «говорю».

Линии, показывающие владение бурятским языком, в основном нисходящие, хотя на уровне незаконченного среднего, среднего, среднетехнического (среднеспециального) образования они почти прямые, т. е. знание бурятского языка здесь мало зависит от образования. Все линии показывают постепенное понижение по формам владения бурятским языком от «понимаю» до «пишу», причем довольно значителен разброс значения между устными и письменными формами владения языком.

Самые сильные отклонения дает начальное образование. Лица с начальным образованием лучше владеют всеми формами бурятского языка (кроме формы «пишу», степень владения этой формой в обоих языках одинакова), чем русского, причем по-русски они лучше говорят, чем читают, и тем отличаются от остальных респондентов.

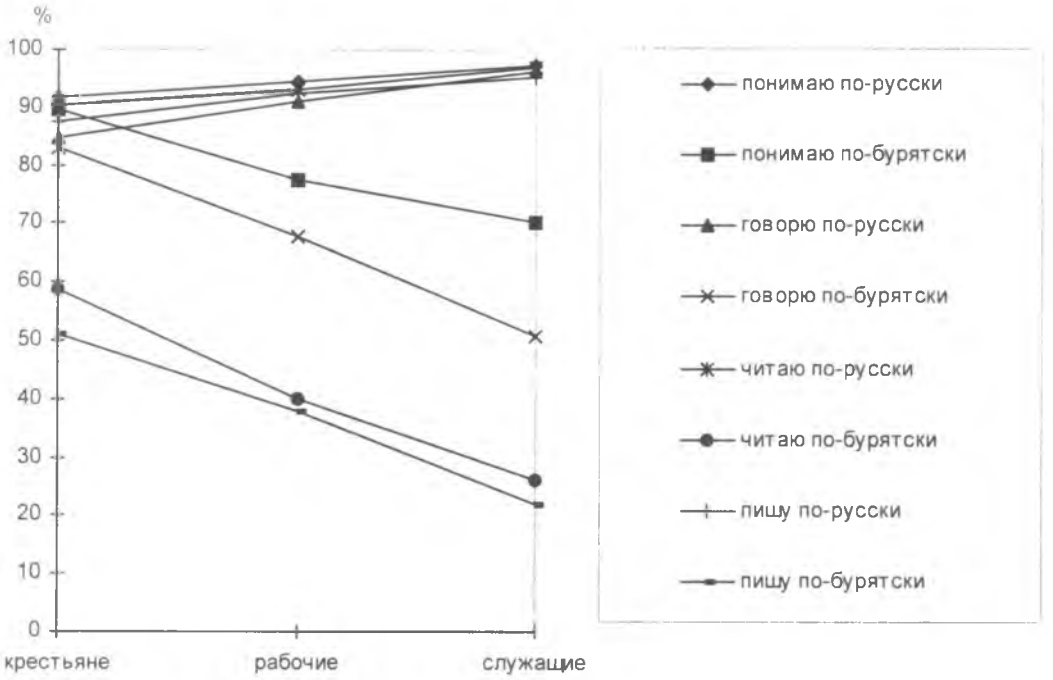


Рис. 9. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от социального происхождения

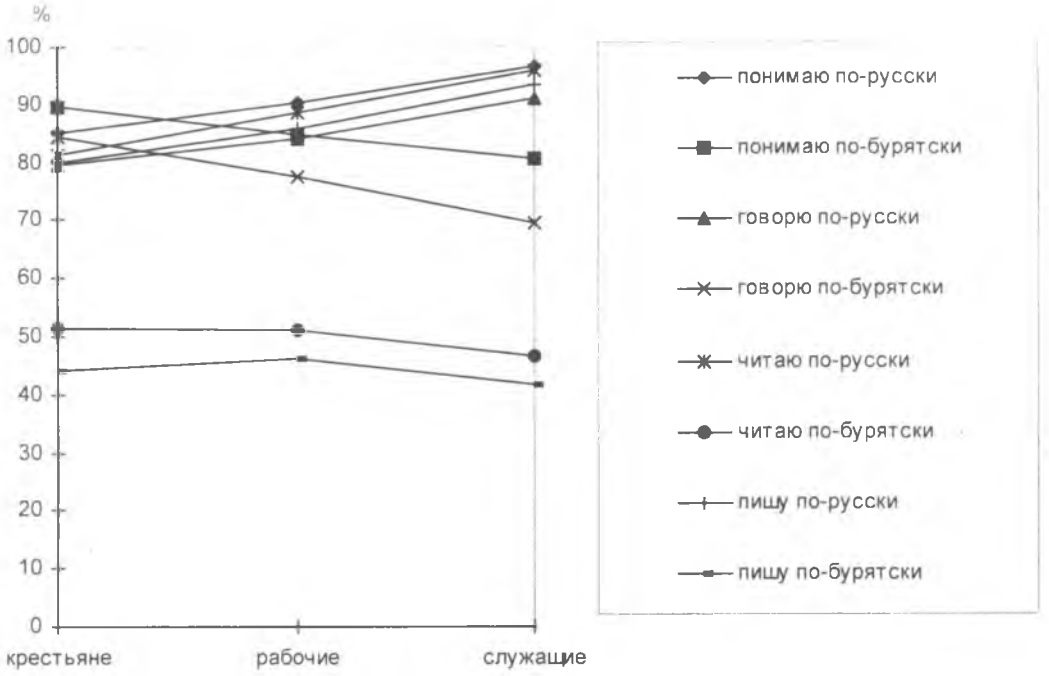


Рис. 10. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от социального положения

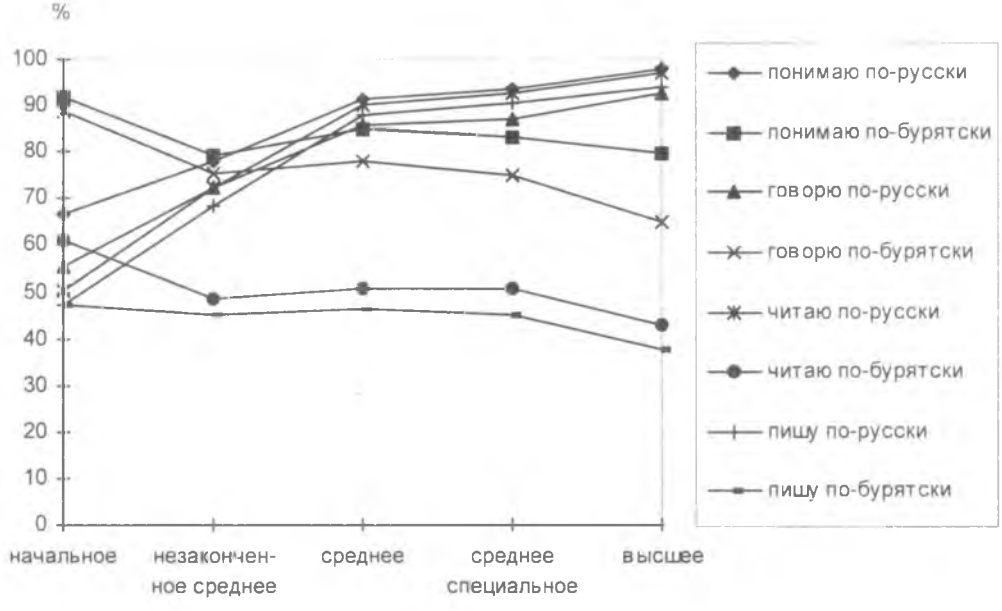


Рис. 11. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от уровня образования

На уровне незаконченного среднего образования знание бурятского языка выше по параметрам «понимаю» и «говорю», причем расхождения в показателях между бурятским и русским языками незначительны, т. е. если условно принять, что билингв — лицо в одинаковой степени владеющее обоими языками в устной форме, то лица с незаконченным средним образованием больше других подходят под данное определение.

Респонденты со средним и выше образованием владеют всеми формами русского языка лучше, чем бурятского;

е) от возраста. Данный признак тесно связан с предыдущим признаком «образование». Возраст считается одним из наиболее существенных демографических признаков, влияющих на функционирование языков.

Для выявления динамики функционирования того или иного языка в зависимости от возраста все респонденты были классифицированы на 10 групп: родившиеся до 1928 г. — 1-я, 1929—1933 гг. рождения — 2-я, 1934—1938 гг. — 3-я, 1939—1943 гг. — 4-я, 1944—1948 гг. — 5-я, 1949—1953 гг. — 6-я, 1954—1958 гг. — 7-я, 1959—1963 гг. — 8-я, 1964—1968 гг. — 9-я, родившиеся после 1969 г. — 10-я.

По уровню владения русским языком идет четкое деление респондентов на довоенное и послевоенное поколение: все линии, показывающие формы владения русским языком с возраста 1944—1948 гг. рождения, идут резко вверх и равномерно в верхней зоне схемы (см. рис. 12). В нашем случае еще раз подтвердилась общеизвестная зависимость: более старшее поколение лучше владеет бурятским языком, причем с определенного возраста (1944—1948 гг.) идет постепенное ухудшение владения всеми формами бурятского языка. Именно в 50-е гг., когда послевоенные дети пошли в школу, было принято решение, которое во многом способствовало вытеснению бурятского языка из школы: преподавание всех учебных дисциплин было переведено с 5-го класса на русский язык.

Для лиц, родившихся до 1943 г., характерно лучшее владение устными формами бурятского языка, чем русского. Интересно также то, что респонденты 1934—1938 гг. рождения (те, кто получил образование в военные и послевоенные годы) по-

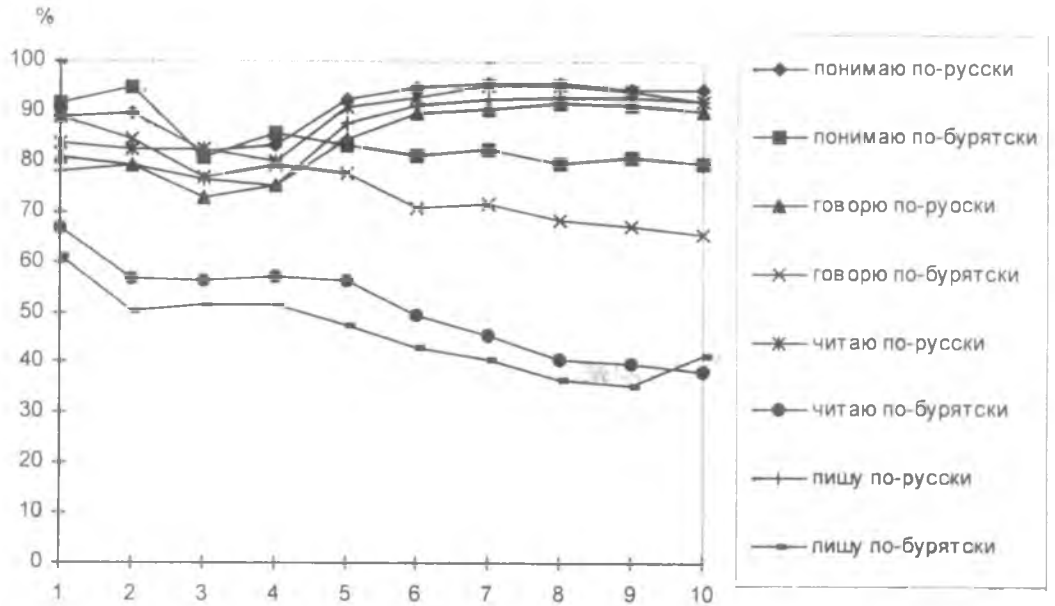


Рис. 12. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от возраста

казывают резкое ухудшение владения устными формами и бурятского и русского языка. Лучше, а может быть, больше всех читают по-бурятски респонденты, родившиеся до 1928 г.;

ж) от сфер производства. Выделены и анализируются следующие сферы: 1 — промышленность, 2 — сельское хозяйство, 3 — связь, 4 — строительство, 5 — аппарат управления, 6 — юридические органы (в основном работники МВД), 7 — коммунальное хозяйство и обслуживание, 8 — здравоохранение, 9 — торговля, 10 — наука, 11 — образование, 12 — культура и искусство, 13 — транспорт (рис. 13).

Как и в вышеописанных случаях, для данной зависимости характерен высокий уровень функционирования всех форм русского языка. Относительно низкий уровень владения русским языком наблюдается у работников сельского хозяйства, сферы обслуживания и коммунального хозяйства и транспорта. Последние также неважно владеют и всеми формами бурятского языка. Работники сельского хозяйства показали, что они одинаково владеют всеми формами русского языка и устными формами бурятского языка. Самые высокие показатели владения русским языком у работников аппарата управления, МВД, здравоохранения, культуры и искусства. Интересно, что научные работники значительно лучше понимают и читают по-русски, чем пишут и разговаривают.

Степень владения бурятским языком, как и в остальных зависимостях, показывает сильный разброс значений показателей между устными и письменными формами. Самые высокие показатели владения бурятским языком у работников сельского хозяйства, образования и МВД. Работники торговли хорошо «понимают» и «говорят», но плохо «читают» и «пишут» по-бурятски. Относительно низкие показатели владения бурятским языком у рабочих промышленности, строителей, научных работников и работников искусства.

Итак, большинство рассмотренных зависимостей схожи и демонстрируют относительно высокий уровень владения русским языком независимо от места рождения (город — село), от того, на каком языке разговаривали дома родители, от социального происхождения и положения, от типа (бурятская-русская)

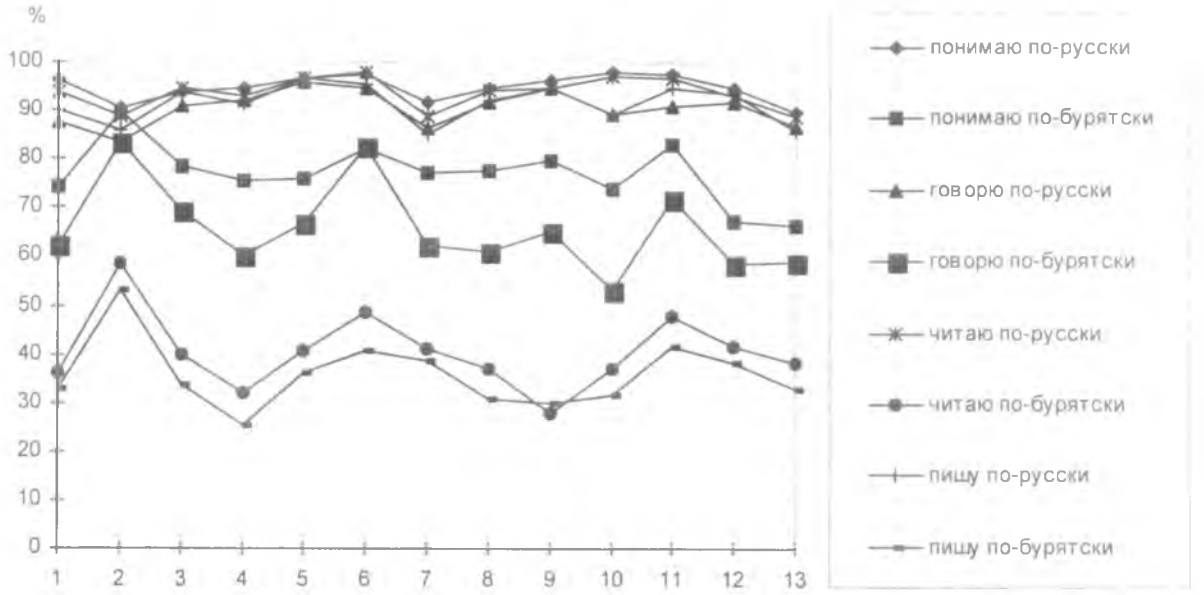


Рис. 13. Формы и степень владения бурятским и русским языками в зависимости от сфер производства

оконченной школы, от сферы производства. Наибольшая разница в показателях владения бурятским и русским языками наблюдается в зависимостях от места рождения, разговора родителей в семье, от типа школы, т. е. данные параметры являются решающими во владении бурятским языком.

Интерес представляет зависимость от возраста, показывающая четкое деление респондентов по степени владения бурятским и русским языками на довоенное и послевоенное поколения. Но признак «возраст» оказывает меньшее воздействие на выбор языка общения, чем признак «образование», один из основных демографических признаков, влияющий на данный выбор.

Из всех форм владения русским языком самым трудным для бурят оказывается разговор, во всех зависимостях значения параметра «говорю» несколько ниже, чем все остальные. Обычно естественным является лучшее владение устными формами «понимаю» и «говорю», чем «читаю» и «пишу». Так, в бурятском языке, как показало обследование, самой трудной является активная письменная форма «пишу». Однако настораживает сильная разница между показателями владения устными и письменными формами бурятского языка. Отчасти это можно объяснить неприятием носителей разных диалектов установленной литературной нормы бурятского языка либо общеизвестным десятилетним перерывом в преподавании бурятского языка в школах республики, хотя возрастная зависимость показывает, что и старшее поколение читает и пишет по-бурятски хуже, чем по-русски, чем понимает и говорит по-бурятски. Таким образом, условно мы можем назвать билингвами, достаточно хорошо владеющими устными формами бурятского языка и всеми формами русского языка, бурят — выходцев из сельской местности, там же проживающих, примерно до 1943 г. рождения, по происхождению из крестьян, работников сельского хозяйства, МВД и образования, с незаконченным средним образованием и окончивших бурятскую школу, родители которых к тому же дома разговаривают или разговаривали на бурятском языке.

§ 3. Основные сферы функционирования бурятского и русского языков

Анализ использования бурятского, русского, а также попеременно обоих языков в различных ситуациях общения проводился в зависимости от признаков «образование», «возраст» и «сфера деятельности». Выделенные 10 сфер общения можно разделить на две группы: 1) семейно-бытовая, или сфера личных контактов, куда входят общение с родителями, женой (мужем), детьми, родственниками, друзьями (соседями)-бурятами; 2) общественно-производственная сфера, сюда включены общение на работе с коллегами, выступления на собраниях, общение на транспорте, в магазинах и др., кроме того, как мы увидим далее, по многим параметрам здесь подходят переписка и чтение книг, газет и журналов.

а. Зависимость использования языка общения от образования. Выделенные две группы сфер общения существенно отличаются друг от друга по использованию языков. В первой, семейно-бытовой, преимущественно используется бурятский язык. Исключение составляет сфера общения с детьми (рис. 18): лица с высшим образованием предпочитают в данном случае русский язык. Как показал анализ, признак «образование» менее всего сказывается в общении с родителями, кривая линия на рис. 14, отображающая бурятский язык, относительно менее изломана.

Если расположить все рассматриваемые семейно-бытовые сферы в порядке убывания среднего значения использования бурятского языка и увеличения значений использования русского языка, что графически хорошо выражается в увеличении расстояния между линиями, отображающими использование рассматриваемых языков, то получится такая последовательность: 1) общение с родителями, 2) с родственниками, 3) с друзьями-соседями, 4) с женой (мужем), 5) с детьми (рис. 14—18). Во второй группе подобная последовательность будет выглядеть следующим образом: 1) на работе, 2) при переписке, 3) в магазине, транспорте и др., 4) на собраниях, 5) при чтении (рис. 19—23). Причем в последнем случае число информантов с

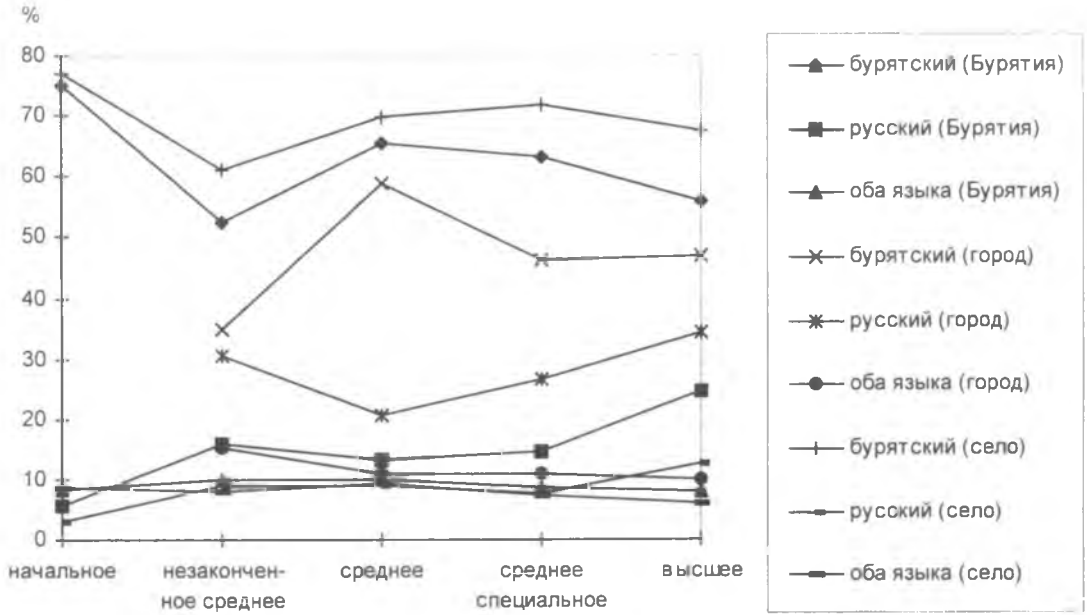


Рис. 14. Влияние образования на языковое поведение в общении с родителями

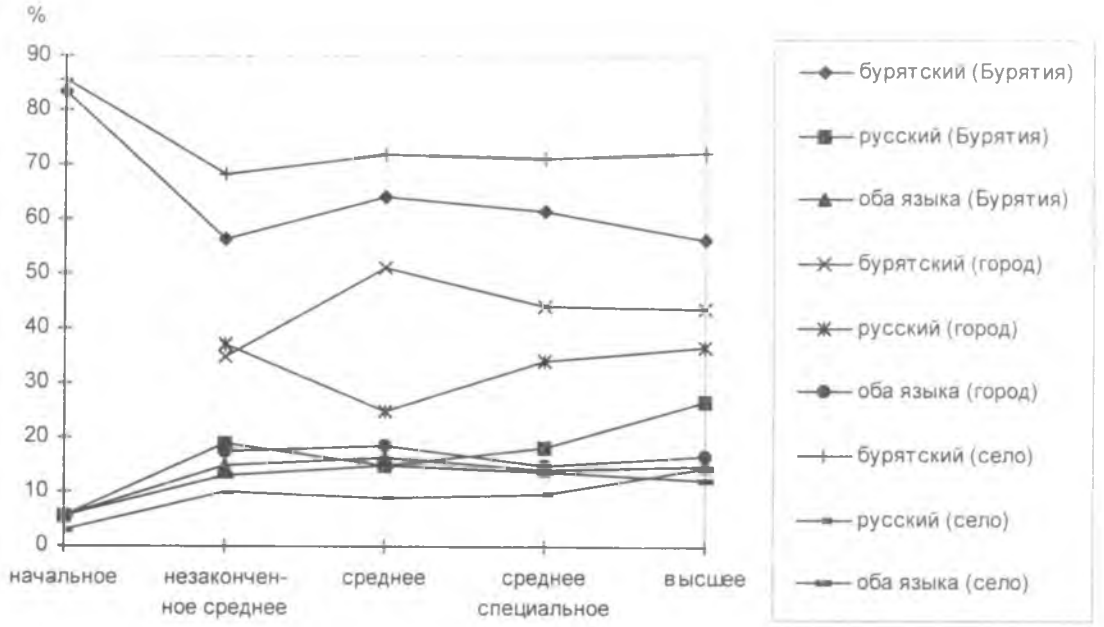


Рис. 15. Влияние образования на языковое поведение в общении с родственниками

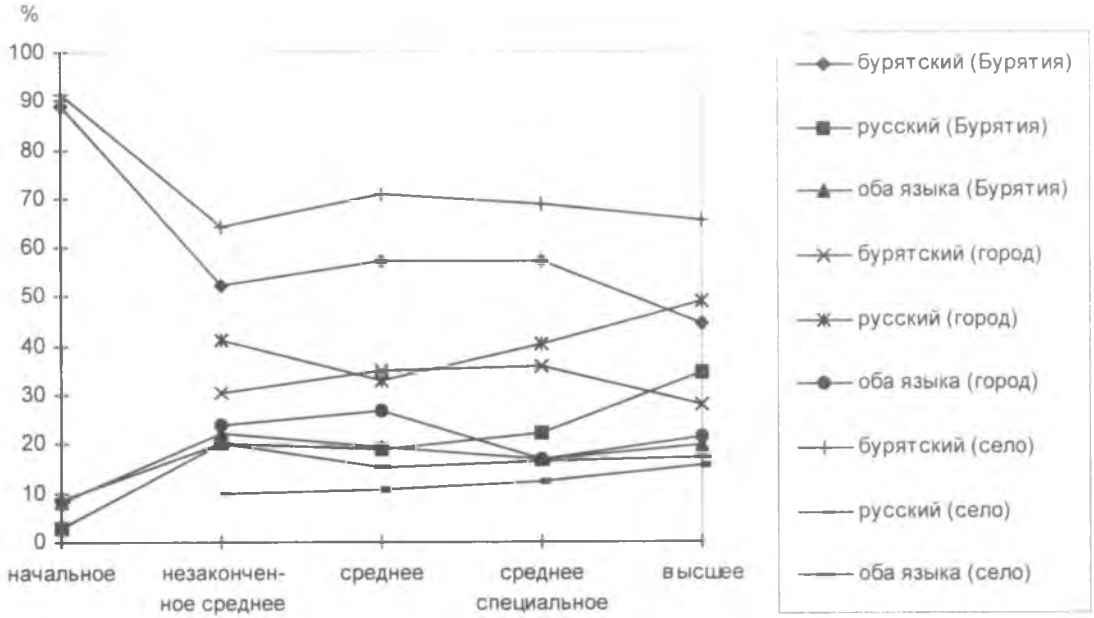


Рис. 16. Влияние образования на языковое поведение в общении с друзьями и соседями (бурятами)

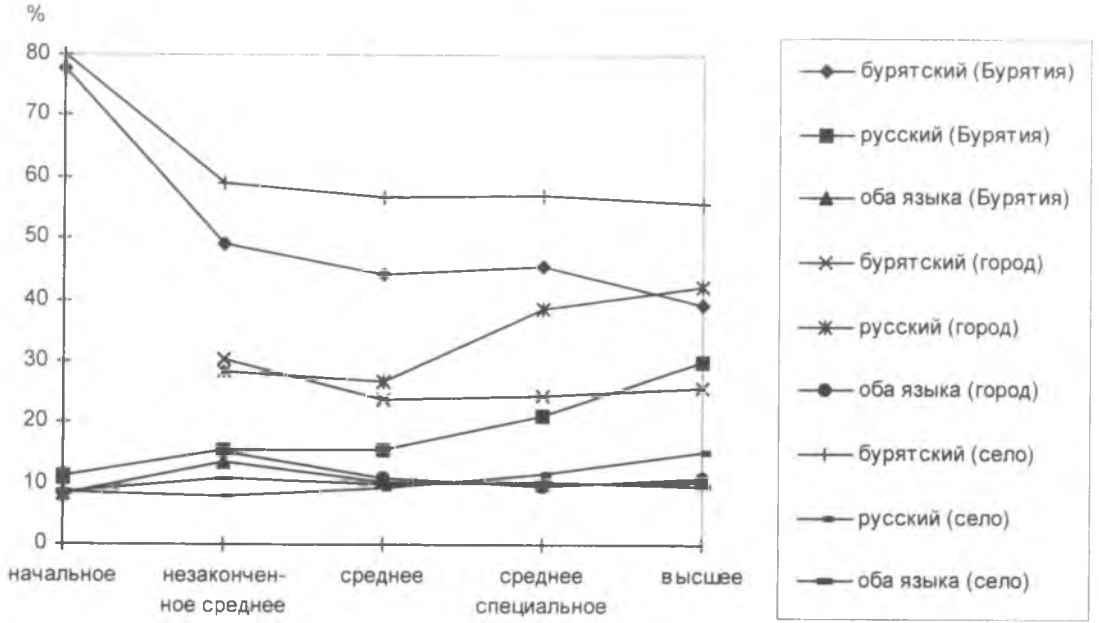


Рис. 17. Влияние образования на языковое поведение в общении с женой/мужем

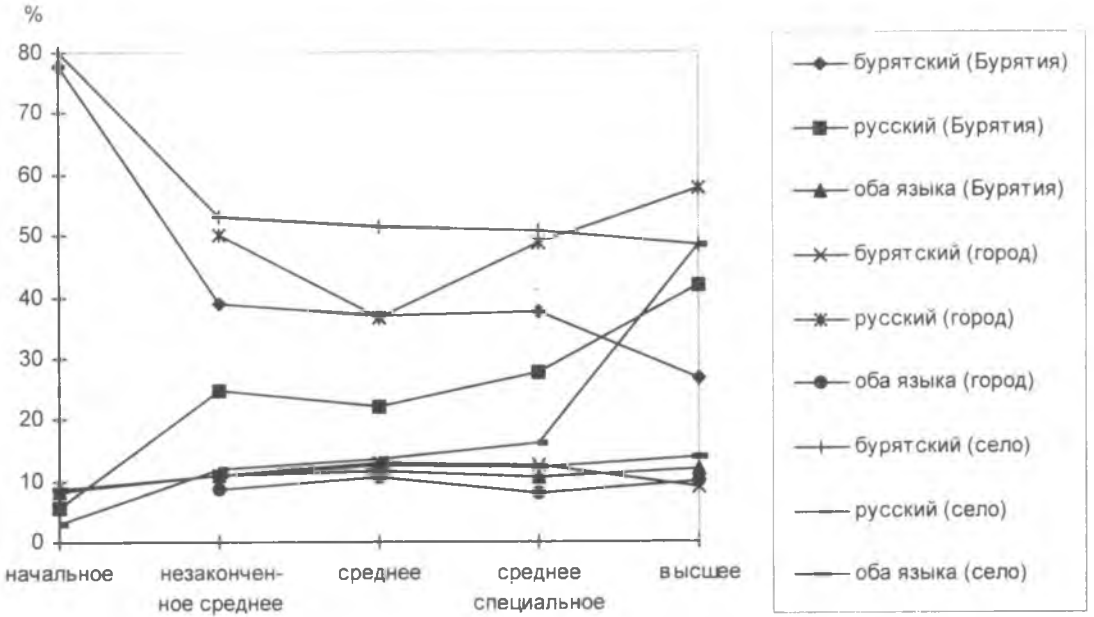


Рис. 18. Влияние образования на языковое поведение в общении с детьми

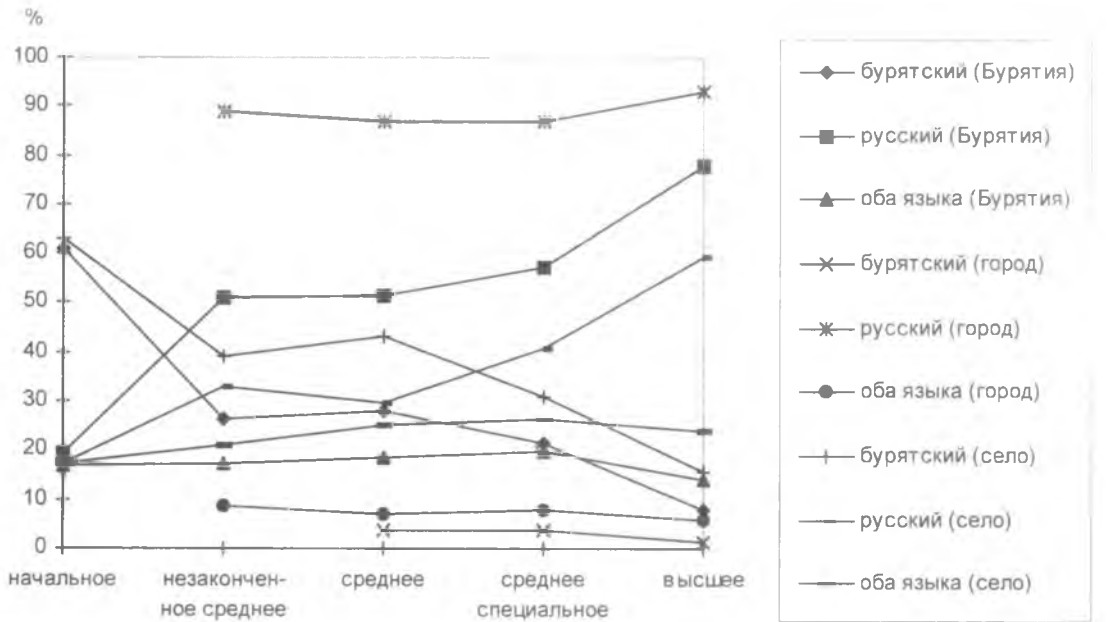


Рис. 19. Влияние образования на языковое поведение в общении с коллегами на работе

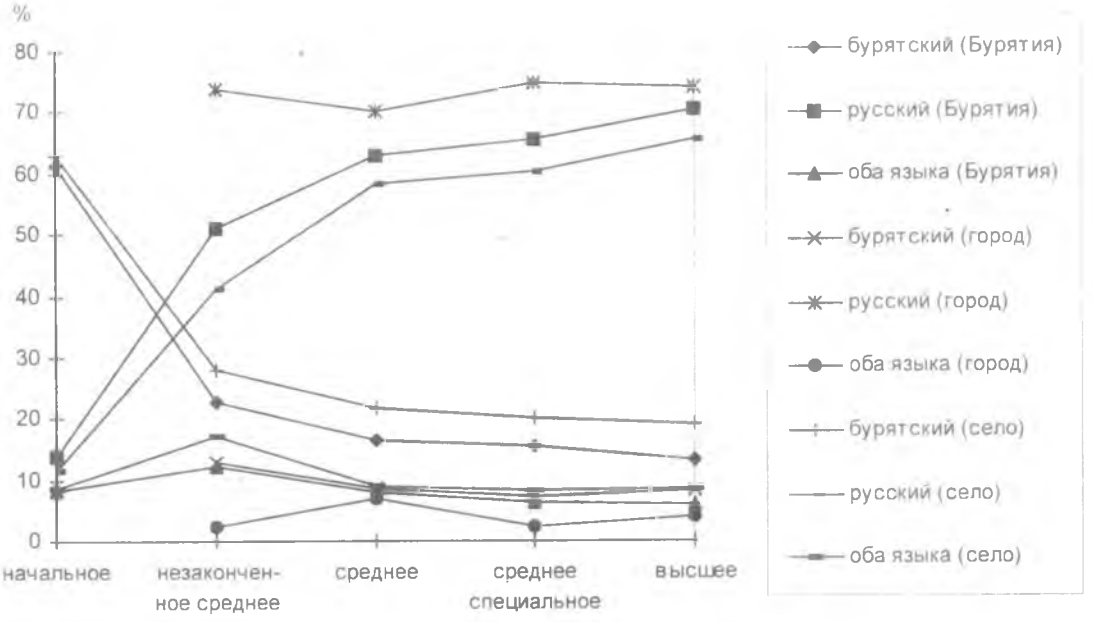


Рис. 20. Влияние образования на языковое поведение в общении при переписке

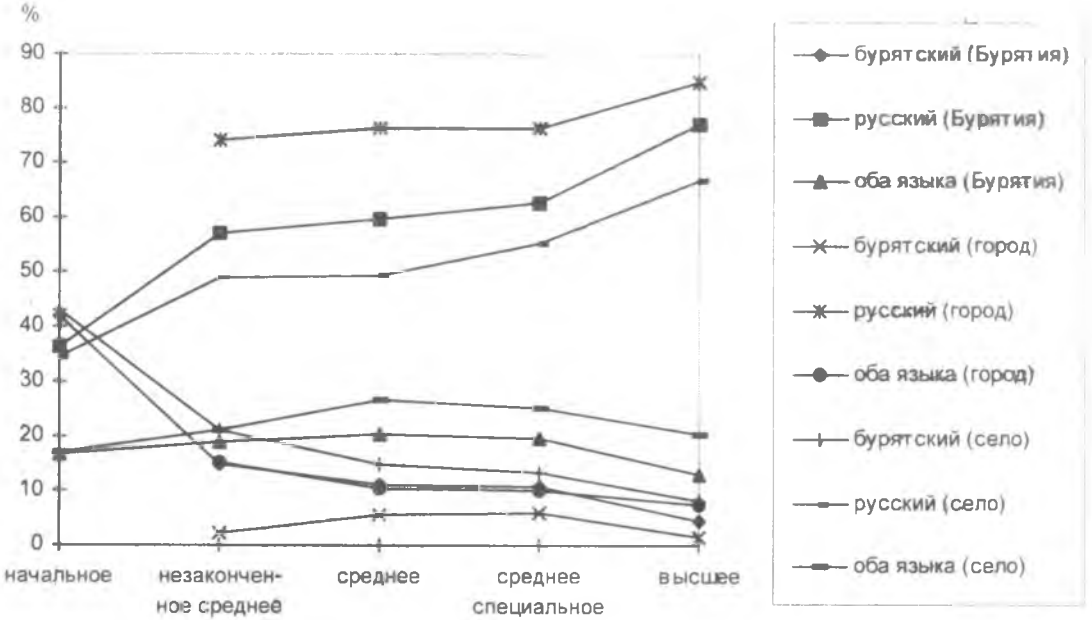


Рис. 21. Влияние образования на языковое поведение в общении в магазинах, на транспорте и т. д.

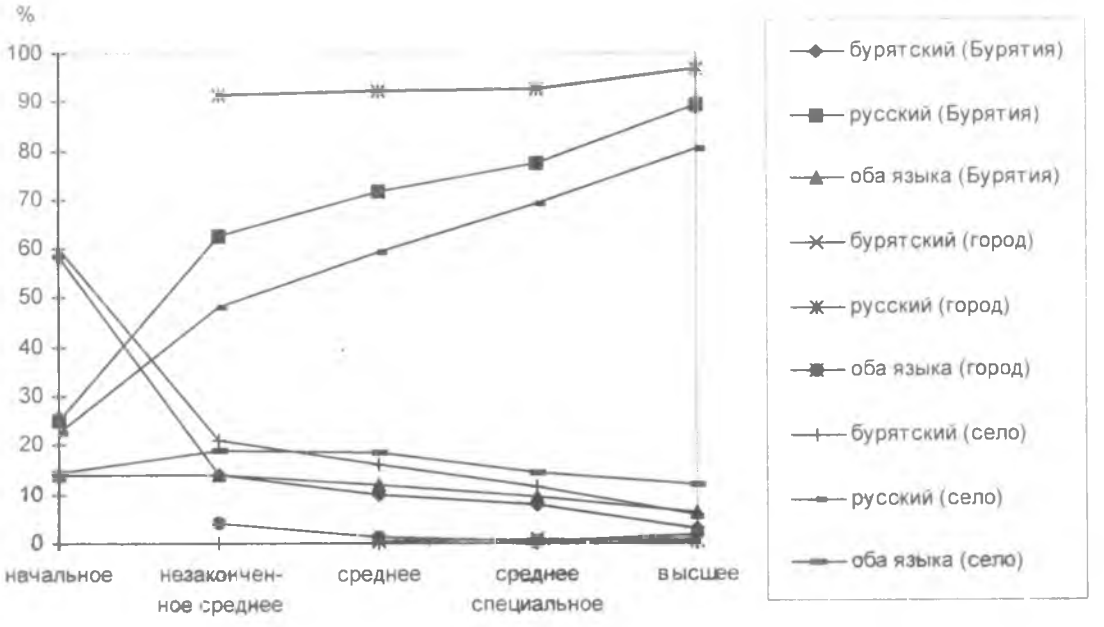


Рис. 22. Влияние образования на языковое поведение при выступлении на собраниях

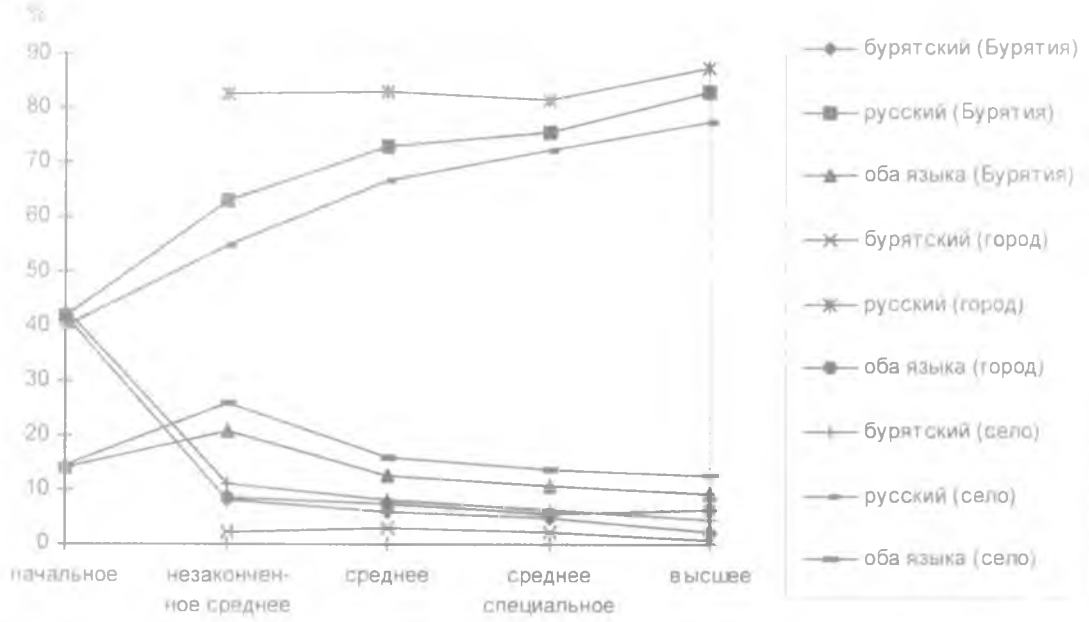


Рис. 23. Влияние образования на языковое поведение при чтении книг, газет и журналов

начальным образованием, предпочитающих читать литературу и периодику на бурятском и русском языках, разделились поровну. Таким образом, сферой наиболее активного использования бурятского и соответственно наименьшего — русского является сфера общения с родителями и, наоборот, менее всего бурятский язык используется при чтении.

Самые большие отклонения в показателях общения на бурятском и русском языках дает начальное образование. Во всех сферах у них самый высокий процент общения на бурятском языке. В любом случае информанты с начальным образованием предпочитают бурятский язык, за исключением чтения книг, газет, журналов. В семейно-бытовых сферах представители с начальным образованием незначительно отличаются от остальных в использовании русского или обоих языков.

Необходимо отметить, что линии, показывающие использование двух языков (ситуация двуязычия) в рассматриваемых сферах, не отличаются, во-первых, большими значениями и, во-вторых, значительными перепадами, они относительно ровные, т. е. мало зависят от образования, а в ситуациях речевого поведения, например, с родственниками и друзьями-соседями переплетение кривых, отображающих использование русского языка и двуязычия, показывает, что четких критериев варьирования двуязычия и русского языка в зависимости от образования (за исключением высшего образования) не наблюдается, т. е. в данных ситуациях образование не влияет на выбор русского языка или двуязычия.

Невысокие показатели билингвистической ситуации, использования двух языков, вероятно, связаны с тем, что русский и бурятский языки обычно функционально взаимодействуют, дополняют друг друга в различных сферах.

Уровень использования обоих языков или смешения языков ниже, например в семейно-бытовой сфере, уровня использования русского языка, за исключением ситуации общения с родственниками и друзьями-соседями, когда наблюдается варьирование двуязычия и русского языка. В общении с коллегами по работе, а также в выступлениях на собраниях двуязычие и бурятский язык используются примерно на одном уровне, исклю-

чение составляют информанты с начальным образованием, а при контактах в транспорте, магазинах и т. д., при чтении книг, газет и журналов ситуация двуязычия имеет больше места, чем преимущественное использование бурятского языка. При переписке идет четкое деление на использование либо бурятского, либо русского языка, двуязычие используется реже.

Незначительным повышением показателей использования двух языков при чтении, переписке, в общении с друзьями-соседями и с женой (мужем) выделяются респонденты с незаконченным средним образованием. Во многих рассматриваемых сферах незаконченное среднее, среднее и среднеспециальное (средиетехническое) образование не дает существенных расхождений в использовании языков, особенно бурятского. Более заметными являются увеличения показателей значений русского языка в общественных сферах с повышением среднего образования.

Очевидно, лица с высшим образованием в отличие от остальных характеризуются более активным использованием русского языка во всех сферах, причем во всех семейно-бытовых, за исключением указанного выше случая общения с детьми они пока предпочитают общаться на бурятском языке, при этом разница в показателях с респондентами, не имеющими высшего образования, пока незначительна.

Если рассматривать речевое общение в отдельно взятых сферах и сравнивать, например, сельских и городских респондентов, то можно наблюдать большой разрыв между показателями город — село. В городе, во-первых, на производстве, в выступлениях на собраниях, при чтении, переписке, т. е. в общественно-производственной группе, в основном используется русский язык; во-вторых, образование в этих сферах почти не играет роли в определении уровня владения тем или иным языком, разница в значениях показателей между использованием бурятского или русского языка информантами с незаконченным средним, средним, среднеспециальным и высшим образованием незначительна.

В сельской местности в общественно-производственных сферах, при переписке и чтении также превалирует русский

язык, однако в меньшей степени, чем в целом по республике, например, в общении с коллегами на работе респонденты со средним и ниже образованием в основном используют бурятский язык, а со среднеспециальным и высшим — русский. Для респондентов с высшим образованием характерно также более активное использование двуязычия, чем бурятского языка. Уровень использования двуязычия в селе выше, чем в среднем по республике. При чтении литературы, в общении в магазинах, транспорте и в выступлениях на собраниях двуязычие используется чаще, чем бурятский язык. Исключение опять составляют информанты с начальным образованием.

Во всех общественных сферах, при чтении, переписке в сельской местности разрыв между показателями уровня владения бурятского и русского языков по всем видам образования сохраняется, но становится меньше. Таким образом, в данных сферах для села характерно, во-первых, более широкое использование бурятского языка, во-вторых, билингвизм, использование в одной и той же ситуации двух языков, причем уровень использования двуязычия здесь выше, чем в среднем по республике, в-третьих, образование в сельской местности оказывает одно из решающих воздействий на распространение русского языка в сфере общественно-производственной деятельности бурят на всех уровнях коммуникации, на владение устной и письменной речью.

В отличии от сферы общественно-производственных связей в сфере личных контактов в сельской местности разрыв между показателями уровня владения бурятским и русским языками, наоборот, увеличивается, а в городе сужается, за исключением сферы общения с детьми. И если в общем по республике в сферах личных контактов наблюдается преимущественное использование бурятского языка, то в городе подобное наблюдается только в общении с родителями и родственниками, причем более всех используют бурятский язык в данном случае информанты со средним образованием*. В разговоре с женой/мужем

---

* Среди городских информантов не оказалось лиц с начальным образованием.

и друзьями-соседями большинство информантов со среднеспециальным и высшим образованием предпочитают русский язык.

Использование бурятского языка в общении с детьми в городе находится на том же уровне, что и двуязычие, и не зависит от образования. Резкое снижение уровня использования русского языка в данной сфере дают информанты со средним образованием, что, скорее всего, объясняется тем, что, вероятно, многие представители этой группы детей еще не имеют (40,3 % дали отрицательный ответ на данный вопрос). Уровень общения с детьми на бурятском языке в селе существенно выше, чем средний уровень по республике, и почти не зависит от образования. Сильные отклонения, как всегда, дают респонденты с начальным образованием.

В целом степень использования русского языка или двуязычия в семейно-бытовой сфере в сельской местности примерно та же, что и бурятского языка или двуязычия в городе или двуязычия в целом по республике.

б. Влияние возраста на выбор языка общения. По признаку «возраст», как и по «образованию», произошло четкое деление сфер на общественно-производственные, чтение, переписку и на семейно-бытовые.

В первом случае высокий уровень использования русского языка характеризуется в целом постепенным увеличением числа информантов с уменьшением их возраста: чем моложе поколение бурят, тем шире использование русского языка. Причем если показатели использования русского языка информантами послевоенных поколений постепенно увеличиваются, то для информантов довоенных поколений характерны значительные перепады показателей: например, при общении на работе с коллегами, в выступлении на собраниях, при переписке респонденты 1934—1938 гг. рождения меньше используют русский язык при чтении и переписке, они более остальных предпочитают в данных случаях бурятский язык, причем самая высокая степень использования бурятского языка при переписке у респондентов до 1928 г. и 1939—1943 гг. рождения. Интересно, что на уровне молодых поколений используют русский язык при переписке информанты 1929—1933 гг. рождения.

Самый высокий уровень использования бурятского языка в данной группе — на работе, при этом он почти не зависит от возраста. Незначительные отклонения дают самые молодые и самые пожилые респонденты, их показатели несколько ниже среднего, примерно, 20 %-ного уровня. В общении с коллегами своей национальности респонденты до 1948 г. рождения более, чем бурятский язык, предпочитают двуязычие, а следующие поколения общаются в данном случае больше на бурятском языке, чем на двух языках.

Самый низкий уровень использования бурятского языка при чтении и в выступлениях на собраниях. В последнем случае использование двуязычия и бурятского языка находится примерно на одном уровне и с уменьшением возраста этот уровень постепенно понижается.

При чтении и общении в общественных местах, магазинах, транспорте представители всех возрастов предпочитают более двуязычие, чем бурятский язык.

В семейно-бытовых сферах в основном превалирует бурятский язык. Однако преимущественное употребление бурятского языка респондентами более старшего поколения существенно заметно только в сфере общения с друзьями-соседями. На показатели речевого поведения информантов с родителями, женой/мужем и детьми оказывают влияние значения отрицательных ответов: отсутствие родителей у более старшего поколения, отсутствие супруга и детей у молодых. Несмотря на это, можно наблюдать следующее: языковое поведение информантов в общении с родителями устойчиво, не допускает варьирования в зависимости от возраста, основная масса респондентов (чуть более 60 %) всех поколений начиная с возраста 1939—1943 гг. рождения общается с родителями преимущественно на бурятском языке, т. е. представители старшего поколения являются хранителями национальных традиций, национального языка. В общении с женой/мужем возрастная зависимость особенно заметна: чем моложе супруги, тем меньше они общаются на бурятском языке или используют двуязычие. Функционирование русского языка в данной сфере постепенно, но расширяется. То есть отсутствие супруга и соответственно число отрицательных

ответов на вопрос: «На каком языке Вы общаетесь с женой/мужем?» в основном отражается на показателе функционирования бурятского языка.

В общении с детьми наблюдается все более широкое распространение русского языка. Чем моложе родители, тем шире они используют русский язык. Уровень его использования родителями начиная с 1954—1958 гг. рождения примерно равен уровню использования бурятского языка. Интересно, что информанты до 1928 г. рождения так же и даже больше, чем молодежь, используют в данной сфере русский язык, т. е. бабушки и дедушки этого возраста с внуками примерно в 45 случаях из 100 разговаривают по-русски, а информанты 1929—1933 гг. рождения имеют самые высокие показатели в использовании двуязычия в общении с детьми.

Функционирование двуязычия почти во всех семейно-бытовых сферах находится ниже уровня использования русского языка, особенно у более молодых информантов.

в. Влияние сферы деятельности на язык общения. Во всех сферах общественной деятельности, а также при переписке и чтении в основном имеет место русский язык, уровень его использования относительно высокий, что в основном объясняется тем, что функционирование языков в общественно-производственных сферах во многом определяется неоднородностью национального состава производственных коллективов.

Наиболее однородные коллективы — в сельской местности. У работников сельского хозяйства во всех сферах самые высокие показатели общения на бурятском языке и соответственно самые низкие — на русском. Причем в общении с коллегами по работе только у них уровень общения по-бурятски выше, чем по-русски (38,3 % против 33,3 %). В этой сфере у них также самый высокий уровень использования двуязычия. Обычно двуязычие в сфере общественной деятельности и при чтении незначительно превалирует над бурятским языком. Исключение составляют: 1) выступления на собраниях, здесь нет четких критериев варьирования двуязычия и бурятского языка в зависимости от сферы деятельности респондентов, 2) общественные места, где работники аппарата управления и сферы искусства

более, чем двуязычие, предпочитают бурятский язык, 3) производство, общение с коллегами, где работники сельского хозяйства, торговли и сферы искусства также в основном предпочитают бурятский язык. При переписке уровень использования бурятского языка выше, чем уровень использования двуязычия, но, естественно, намного ниже, чем русского.

Более всех используют русский язык в общении с коллегами по работе связисты, работники МВД, промышленности; бурятский язык — работники сельского хозяйства, торговли, образования и искусства. В общении в транспорте, в магазине и т. д. русский язык чаще используют научные работники, транспортники, строители; бурятский язык — сельхозработники, служащие аппарата управления и просвещения.

Анализ функционирования языков в семейно-бытовой сфере в зависимости от сферы деятельности респондентов позволяет выделить:

а) сферы общения с родственниками и родителями. Респонденты почти всех видов деятельности используют в данных случаях преимущественно бурятский язык. Исключение составляют работники искусства и транспорта, предпочитающие русский язык в общении с родственниками;

б) сферы общения с женой/мужем и друзьями/соседями. В данных случаях разрыв между показателями использования бурятского и русского языков не так значителен, как в случае а);

в) сфера общения с детьми. Представители всех сфер деятельности, кроме работников сельского хозяйства, разговаривают с детьми в основном по-русски.

Уровень использования двуязычия почти во всех семейно-бытовых сферах в основном ниже уровня использования русского языка, только работники сельского хозяйства чаще используют двуязычие, чем русский язык.

Почти во всех семейно-бытовых сферах относительно высокими показателями использования бурятского языка выделяются работники сельского хозяйства, аппарата управления, торговли и просвещения. Русский язык в данных случаях чаще используют научные работники, работники сферы искусства, транспорта, связи и промышленности.

При сравиении, например, уровней использоваиия русского языка в общении с коллегами по работе и с друзьями/соседями оказывается, что, во-первых, использование русского языка в последнем случае намного уже; во-вторых, для научных работников, медиков, транспортников и работников искусства характерен высокий уровень использования русского языка в обеих сравниваемых сферах, т. е. представители данных отраслей предпочитают русский язык и в общении с друзьями и с коллегами по работе. Что касается бурят, работающих в органах МВД и в связи, то для многих из них использование русского языка на работе является производственной необходимостью, в общении с друзьями/соседями их показатели использования русского языка не так высоки, как в сферах общения с коллегами.

Таким образом, сфера деятельности влияет иа выбор языка общения, однако этот выбор еще в большей степени зависит от окружения, чем от специальности, профессии, особенно в городе.

* * *

Итак, можно сказать, что в целом бурятское население республики является двуязычным, причем степень владения им русским языком выше, чем родным бурятским. Наблюдается опасная тенденция к снижению роли, сокращению сфер общения на бурятском языке. О причинах такого положения с бурятским языком уже много говорилось и писалось: это и естественный процесс урбанизации, различные административные нарушения, отсутствие территориального единства, числеиное преимущество русского населения, функциональиая ограниченность языка. Бурятский язык все более теряет возможность отразить происходящие в обществе изменения, к тому же он диалектно раздроблен, процесс диалектной интеграции проходит медленнее, чем процесс языковой интеграции, и носителям разных диалектов легче разговаривать на русском языке, чем на бурятском. Данная попытка подвергнуть объективному анализу социальные и демографические факторы, влияющие на функционирование языков в Бурятии, показала, что главным фактором является социально-общественное окружение, а именно:

активное общение бурят в процессе общественно-производственной деятельности с представителями русского населения, составляющими большинство в республике, т. е. тип этнической среды жестко связан с этнолингвистическим процессом.

Вторым значительным фактором является образование, школа. Уровень владения письменными формами языка во многом зависит от полученного образования. В последние годы много внимания уделяется решению проблем преподавания бурятского языка. Однако важной чертой современного двуязычия должна стать его двусторонность, наряду с бурятско-русским двуязычием должно развиваться и русско-бурятское двуязычие, которое в республике фактически не распространено.

Третьим фактором, влияющим на функционирование языков, является семья. В ситуациях общения молодежи со старшим поколением, с родителями, родственниками последние определяют выбор языка, они являются хранителями обычаев, традиций бурятского народа и бурятского языка.

Немаловажными считаются также факторы создания государственности языка и развития науки о языке. Языковая политика — часть государственной политики, а поскольку языки, сосуществующие на территории Бурятии, находятся на разных уровнях развития, необходима по отношению к ним и разная политика, а именно: при общей государственной поддержке национально-русского двуязычия должен соблюдаться приоритет развития национального языка.

Сосуществование языков обычно осуществляется на совершенном знании языков. По сравнению с бурятским языкознанием современная русистика имеет большие достижения и богатейший опыт. Перед языковедами Бурятии стоят не только проблемы дальнейшего всестороннего исследования вопросов литературного бурятского языка, но и разработки теории и практики его нормализации.

ГЛАВА 2. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ БУРЯТСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Данная проблема для бурятского языка назрела во второй половине XX столетия, т. е. имеет недавнюю историю. Материалом же послужили социолингвистические сведения, добытые комплексом разных методов: анкетирования, интервьюирования, непосредственного наблюдения, имеющих характер полевого исследования, а также методами непосредственно социолингвистического языкового анализа.

Устная и письменная разговорная речь бурят-билингвов ранее обследовалась односторонне, т. е. попутно, с изучением на уровне интерференции лексических заимствований в основном из русского языка. Не вдаваясь в библиографию по этой теме, заметим, что достаточно много работ (монографических и др.) опубликовано А. А. Дарбеевой, имеются статьи у Л. Д. Шагдарова и у некоторых других. Исследований, посвященных интерферентным внутриязыковым изменениям бурятского языка под влиянием русского, почти нет, не считая нескольких статей Б. Ж. Будаева.

Проблема интерференции бурятского языка как лингвистического аспекта непосредственно связана с бурятско-русским, равно как и с русско-бурятским двуязычием. Что касается термина двуязычие, то в последнее время все более постулируется его синонимичность с термином многоязычие (мультлингвизм, полилингвизм), о чем свидетельствует отсылка от статьи двуязычие к статье многоязычие в лингвистическом энциклопедическом словаре последнего издания. В том и в другом случае средства метаязыка одни и те же.

По данным статистики, при общем количестве населения Бурятии немногим более одного миллиона доля аборигенного этноса составляет около 28 % с некоторым преобладанием сельского населения[9]. Так, по переписи 1989 г., городской контингент составил 45 % бурятского населения, а сельский — 55 %. Тенденция такова, что за период с начала переписи (1926 г.) на территории Бурятии численность бурят увеличилась в 2 раза, хотя удельный вес немного уменьшился[10].

Уменьшение удельного веса не могло не отразиться на языковой ситуации, характеризующейся негативной тенденцией увеличения числа людей, считающих своим родным языком русский. Статистиками республики выявлено, что в середине 90-х гг. нашего столетия из 1000 человек бурятского населения языком своей нации пользовались 680 человек, а на работе — около 280. Представители подрастающего поколения дали цифру 290, которые используют родной язык по месту учебы и воспитания[11]. На определенном этапе коррегирующую роль в судьбе бурятского языка сыграл и образовательный ценз. Этими и другими параметрами демографического положения бурят можно ознакомиться на примерах структурообразующих таблиц и графиков, представленных в данной работе.

Согласно исследованиям Ц. Б. Цыдендамбаева и судя по горячим выступлениям в связи с его полемикой с Д. Доржиевым, следует, что бурятский народ преодолел путь от бурят-монгольского письма к бурятско-русскому алфавиту всего за три десятка лет[12]. И современный бурятский литературный язык сложился также за 30 лет (в 30—60-е гг.). Складывание же бурятского языка, начавшееся со времен протобурят, продолжалось три столетия и завершилось во второй половине XX в. Что касается современного литературного языка, то его принято было отождествлять с хоринским диалектом. Только в последнее время почти всеми бурятоведами признается влияние и других говоров и диалектов на развитие нормированного варианта языка. Более того, очевидно также влияние русского и монгольского языков.

§ 1. Интерференция в условиях бытовой речи

После определения предварительной методики анкетирования были разработаны социологическая и лингвистическая анкеты. В результате анкетирования в течение 10 лет от билингвов этнографической Бурятии получены ответы примерно на 2000 анкет с лингвистическими тестами, которые показали моменты языковой асимметрии у двуязычных бурят, проживающих в городах и крупных поселках. Изучение языковой ситуа-

ции как неотъемлемой части современной социально-политической и национально-этнической обстановки привело нас к мысли о первенствующей роли социального аспекта в языке, а не фактора территориальной разобщенности носителей.

В бурятоязычной среде функциональная асимметрия больше всего характерна для молодежи. Наличествующий у нее словарный запас сужает возможности использования как полисемии, так и омонимии. Если фраза *гараа һарбайгаа* «протянул руку» воспринимается ею однозначно, то другая фраза *гараа табяа* «поставил подпись» иногда требует пояснения в виде *подпись табяа*, свидетельствующая о наличии некоторых затруднений у этой части социума в употреблении многозначных слов. В случае, например, со словом *бэшэ* «обезьяна» заметное убывание частоты использования молодыми билингвами рассматриваемых омонимов происходит в таком порядке: *бэшэ* (писать), *бэшэ* (не тот) и *бэшэ (бишэ)* (обезьяна).

По мере накопления эмпирического материала по территориальным диалектам и социальным группам населения в этнографической Бурятии появляется возможность рассмотреть некоторые аспекты двуязычия с позиции межъязыковой речевой интерференции. Памятуя о том, что типологическая классификация межъязыковой интерференции есть одна из центральных теоретических проблем, надо будет хотя бы представить некоторую проблематичность равного представительства основных терминов в межъязыковой дихотомии. Например, омонимическое словосочетание *нюур харалга* кроме основного значения «лицемерить» в последнее время приобретает новое терминологическое значение: смотр-конкурс. Хотя основной терминологический набор в системе и первичного и вторичного языка, видимо, един.

В Республике Бурятия испокон веков стержнем в успешном развитии двуязычия была интернационализация терминов, впоследствии ставшая языковой традицией. Под последним мы понимаем состояние языка, вышедшее из прошлого опыта, сохраняемое носителями, но все же подверженное некоторым изменениям под натиском разных факторов. Каждое поколение передает ее последующему разными путями, одним из главных

является школа. Правда, диалектика языкового, равно как билингвистического развития выходит за рамки средией школы, вузов, а также дошкольных учреждений. Зачастую учебные заведения не успевают за новообразованиями, как правило, оказывающимися персиективными и жизнеспособными, пришедшими на смену уже отжившего, хотя не исключается и сосуществование старого и нового.

Продолжая тему интернационализации, рассмотрим спортивную терминологию. Исключая чисто национальные виды спорта, спортивные термины состоят сплошь из интернационализмов. Для наглядности проиллюстрируем это на материале газеты «Бурят унэн» за последние 2—3 года. При раскрытии общей картины развития билингвизма за последние десятилетия эти иллюстрации, на наш взгляд, служат исключительно для фона. Характерными здесь являются также кальки с русского языка и особенно перевод инноваций типа *хурдан харгы* «быстрая дорожка», *оһор уһан* «короткая вода», *мэргэн буу* «меткая винтовка», звучащие по-бурятски, но по духу фактически являющиеся интернационализмами. Слова и термины, а также терминологические словосочетания, относящиеся к спорту, пришли в бурятский язык при появлении новых понятий, подобно словам или терминам олимпиада, чемпион, команда, хоккей, тениис, бокс, кикбоксинг, волейбол, футбол. Два последних термина, хотя и с натяжкой, но переводятся: *гар бүмбэгэ, хүл бүмбэгэ.* Следует признать, что заимствования спортивного характера, хлынувшие в последнее время в бурятский язык при популяризации общечеловеческой культуры, внесли свежую струю в живую устную речь.

Благодаря письменной речи и прежде всего ее мобильным видам: газетному, рекламно-телевизионному, канцелярскому и др., раздвигают свои привычные рамки диалекты. При современной телевизионной словесной экспансии, изобилуемой небывало сложными политическими и экономическими речами, перевод материалов этих жанров несколько затруднен. Это ощущается при прослушивании записей речи спортивных и политико-экономических комментаторов.

В аспекте языковой политики и такие передачи могут быть использованы для принятия мер, стабилизирующих или нормализирующих литературный вариант языка. Для пропаганды экономических и управленческих знаний более оптимальным является выбор нормированного варианта языка. Допустим, сартульско-боргойское слово *хэлхы* «везде, повсюду» в выражениях подобно *хэлхы ус* «затопление, потоп» или *хэлхы хоосон* «повсюду пустота» может быть понято в другом смысле, что в лексико-семантическом плане помешает нормальной коммуникации: например, слово *хэлхы* в западном диалекте переводится как «заика».

Социальная сторона языка имеет объективную и субъективную стороны. По А. Швейцеру, в нашей стране социолингвистическая традиция отдает предпочтение объективному аспекту. Последний декларирует распространенность ситуации билингвизма, сочетаемого с диглоссией. Речевое поведение индивида и выбор им языкового кода для акта коммуникации во многом зависит от его социальных позиций, что особенно актуально в условиях диглоссии. Возникает необходимость расширить описание форм существования бурятского языка, обозначить модели оппозиций. Данная работа ограничивается описанием модели оппозиций с точки зрения лексики. Между тем в бурятском языке существует несколько оригинальных звуков, не рассмотренных в этом плане, а также представляющих интерес как изоглоссные явления. Здесь очень оригинален звук Л, манифестируемый в разных вариациях. Если в литературном варианте звуки В, К, Ф, Ч, Щ, Ц как фонемы отсутствуют, то в устной речи они все-таки встречаются и чаще — в диалектах. Фонему Ч в хоринском, центральном, диалекте зафиксировал Л. Вэшэ. Фонему К экспериментальным путем открыла С. Соктоева. Фонема В в устной форме часто встречается в интервокальной позиции. Фонемы Ф и Щ присутствуют, в основном, в междометиях и междометных словах.

Примеры взяты нами в обиходно-бытовом произношении из самых простых жизненных ситуаций и преподносятся читателю произвольно. Устно-разговорный вариант: *Сэрэн сагаалганаар хүдөө оччо ерээ* «Цырен на праздник белого месяца побы-

вал на селе»; *Дзолигчни дээрдээрээ харайлгаад, яваччавал даа* «Паразит неожиданно ускакал на своем рыжем коне»; Ёндон ёлойджо хараад, ёодзогоноччобо «Ендон, неприветливо взглянув, запетушился»; *Гараа гандзагада, хүлөө дүрөөдөө хүргөө* (пословица) «Повзрослел, возмужал»; *Энэ джаргаджа явна* «Этот человек чувствует себя счастливым». Видимо, аффриката ДЖ появилась перед йотом, так как в других случаях фиксируется шипящий Ж: *Энэ хүн жаргажа һууна* «Этот человек счастливо живет»; *Хордоошо хургаа үлеэнэ: ФУ-ФУ!* «Дует на щиплющий палец». Щ появляется на месте усечения глагольных форм: *Арища* «Исчезни!» *(Арил саашаа)*. В потоке речи в результате усечения слогов заднеязычный К предстает в удлиненном варианте: *Хакка* «Поперхнуться» *(Хахаха)*. Как было сказано, В (графически Б) фиксируется в интервокале: *аварга «тиски», ошово* «пошел».

Даже на этих немногочисленных примерах предварительно можно констатировать наличие явления диглоссии в бурятском языке и таких форм его существования, как разговорная речь — нормированный письменный язык или диалект — литературный язык. Это положение, которое можно считать аксиомой на уровне звуков, возможно, применимо как постулат и на других фонетических уровнях (интонация, ударение).

Особо следует остановиться на звуке Л, рассмотрение которого «льет воду на мельницу» бурятско-русской диглоссии. Возьмем банальный пример, связанный с собственным именем. При произношении имен людей отодвинутый назад Л в зависимости от того, как он будет услышан, диктует двоякое написание: Лхамажаб и Ламажаб. В других собственных именах Лхаса-Лахаса, Лхагба-Лагба также начальный Л создает колорит оригинальности, провоцируя на двоякость при письме. «Провокация» Л заходит еще дальше в звучании (литературном и южном) слова *эльгээхэ-эльдеэхэ* «отправить», соответственно соседствуя то с заднеязычным Г, то с переднеязычным Д. В первом случае по признаку дистрибутивности сыграла роль веляризованность этой фонемы при ее сверхслабости, а во втором — довлеет признак ее отнесенности к латерально-боковой фонеме. Сюда же относятся примеры *хулха-хульти* «ушная сера», *хал-*

hин-сальти «ветер», *долгин-дольди* «волна», *тулхүүр-тултюур* «ключ», *сэлгеэн-сэлдеэн* «прохладный».

На феномен Л, конечно, монголисты обращали внимание, но так и не определились полностью в его характеристике. Известны экспериментально-фонетические работы российских и монгольских ученых, а также устные высказывания некоторых из них. Например, В. М. Наделяев говорил о монгольском Л как об очень «капризном» для исследования звуке. Действительно, на примере только одного слова *хэлэн* «язык» мы наблюдаем вариации сверхслабого билатерального Л в бурятском языке: *хэлэн* (лит.), *хэли* (хор.), *хэлэ* (южн.), *хэль* (сарт.). Однако такая диглоссная вариация не слишком мешает коммуникации, как может помешать омонимистическое чередование типа *элеэ* «орел», *элеэ* «подтерся, подносился». А вот диалектное чередование подобно Л/йот может иногда привести к лингвистическим коллизиям. Например, глагол «буксовать» имеет при переводе общебурятский вариант *бүгсоваалха*, агинский — *бүгсовайха*. Диалектное чередование Л/ЛЬ может проходить и при составном глагольном суффиксе — Л. Фраза «сказал же» имеет литературный вариант *хэлээл бэлэйб*, сартульский — *хэлеэль бэлеэб*.

Об интерференции (русско-бурятской), связанной со звуком Л, упоминалось и раньше. Ведь ошибка в произношении может играть смыслоразличительную роль: *толь* «Венера» (сарт.) и *толь* «словарь». Иногда интерференция проявляется и в бурятских словах: *лама* «лама» (монах), *Лхама* (собственное имя при мягком произношении искомого согласного).

О фарингальном h написано много, однако социолингвистическая сторона вопроса еще не рассматривалась. Представители южных бурятских говоров, стремясь освоить произношение этого звука при сопротивлении фонологической системы, достигают нечто среднее между фарингальностью и увулярностью, т. е. элемент диглоссности граничит со звуковой интерференцией. Хотя при старании можно добиться некоторых результатов. Так, при изучении немецкого языка студенты, занимающиеся в лингафонных кабинетах, быстрее научатся более или менее сносному произношению фарингального h, чем те,

кому недоступен этот метод. Студенты русской национальности и студенты-сартулы примерно одинаково чувствуют себя беспомощными, произнося h и скатываясь к увулярному Х, что объясняется отсутствием данной фонемы в фонологической системе. У кабанских же бурят фонологическая система выстроена так, что, например, графически изображаемый h имеет устный эквивалент Х. Здесь налицо противоречие между орфографией и орфоэпней, но это не относится к явлениям интерференции. В данном случае две разные фонологические системы мирно соседствуют и образуют диалектную диглоссию.

Сонорные М и Н, а также М' и Н' (мягкий вариант), противопоставляясь по твердости/мягкости, в отдельных случаях сами по себе представляют принадлежность территориальных диалектов. *Нарай* (лит.) «новорожденный» и его диалектный вариант *нярай* (южн.), *мяхан* (лит.) «мясо» и *мах* (южн.) — это не просто чередование, а фонетические данности наречий. К этим же правилам отиосится параллель *морин//мёрён* «лошадь», соответственно общебурятский и баргузинский варианты произношения, а также *нэгэн//нигэ* «один», *нэгэдэл//нигэдэл* «объединение», *нэлээд//нилээд* «значительный» (общебур. и южнобур. параллель).

Плавный Л и дорсальный Р традиционно считаются явлением чередования в некоторых примерах: *тармуул-тармуур* «грабли», *зуруул-зуруур* «спички». Однако и чередования могут носить характер, присущий диглоссии (в данном случае диалектной). В том же русле мы трактуем чередование по твердости/мягкости Л/Л', Р/Р': *нэмэри* (лит.), *нэмэр* (южн.) «прибавка», *хүдэлмэри* (лит.), *хүдмэр* (южнбур.) «работа», *малые* (лит.), *мали* (зап.) «скот» (вин. п.).

§ 2. Интерференция в условиях средств массовой информации

Устная и письменная речь бурят-билингвов на уровне интерференции более или менее охарактеризована только с точки зрения усвоения ими русского языка. В период развивающегося бурятско-русского двуязычия в какой-то мере это было оправ-

дано, так же как в свое время было актуальным изучение русско-бурятского двуязычия. В настоящее время бурятский язык сдал свои функции по многим позициям, о чем свидетельствует бытующий наряду с литературно-художественной формой газетный вариант.

Газета «Бурят унэн» и литературно-художественный журнал «Байгал», бурятское радио и телевидение, БГУ и БНЦ, а также Бурятский драматический театр им. Х. Намсараева усиленно пропагандируют бурятский язык среди населения. Единственная выходящая на родном языке газета в лексико-грамматическом, синтаксическом и других планах оформления при всех достоинствах имеет свои особенности, свой почерк. Начнем с самого простого примера, относящегося к орфографии: писать ли слово с прописной буквы или со строчной? Если по правилам русской орфографии с прописной буквы пишется первое слово в названиях знаменательных дат, например, Международный женский день, а по-бурятски *Бүхэдэлхэйн эхэнэрнүүдэй үдэр,* то, видимо, по аналогии в газете дается заголовок «*Үглөөдэр — Загаһашадай үдэр*» (Завтра — День рыбака). Для бурятского языка не столь уж существенно, какое слово стоит в начале названия знаменательных дат, разумеется, кроме слов *Бүхэдэлхэйн, Уласхоорондын, Бүхэсоюзна* и *Бүхэроссиин.* Поэтому оптимальным будет вариант: «*Үглөөдэр — загаһашадай Үдэр*».

На эти моменты необходимо обращать внимание хотя бы потому, что письменная речевая деятельность, а именно: письменная речь, формирует и формулирует мысль, рождающуюся в результате творчества. Здесь работает зрительная память (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), которую необходимо целенаправленно и продуктивно использовать в пропаганде культуры родной речи. В молодежной среде устная и письменная речь находится не на равной ступени ее компетентности. Если молодежь как-то может изъясняться устно, хотя бы макароническим языком, в потоке речи неоправданно вставляя слова второго родного языка, т. е. русского, то она, в основном, не в ладах с письменными знаками.

На страницах периодической печати на бурятском языке иногда появляется либо вольное обращение с орфографией, либо узкодиалектное написание двоегласия: *Мүн даэсадаа хайра гамгүй хюдадаг...* «И врагов уничтожает безжалостно...» (вм. *дайсадаа*); *Горчица һүөөр зууураба* «Подготовили горчицу в молоке». В литературном языке между гласными разного качества вставляется согласный Г: *һүгөөр*. Кроме описанного диалектного употребления, гласные разного качества соседствуют и в речи некоторых молодых людей: *оэ* вм. *ой* «лес», *баэ* вм. *бай* «постой».

Также наблюдается использование двух-трех согласных в анлауте и ауслауте (иноязычное влияние): *Нхалууга* вм. *Энхалук* (топ.). Встречаются случаи неадаптированных заимствований. Иноязычные элементы «перетекли» в виде фонетической интерференции и в область просодии, это вкрапление ударения — акут, циркумфлекс.

Целую серию фонетических превращений претерпевает словосочетание *гааһа алшуур* «кисет с трубкой». Во-первых, гаплология запутывает правописание и произношение слова *алшуур*, этимологически некогда относящегося к глаголу *аршаха* «вытирать» и одновременно к его производному *аршуул* «тряпка, кисет». В бурятском языке *алшуур* и *аршуул* используются на равных, независимо от того, литературный или диалектный вариант, звучат они в унисон. А вот другая часть этой пары — *гааһан* — имеет диалектный вариант — *дааһан*. Поэтому в нашем языке из двухчленного сочетания мы можем построить четыре равновеликих варианта: *гааһан аршуул, дааһан аршуул, дааһан алшуур* и вариант словарной статьи *гааһа алшуур*.

На фонетическом уровне нарушение сингармонизма — одно из самых распространенных явлений. Такое прогнозирование нарушения гармонии гласных в орфоэпии «корреспондирует» непременно с выявлением орфографических ошибок, разумеется, включая случаи четкого произношения, декларирования и узаконенных правил нарушения сингармонизма в сложных словах или в словах с изменением уклада гласного под уда-

рением. Приведем несколько примеров из газет: *профессероор* «профессором» вм. *профессерээр, симфоническа* «симфонический» вм. *симфоническэ, оптово аптечна база* вм. *оптово аптечнэ база или бааза, зоной амарха гэрнүүд булгаанууд* «домалетники для отдыха» вм. *балагаанууд, автомобилистнуудэй анхаралда* «к вниманию автомобилистов» вм. *автомобилистнуудай, выставкэ-яармагтай танилсаба* «познакомился с выставкой-ярмаркой» вм. *выставка*. Заметим, что в последних двух фразах вся вокальная ось твердорядная. Вопреки правилам русской орфографии, но подчиняясь гармонии гласных и нейтрализуя диссонанское звучание, следовало бы произносить и писать *пудуушха* «подушка» в примере *агаарай подуушхатай* «с воздушной подушкой». Иногда просачивается нарушение, связанное с ассимиляцией согласных по рядности: *кикбонсингоор* вм. *кикбоксингоор* во фразе *арһан бээлэйн мастер кикбонсингоор һоршлго хэжэ* «мастер кожаной перчатки, занимаясь тренировкой по кикбоксингу...».

Декларирование может сопровождаться интонационными переменными, в том числе ударением и эмфазией: ... *абатаяа ошоолбеэ!* «...с отцом пошел же!». Здесь используется логическая частица Л/ЛЭ, которая сопровождает соответствующее настроение информатора (Бурят унэн. 1997. 11 сент.); ...*аяар Амба Хүнды худар махайхаш* «...побредешь далеко в Амба Хунды». В последнем примере коллизия вызвана либо эмфазисной долготой, либо неправильным/искусственным сращиванием основ сложного глагола *махажа ябахаш*, где из второй части «выдернут» средний слог *ба*. Во всяком случае при нейтральном стиле произношения правильным будет употребление глагола *махахаш* «двигаешься вперед, пробираешься».

В поэтической речи часто, в основном для начальной аллитерации, а иногда нарочито (неизвестно, чем это мотивировано), бурятская фонема (h) подменяется общемонгольской фонемой (С):

Сагаан ставниин саана
Саналаа нэгэдэһэн хоёр гү?
(Бурят унэн. 1997. 11 сент.)

Чередование С//h как бы мотивировано историей: *Сайн байна!* или *Сайн байнуу!* «Здравствуй(те)!»

— *hайн гүбди?* или *hайн байна гүбди?* «Хорошо ли живем?», где первая фраза как готовое клише унаследована из монгольского *Сайн байна уу!* «Здравствуйте!».

Второй компонент монгольского составного собственного имени также желательно писать с заглавной буквы, а не путать с написанием титулов, начинающихся со строчной буквы: *Монголой генеральна консул Н. Ринчин-дорж* «Монгольский генеральный консул Н. Ринчин-Доржи». Здесь дано собственное имя Дорж.

Не секрет, что камнем преткновения в правописании для многих является пунктуация. Наибольшее количество ошибок приходится на такие трудноразличимые знаки препинания, как дефис и тире. Например, развернутое уточняющее приложение обособляется с двух сторон тире. Последнее отсутствует в следующем примере: *Буряадуудайнгаа түб хото — тэрэ үеын Берхнеудинск хотоёо — бусажа...* «В столицу Бурятии — в то время Верхнеудинск — возвратясь...». Обозначения временных пределов также следует маркировать тире, а не дефисом: *март-апрель hарануудта түрэhэн* «родившиеся в марте — апреле» (правильно март — апрель). Ошибочно использовано тире в примере *алаг — эреэн* «полосато-пестрый» вместо дефиса *алаг-эреэн*, разделяющего цвета. Тире, а не дефис напрашивается в сложноподчиненном предложении, заключающем во второй части императив: ... *яаhан юм бэ-бү мэдэе*. Здесь следует писать: *...яаhан юм бэ — бү мэдэе!* «...что сделано — нам не известно». Так же требуется вместо дефиса тире во фразе: *сохо дээрэнь-элеэр харагдагаг уршалаануу*д... «на лбу — четкие морщины...» (*сохо дээрэнь — элеэр*...). Вовсе не нужно ни тире, ни дефиса и в предложении, где наличествуют оба главных члена (подлежащее и сказуемое): *...энэ үеын байдалтай танилсалга — манай гол зорилго болоно* «...знакомство с современностью является нашей основной задачей».

При двух однородных определениях с одним определяемым между ними обязательно должна стоять запятая, иначе статус второго определения может поколебаться за счет первого опре-

деления, как это имеет место в следующем примере: *Баян шадалтай зониие «нюдарган» гэжэ гэмнээд...* «Обвинив богатых состоятельных людей как «кулаков»... Калькирование с русского языка «могучей кучки» тоже с точки зрения пунктуации не обошлось без ошибки в виде: «*Шэбэртын мундуу бүлэг*» (имеется в виду знаменитая группа писателей-поэтов из Шибертуя), которое надо было оформить *Шэбэртын «мундуу бүлэг»*.

Аллегорию «*буудаагүй*» (не выстрелило) в высказывании «*Үбгэн Гэлэнэй үгэ» даншье талаар буудаагүй байха* «"Слово старого Гэлэна" не должно промахнуться» надо было заключить в кавычки. А вот по контексту вовсе не требуется использование кавычек в *Гэмтэн баригдаба* «Преступник пойман». Также не следовало бы загромождать лишними знаками следующие фразы: *Максим аяар 62 килограммһаа 8 килограммаа «хаяа»* (кстати, *аяар* должно стоять перед 8); *...зуун табяад Буряадай харагшад нютагайнгаа хүбүүе «амаршалба»; ...тэдээнһээ ехээр «баярладаг» харагшад үгы байгаа* (обойдясь без перевода, заметим, что речь шла о кавычках). Для обозначения истинной идиомы *«богони хүлтэн»* (короткоиожки) во фразе *Богони хүлтэндэ атаархааб* «Я позавидовал коротконожкам» напрашивается проставление кавычки после слова хүлтэндэ. Выделение афоризма в *...дарганарай нюур нюргагүй байһанһаа болосолдоо һэн бэзэ даа* «...наверное, происходило из-за бесхребетности начальников» (*«нюур нюргагүй»*) тоже необходимо. А в заголовке *Дамчеевтэнэй мэргэн годлинууд...* «Меткие стрелы Дамчеевых» многоточие было не к месту.

Иногда даже «безобидная» опечатка может исказить смысл высказывания и превратить его в прямую противоположность сообщаемому: *Иимэ һайн һайхан нүхэдөө мүнөөш болотороо мартадаггүй, һайханаар лэ һанажа дурдан ябадаг бидаа* (Буряг унэн. 1997. 25 сент.). Напечатанное можно перевести примерно так: «Беда, что хорошие друзья не забываются и о них остаются только хорошие воспоминания». Если же морфему би «оторвать» от утвердительной частицы даа- и «пристегнуть» к глаголу ябадаг, то все придет в норму (ябадагби даа), т. е. смысловой нонсенс будет устранен (Бурятско-русский словарь. М., 1973. С. 94. Статья БИДАА вост. разг. 1. беда, неприятность).

Возвращаясь к правилам пунктуации, хотелось бы заметить, что слишком вольное обращение с грамматическими правилами может стать неким стереотипом, в результате чего, например, мы перестанем различать, где прямая речь героев и где авторское слово. С этим сталкиваемся в одном и том же номере и даже в одном и том же тексте, для подтверждения чего приведем только один пример: *«...шоройень аршахым аршуул үгыш» гээд*, где отсутствует тире, служащее пограничным сигналом между самостоятельными синтаксическими субъектами. Между тем не нужно было разделять с помощью тире группу подлежащего и группу сказуемого при наличии глагольной частицы *мүн: Энэ республикада шатар нааданда эгээл ехээр һүгэдэдэг хүн — Кирсан Илюмжинов мүн.*

В целом орфография и пунктуация, являясь основными средствами письменного языка, выражают стилистические, интонационные и иные особенности устного языка, тем самым служат культурным (да и не только культурным) интересам общества.

Лексические явления

В данном разделе, как и в других разделах, основным источником для исследования послужили материалы из СМИ: «Бурят унэн», «Правда Бурятии», республиканские радио и телевидение. Признавая в языковой ситуации Бурятии «гвоздем программы» двуязычие, хотелось бы привести несколько примеров-вкраплений из других языков в бурятский: *бултыень добороосолжо һаланагүй аа гү гэһээр* (и это при наличии в бурятском языке глагола *мүшхэжэ*) «как бы не начали допрашивать всех»; *Шарлай сомон зүблэн ошожо, панхаруутаһан Шергинскийдэ...* (имеются глаголы *гашуудаһан, тэлмэрдэһэн*) «Шарлай в Сомоне обанкротившемуся Шергинскому...»; *Комисси шалгажа үзөөд, «нестроевой» гэжэ гэршэлээд...* (есть же варианты: *бэеэр муушаг* или *үбшэн хабшан* и т. д.) «Комиссия после проверки определила: «Нестроевой»; *Жэмэстэ агуулын хормойдо (уулын)* «В богатых ягодами предгориях»; *...ондоо юумэн үгы — хогоосон (хоохон)* «Ничего нет — пусто»; *Меланхолик намда ямар эдэбхи үүсхэл байха юм?* (хотя здесь использовано заимствование, по

контексту больше подходит слово *гуниг*) «У меня, опечаленного (озабоченного), какая может быть инициатива?»; *Петр һамгаяа «дура» гэжэ элдэблэһэн гэдэг* (без ущерба здесь можно использовать слово *«тэнэг»*) «Петр обзывал жену дурой»; *Жасаһаа 30 миллион түхриг хандиблаба (бараг %-ээр абаба)* «Заняли в фонде под маленький %»; *Дедэмнай уһандаа ошобо даа» гэжэ... (хүгшэн аба, үбгэн баабай)* «Наш дед пошел за водой»; *Есть «Восходой» сэн! «Восходой» мүнгэн ха юм!* «Есть деньги на "Восход"!»; *«Рокировко» гэжэ шэнэ зүйл (ноен тэргэ хоерые һэлгүүлхэ дүрим- шатар)* «Новый прием рокировка (шахм.)».

Заметим, что русско-бурятское двуязычие в наше время — явление редчайшее. На письменном языке оно встречается еще реже. «Ай, бурхан, дархан (задавит!)», — с криком баба Адуна метнулась к двери (во время киносеанса «Анна Каренина» в деревне Шалоты). Здесь правильный вариант — *дарахань!* (*дараханшл!*). Из лингвистической литературы известно, что двуязычие в Бурятии начиналось с русско-бурятского, оставшегося на том же уровне или сохранившегося еще в меньшей степени. Сохранились, естественно, расхожие слова, относящиеся к самобытной лексике, или термины празднично-спортивного характера: сурхарбан, цагалган и т. п.

Лексическая разноречивость зачастую бывает связана с недостаточным знанием семантики слов: *Энэ мүнгэн «Россиин хотонууд» гэһэн бүлэһөө бүридэнэ* «Эта валюта образована из семейства (родственников) «Российские города» (правильно — *бүлэгһөө* «из объединения, союза»); *Сэгээн хуһадай һүүдэртэ сэнгэн һуухада аятай* «Хорошо отдыхать под сенью светло-голубых берез» (*сэгээн* может быть определением только для неба и жидкого вещества); *һамганиинь урдаһаань урин налгайгаар угтан ганирба* «Жена навстречу ласково улыбаясь — бранилась»; *«Бишни тугалаа тууха аад, мартаалби, — гэжэ ооголоод, бууса тээшээ гэшхэлшэбэ* «"Я забыл выгнать теленка", — окрикнув, зашагал домой» (глагол ооголхо относится только к животным, поэтому здесь он неудачно вставлен в авторское слово). Из радиосообщения: *Полковник Мункуев граждан оборонын хүдэлмэриие шэнжэлээ* «Полковник Мункуев исследовал работу гражданской обороны» (вм. *шүүмжэлээ* — анализировал). Из перево-

да А. Вампилова: *Астафьев: Үшөө юун гэжэ һанахатнайб?* «Астафьев: Еще что Вы подумаете?» (вм. *һанаашалхатнайб* — придумаете). Из телевещания: диктор: *Эгээ түрүүшын юу хэхэб?* «Первый (передовой) что будет делать?» Ответ респондента одновременно с исправлением ошибки: *Эгээн түрүүн...* «Сначала...»

К лексической разнополосице приводит явление транспозиции. Для наглядности приведем случай субстантивации: *...буряад болгоходоо, оршуулхань хүшэр үгэнүүдтэй дайралдана* «...при переводе на бурятский встречаются трудные слова». Стилистически правильно было бы использование вариантов *оршуулгань* или *оршуулагша(g)* и даже — *оршуулхань хүшэр байна*. Явно требуется прием вербализации в другом примере: *...багшынгаа хажуугаар Б. Хамаев хүгжэм дуугаа зохёоһоор* «...помимо учительствования Б. Хамаев продолжает сочинять музыку», в котором применимо причастие *багшалхынгаа*.

Несколько слов о неологизмах. Разноречивость часто бывает спровоцированиой недостаточным знанием лексики, в частиости, терминов: *шатарай шэрээ* «шахматная доска», в то время, когда есть готовый спортивный термин *хюлгэ*. Или: *...мүрысөөн Санкт-Петербургын сагаалса дээрэ болобо* «...соревнования прошли на стадионе Санкт-Петербурга». Но термии *сагаалса* имеет значение только «мишень, цель», а не «площадка» и не «стадион». Как неологизмы не состоялись слова *булуур, бүхэриг, гуда* в примерах: *...телевиденеэр дамжуулагдаһан бүдуур ...үзэгдөө дуулдаагүй юумэн болобо бшуу* «...о неслыханном передали по ТВ — о расстреле» (вм. правильных *буудалга, буудан алалга, саазалалга* — приемлемо любое из этих слов); *бүхэриг шанга шандааһан* «физическая сила» (вм. правильного *бүхэ*); *...город соо 3 хоног гуда архидаа* «...в городе три дня пил беспробудио» (здесь словотворчество использоваио в угоду начальной аллитерации).

На некоторые размышления иаводит употреблеиие заимствований без особой необходимости, хотя строго судить за это не приходится. Тем не меиее из двух синонимов *сүүдлэхэ* и *шүүмжэлхэ* предпочтительнее использование бурятского компонента, а не русского или монгольского, как это дано в случаях:

...туйлалтануудые харуулһан хойноол үнгэрһэн сагые сүүдлэхэ эрхэ олохо ушартай «...только достигнув или показав хорошие результаты, должно критиковать прошлое»; *Аба минуу-аа, эдэ зараса богоолнуудаар ябажа...* «Когда мой отец находился среди батраков...», где вполне употребимо бурятское *абамни*. Дело вкуса: что выбрать из синонимичной пары герой/баатар в примере: *Ой модоной үльгэрэй герой хэн бэ?* «Кто является героем лесным?» То же самое и со словами *бариишатахаар/баяжахаар: Бариишатахаар,олзо оршотой болгохоор юумэн үгы* «Не получается ни разбогатеть, ни извлечь выгоду». Большой выбор имеется между синонимами *мэхэшэн/луйбаршан/булхайшан: ...хайран мүнгэеэ худалша жүүлигүүдтэ үгэжэрхёод...* «...отдав последние деньги жуликам...», но почему-то выбор остановлен на заимствовании *жүүлиг*.

В словарях не зафиксировано заимствование слова *холок* (если это не диалектизм): *Холок гүүгээ унажа, Ивалгын адагта ошобо ха* «Оседлав кобылицу с холкой, поехал в Нижнюю Иволгу». Наличие полного омонима затрудняет смысл заимствования *обой* «обои» даже в контексте: *Ханада обой саарһа яажа няахаб?* «Как приклеить обои на стене» или «Как справиться с большим количеством обоев, чтобы приклеить?» Видимо, чтобы не было затруднений, нужно писать *ханын саарһа* (обои). Иногда стилистические особенности, каковым является идеолект, доводят до курьезов: *Та талха асарха гээ һэн бэзэт? — Үгы, хилээмэ-талха асарха гээ һэм!* «Вы сказали принести хлеба? Нет! Я сказал принести хлеба из муки!»

В последнее время в СМИ широко распространено использование диалектизмов, например: *«Россия» гэжэ түргэн поездого һуугаад, барууни зүг барижа гарабаб* «Сев на скорый поезд «Россия», еду на запад», где употреблено диалектное *барууни* вместо нейтрального *баруун*. *Эрхы хургаяа дээшэнь ёдогошуулдаг һэм* «Я показывал поднятый вверх большой палец». Все бы было правильно, если вместо *ёдогошуулха* стоял бы глагол *ёдогонуулха*. Только с натяжкой воспринимаем ироническое обращение *хубаа* (редко употребительный для письменной речи диалектизм): *Нэгэ аргыень олохоб даа, хубаа, һанаагаа бү зобо* «Не беспокойся, дружище, что-нибудь придумаю». Спорными явля-

ются случаи вольного подбора изобразительных слов: *Алга маахам алаг гэртээ дугдыдаг ушаршье...* «Случалось и голодом сидеть дома...», где *дугдыдаг* «изобретено» автором по аналогии с *дагдайха* «быть жалким».

Использование в художественных и публицистических текстах такой «упрямой» вещи, как фразеология (слова классика), обычно бывает сопряжено с затруднениями. Мы же иллюстрируем элементы очевидные, которые сразу бросаются в глаза: *...барилдаашанай соло дуудаба* «...сыграли гими борцу». Однако в языке есть готовые штампы, фразы, характеризуемые непереводимостью на другой язык: *баатарай (бүхын) соло* «гимн богатырю», *мориной соло* «гимн коню». Нарушена синтаксическая целостность фразеологизма в примере: *үнөөхил хара «уһаараа» хүндэлөөд лэ гаргаа хаб даа* (досл. «черной водой угощал»), здесь фразеологическое сочетание *хара уһан* означает «чистая вода, одна только вода». Кстати, наглядным, часто используемым примером по использованию мудрых изречений может быть рекомендован распространенный фразеологизм: *...бурууган бэлшээриһээ гаража үзөөгүй* (т. е. нигде не был), которому трудно подобрать адекватную параллель.

Можно избежать интерференции в попытке калькирования с русского: *Багаһаа үхибүүд «мүнгэ хэхэ» гэжэ оролдоно* «Дети с детства стараются «делать» деньги». В бурятском языке есть адекватный фразеологизм-штамп *«амаа тоһодохо»* (букв. «маслом мазать губы»). В примере *морин үльгэрнүүд* переосмыслеиие крылатого словосочетания найдет свое место в виде *морин үльгэрнүүд* (короткие улигеры-былины). К сожалению, на страницы прессы попадает и ложный фразеологизм: *«Гэсэр»... арадайнгаа «бага наһанайнь» үеын шэнжэ... багтаажа шадаһан байдаг* «Гэсэр» ... сумел же вместить на своих страницах эпоху ранней истории своего народа». Пытаясь истолковать смысл всего предложения, все же выделим в качестве аргумента фразеологической устойчивости сочетание *улаан бургаахад*: *Буряад ороноймнай бүхы «улаан бургаахад» түб хотодоо сугларшоод байна* «Вся подрастающая молодежь собралась в столице» (косвенный перевод).

Идиомы как явление вторичной номинации явились предметом дальнейшего нашего рассмотрения. Обладая автономным статусом внутри высказываний, эти структуры едва ли не чаще других фразеологических единиц используются во всех возможных текстах. Согласимся с контекстным использованием слов-идиомов *дэбисхэр* и *бүдэрүүлжэ* во фразах: *заповеднигэй дэбисхэр дээрэ* «на ковре заповедника» и *Киласонии бүдэрүүлжэ*... 3-дахи һуури эзэлээ «Заставив споткнуться Киласоиа... занял 3-е место». У читателя может возникнуть неуверенность в корректности использования слов-метаморфоз *хибэдэһэн* и *хибэс* в следующих высказываниях: *жажалха резина-хибэдэһэн* «жевательная резинка-жвачка» и *хибэс зөөлэн ногоон* «ковровомягкая трава» (заметьте: не газон и не дорожка и т. д.). Слово же *хибэдэһэн* имеет значение «опилки» или «жвачка» (о животных), а слово *хибэс* как раз подошло бы к приведениому раньше примеру с заповедником: *заповеднигэй хибэс дээрэ* «на газоне заповедиика» (все же лучше, чем дэбисхэр-настил, мостовая или диалектное: постель).

Расставив знаки препинания на истинные места, мы достигаем структурно-семантической специфики, характерной для целостности фразеологизмов. Если в газете напечатано: *...асуудал шиидхэлгэнэй нэгэл «шулуун» торсолдодог байгаа*, то, расширив идиоматическое пространство фразы, мы добьемся искомого фразеологизма: *...асуудал шиидхэлгэнэй нэгэл «шулуун торосолдодог» байгаа* «...в решении вопроса мешал-таки некий камень преткновения». Неудачное калькирование или же «дух» инородного языка чувствуется в предложении: *Катя түрүүшээр «шандаган» болоод хамтын байрада маанадтай байдаг болоо* «Превратившись в «зайца», Катя стала проживать с нами в общежитии». Здесь вместо «зайца» больше подходит бурятское слово *нюудагаар* «конспиративно», так как русский эквивалент «обслуживает», в основном, транспортиую тематику. То же самое переосмысление (но не более) происходит и с «хрустящей бумажкой»: *Ямаршье шатын һургуулида орохо гэбэл, үнөөхил «һаршаганууртнай» хэрэгтэй болохо* (вместо слова *һаршаганууртнай* есть возможность использовать готовый штамп *хашарһан*) «При поступлении в любое учебное заведение потребуют-

ся те же пресловутые «хрустящие бумажки». В интересах языка родной нации по этой же схеме мы рекомендуем использование не модных сейчас переводов-калек, а адекватной корреляции для следующих фразеологических выражений: «скачка цен», «рост долгов»: *...түлбэринүүдэй хэмжээн «оодорон» дээшэлхэ* «...цены или оплата долгов неимоверно растут» (*«оодорон» — «олиггүй ехээр»*); *...үри шэрэ жэлһээ жэлдэ «ургажал» байха* «...цены растут из года в год» (*«ургажал» — «өөдөөл боложо»*). Не «тянет» до идиоматического переосмысления заголовок *«Халуун хаһа»*, абитуриентнууд тухай «Горячая пора, или Об абитуриентах» — обычный, рядовой заголовок. Явно требуется замена *«каучугууд»* на *«нугархайнууд»* в *...Монголой габъяата артистнууд (каучугууд)* «...заслуженные артисты (циркачи) Монголии».

Некоторые, на наш взгляд, неточности допущены в использовании смысловой метаморфозы, сопровождающей идиомы: *Ямар... жэрхэхэ гэжэ мэдэхэгүй «ой һайтай» зон байдаг юм?* «Какие бывают люди, умные, не знающие брезгливости!» Здесь рекомендуем идиомы-синонимы *«сэсэн»* и *«шанга»* как готовые штампы, более точно отражающие межкомпонентную связь. Грубовато, некорректно получается в отношении к детворе в газетном заголовке: *Богони хүлтэндэ атаарханаб* «Я завидую коротконожкам», что на самом деле требует семантически связанных внутриидиомных слов. Иногда в целях иронии можно сказать: *«Алсагарнуудта атаарханб»*, но речь-то идет о детях, поэтому попытка выдать фиксированное выражение не увенчается успехом, кроме как: *Багашуулда (үхибүүдтэ атаарханаб)*. Можно воспринимать кальку (без узуального фиксирования) типа: *Хүүгэд — ажабайдалай сэсэгүүд* «Дети — цветы жизни»; *Дулаан холбоонууд* «Теплые отношения»; *...энээниие мэдэжэ байгаашье һаа, һургануудайнгаа хоорондуур харана* «...хоть и знает об этом, тем не менее смотрит сквозь пальцы» (хотя в обиходе существует адекватное выражение: *Нюдэмни балай, шэхэмни дүлиј*).

Для отражения качественной природы фразеологизма в заголовке: *Яараагүй һаа — даарахаш* «Не поспешишь — замерзнешь» более оригинальным кажется вариант *Ажалша хүн яара-*

gar, залхуу хүн гаарадаг «Работяга спешит, лентяй мерзнет». Возможно, со временем привьется калька в виде идиомы в выражении: *Годо горёо үнгэлы... хитадуудта «түлхижэ» шадаа һаа...* «Если суметь «толкнуть» китайцам сырье из кожи...», хотя могут быть подобраны варианты *баалаха* «заставлять», *мэхэлхэ* «обманывать» и др. Путем несложной операции (передвижением знаков) можно превратить ложную идиому *«Азиин луунууд»* в истинную, облачив ее в соответствующую форму: *Азиин «луунууд»* «"Драконы" Азии». Есть риск потерять образную мотивированность в сомнительной пословице: *«Хоёр толгой һайн, харин олон толгой бүришье һайн»* (причем тут кавычки?) «Одна голова хорошо, а много голов еще лучше». Кажется, здесь не повредило бы использование готовой кальки: *Ганса толгойһоо, хоёр толгойнь дээрэ*, т. е. «Одна голова хорошо, а две лучше», чем пытаться изобрести свое.

Известно, что с лексико-семантической точки зрения топонимы имеют специфику непереводимости по смыслу. Наряду с попыткой перевода и морфемным калькированием часто применяется принцип морфемного соответствия (ономастическое калькирование): *Болга (Эжэл) мүрэн*. Здесь перевод на бурятский язык осуществлен вторично, т. е. уже с переведенного субститута (грамматического субъекта): *Болга/Итиль* или *Этиль /Эжэл*. Похожее положение создалось и с другим, составным, топонимом: *Самсун-гора гэжэ хада гараад, тэдэ хоёр буряад дуугаа дуулашаба* «Забравшись на гору Самсун-гора, те двое запели бурятскую песню». Если в первом случае калькирование мотивировано звуковыми соответствиями, то здесь не удалось избежать неоправданной тавтологии. И в жизни мы имеем дело с подобным явлением, когда говорим: «Найдите на карте Кульнур озеро», или еще шире: *Куль-нур-озеро гэжэ нуур хаана биб?* «Где находится озеро Куль-нур?»

Несостоявшуюся идиому *«одоной»* во фразе: *...олимпиадада түрүү һүүри эзэлһэн Д. Дашинимаев, «одоной» гэһэн үбшэндэ дайрагдан алдаа* «Победив на олимпиаде, Д. Дашинимаев чуть не стал жертвой «звездной болезни», обычно употребляют в качестве топонима: *«Звездный» гэһэн город, тосхон, городок* «Звездный», поселок «Звездный». В описываемой фразе по зна-

комому нам принципу адекватного калькирования может быть вставлено и идиоматическое выражение *одоной үбшэн* «звездная болезнь».

Грамматические явления

Имена существительные. Начнем с такого важного морфологического признака, как категория числа. Абстрактные понятия, меньше всего несущие количественные характеристики, но все же обладающие свойством единичности, противопоставляют ее множественности. Этим же качеством обладают абстрактные слова *шанар* и *ёһон*, которые обычно стоят в единственном числе: *...лама багшын бэеын, хэлэнэй... шанарнууд* «...телесные, языковые... качества ламы-учителя»; *...түбэд хүдэлөөнэй 3 гол ёһонууд гэбэл* «...если говорить о трех осиовных правилах тибетского движения». Окказиональное употребление во множественном числе частей человеческого тела в газете лишний раз напоминает нам о правилах *узуса* в бурятском языке: *модон конькинуудые хулнүүдтээ торгоод...* «надев деревянные коньки на ноги...» *(хүлдөө)*. По норме нашего языка требует единственного числа и одежда в примере: *малгайнуудые буляана* «отбирают шапки». В следующем примере не о разнородных предметах, не о разных качествах идет речь, чтобы можно было их ставить во множественном числе: *8 угай аха захатан өөһэд өөһэдынгөө түгүудые үргэжэ...* «поднимая каждый свой флаг, старейшины 8 родов...».

В некоторых предложениях суффикс личного притяжания 3-го лица нь- зачастую незаконно занимает место аффикса возвратного или безличного притяжания: *Халзан... хүхэ улаан «саарһануудые» хармаанһаань гаргаад ... шэдэжэ оробо* (вм. *хармаанһаан* или *хармаанһаа*) «Халзан, вытащив из своего кармана сиреневые бумажки, начал разбрасывать их». 1-е лицо единственного и множественного числа также подменяется 3-м лицом, что и видим на примере притяжательной частицы нь-: *...хатуу ушарта оробошье (Перугай президент) гайхалтай хүнгэнөөр энэ байдалһаань гаража шадаа...* (вм. *байдалһаан* или *байдалһаа*) «...президент Перу, хоть и попал в экстремальиую ситуацию, удивительно легко вышел из нее...»; *Жаргал: хүдөө ажахын ака-*

деми, 1 курс аймагһаань квото абажа ерээд, ороо һэм «Жаргал: "Я стал студентом 1-го курса сельскохозяйственной академии, так как из своего района привез квоту"»; *Хүбүүмни агрономическа факультедтэ ороо, аймагһаань квото абаад ерэһэн байгааб ди* «Мой сын стал студентом агрономического факультета — у нас была квота из своего района». В последних двух предложениях «подзаконный акт» диктует оформление окончаний искомых слов *аймагһаан* или *аймагһаа*, так как квота действительна только, если она выдана по месту жительства (здесь в своем районе).

Под заключительный аккорд разговора о частицах притяжания приведем пример в диалектном варианте: *Андрейнай* (зап.) *зохеохы талаар...* «Наш Андрей по части изобретательства...», где не так выпукло подана притяжательность, оформленная в виде суффикса родительного падежа ай-. Оперируя языковым понятием, мы зафиксировали в примере отклонение от нормы, а в социолингвистическом плане это явление диглоссное.

Имена прилагательные. Качество и свойство предмета, а не его принадлежность должно отражать определение к существительному в примере: *Японой үнгэтэ телевизор...* «Японский цветной телевизор...» (не принадлежащий же Японии телевизор). В действительности, правильное написание: *япон үнгэтэ телевизор* или *японско үнгэтэ телевизор*. Сдается, не было необходимости монголизировать определение в предложении: *Танай нютагуун Гомбын Балдан мүн* (вм. *нютагай)* «Это действительно ваш земляк Гомбоев Балдан». Диалектизм, проникший в следующее предложение, также несколько мешает нормальному восприятию смысла: *Эдеэ хоолдо ямар хандасатайт (хандасатайбта)?* При полной омонимичности прилагательного и наречия иллюзию тавтологии можно избежать, использовав антоним: *һайн болгоо һаань, һайн һааб даа* «Сделать лучше — вот что бы было хорошо», т. е. *һайн болгоо һаань, муушье бэшэ һааб даа.*

Падежи. Переходные глаголы бурятского языка управляют винительным падежом во всем многообразии последнего. Здесь, главное, нужно соблюдать последовательность в выборе окон-

чаний, чего нет в примере: *Капуста хэршээд ... морхообые яб-талан табихадаа...* «Накрошив капусту... и сложив аккуратно морковь...».

Изучая степень глубины грамматических отклонений, мы от простой возможной опечатки через элементарную грамматическую ошибку «доберемся» и до сознательного, в некотором смысле, нарушения нормы — интерференции: жюрин вм. жюриин (здесь возможна простая опечатка): *...2—3 алдуу олоо гэжэ жюрин гэшүүн тэмдэглээ* «...член жюри сообщил о наличии двух-трех ошибок»; *Хүршэ Тувын* (допущена грубая ошибка вм. *Тувагай*), *Яхадай...* «Тувинский, Якутский...». Наконец, заменой слова ленинградец на слово *Ленинградай* возможно устранение макаронического языка в сообщении: *Би угаараа ленинградец болоноб* «Я родом из Ленинграда». Завершая о родительном падеже, заметим, что в предлагаемом примере *...элдин Борьегой хужарлиг һужаада ниитын һүрэгүүдэй нилээд үсөөржэ...* по контексту отсутствует категория принадлежности, поэтому должно было быть *һүрэгүүд үсөөржэ:* «...на солончаковых просторах Боргоя количество общественного стада начинает уменьшаться...».

В русском языке нормой является наличие двойного и более определения к предмету, оформленного одним и тем же падежом, а в бурятском только последнее из этого ряда получает искомое падежное оформление. В этом смысле и телевещание не обходится иногда без интерференции: *Быставкын нээлгын үедэ* (вм. нормированного *Быставка нээлгын үедэ*) «Во время открытия выставки». Иногда и при разнопадежном (косвенные падежи) определении предмета, допустимом в диалектах, в литературном только последнее определение стоит в косвенном падеже: *Харланһаа тоонтотой профессор* (при правильном *Харлан тоонтотой*) «Профессор, имеющий малую родину в Харлуне».

К одной из речевых трудностей относится грамматическая категория падежа. Синтаксические отношения между словами в предложении или одного какого-либо слова к высказыванию в целом представляют разные трудности гипотетически и реально. На первый взгляд кажется, что при однородной форме ряда

существительных последнее берет на себя аффикс нужного падежа. Однако, как говорится, актант актанту рознь, т. е. существа и предметы имеют процессуально разные «весовые категории», что видно на «кадре» винительного падежа: *Арап, скрипкэ, дуратай нохойгоо абаад ябахыень Пётрто зүбшөөбэшье...* «Хоть и разрешил Петру брать с собой Арапа, скрипку, любимую собаку...» (должно быть *Арапаа* или *Арапаяа*).

Закон падежного управления таков, что малейшее отклонение, даже в виде диалектного варианта, вносит неразбериху в семантику реалий субъект — объект: *Одесса хотодо эжымни дүү байдаг* «В городе Одессе проживает младшая сестра моей матери». Здесь без контекста трудно понять, кто на самом деле живет в Одессе — мать и младшая сестра или одна только тетя. Хочется отметить один нюанс: с точки зрения культуры речи сходные по звуковому составу слова при их семантическом различии сбивают нас, провоцируя на непреднамеренное их смешение. Таким образом рождается речевая ошибка со словами *бүридэл/бүридхэл*, созвучными по грамматическим (морфологическим) свойствам. Например, из паронимической пары использован не тот член в примере: *Делегадууд «Бурятия» гостиница бүридэлдэ* (вм. *бүридхэлдэ) абтаха* «Делегаты будут зарегистрированы в гостинице "Бурятия"». Совершенно очевидно, что *бүридэл* «союз, объединение», а паронимический коррелят *бүридхэл* «учет, статистика, перепись». В этом же предложении допущена еще одна ошибка — ошибка падежного управления, точнее, глагольного управления падежом. Просто составной глагол *бүридхэлдэ абтаха* требует родительного падежа *(гостиницын).*

Подмена исходного падежа родительным искажает смысл всего высказывания: *Ямаршье муу талын нүлөө үзүүлдэггүй* (читай: *муу талаһаа*) «С плохой стороны влияния не оказывает» (а не «влияние плохой степи»). Падеж прямого дополнения — винительный падеж также был несправедливо подменен творительным и дательным: *Б. Прокопьевичой хэлээшэтэй үнэн сэдьһэлһээ зүбшэнэб* «Сказанное Прокопьевичем искренне поддерживаю» *(хэлээшье)*; *Малагар духадань нэгэ тоншоод...* «Разок

щелкнув по лысому лбу...» (*духыень* — тот случай, когда падежи бурятского и русского языков не совпали).

От истинного смысла уводит неточное оформление, например, парных слов: *Мүнгэн һангай асуудал...* «Денежный вопрос...», где правильный словесный материал — *мүнгэ һангай*. Иначе получается, что первый компонент есть определение второго. Также обрекается на неполноту смысла отсутствие одного из членов пары *жама ёһон: Иимэ жама бии гү?* «Есть ли такая закономерность?» Не совсем точная качественная противоположность достигнута антонимической парой в заголовке: *Манхайжа бэшэ, мандажа байхань болтогой!* «Да здравствует, а не разбухает!» Какая здесь связь, не ясно. Противоположную смысловую направленность можно показать, использовав антонимическую пару *мартагдаха — мандаха*/забываться — здравствовать.

Наряду с удачным эквивалентом, заимствованным из русского языка, подобно *Холбоолжоной уурхай* «Холбольджинский разрез» встречаются составные термины, вызывающие некоторые нарекания: *Газар уһан дээрэ эхэ хэлэн дээрэмнай гаража байдаг ганцаһан сонин...* «В мире единственная, выходящая на родном языке, газета...». Здесь предпочтительнее вместо *газар уһан дээрэ* использовать *дэлхэй дээрэ*. Поправку вносим и в предложение *«Ажалай үдэр олохо» гэһэн ойлгосо* «Понятие трудодень», где должно быть оформлено *«Ажалай үдэр» олохо*.

Местоимения. Прямое назначение местоимения — указывать на лицо, количество и предмет не нашло своего применения, так как в контексте не оказалось самого предмета, точнее, его количества, в случае: *Нэгэ хүгшөө олон хүүгэдтэй юм. Иимэ үндэр наһатай, буряад хэлээ мэдэхэшье һаа...* «Одна бабушка имеет много детей. Имея столь преклонный возраст и зная свой бурятский язык...». Здесь указательное местоимение с количественным значением оказалось в роли избыточной информации, так как многодетность не является критерием определения возраста, и следует его просто опустить. В результате мы имеем: *үндэр наһатай...* «в возрасте...».

Неопределенное местоимение *нэгэшье* незаконно заняло место наречия: *Хубсаһаниинь нэгэшье шатаагүй* «Его одежда

нисколько не пострадала от огня (пожара)». Здесь логически к **месту соразмериость ущерба**, чем количественные показатели: *зааханшье, юрэдөөшье* или *орой*. Составное неопределениое ме**стоимение** *хэдэ дахин* в приводимом примере имеет диалектное **оформление**: *...модельнуудые хэдэн дахин харуулаа* «...несколько **раз показали** модели». Недосказанность мысли чувствуется в **сложном** местоимении: *Олон удаа энэ хотоор ябаһан энэ эхэнэр*... «Эта женщина несколько раз бывала в этом городе...», ко**торое** должно выглядеть таким образом: *олон удаа дахин*.

Глаголы. Вербальность (глагольность) как философская ка**тегория** в языкознании занимает ведущее место. Потенциаль**ную** возможность вербализации имеют все части речи, что только увеличивает популярность глагола. В этом плане глагол и **без** предикации мог занимать ведущее место в рейтинге среди **частей** речи.

Некоторые бурятские глаголы, по природе являясь непе**реходными**, в зависимости от ситуации могут перейти в разряд **переходных**. Исходная функция непереходных глаголов оши**бочно** переведена в противоположную функцию переходности в случае: *...нохойнууд... арьяатаниие хусажа байба*. А русский эк**вивалент** глагола **реализуется** как переходный: «...собаки... об**лаивали** зверя». **Обратный** же перевод с русского может иметь **следующий вид**: *Нохойнууд арьяатаниие эрьюулэн хусажа бай**ба***, что вносит элемент переходности в составной глагол в це**лом**. То же самое происходит и с другим глаголом: *...4—5 метр үргэнтэй хахархайе хүнгэнөөр һүрэжэ гараад* ... «...легко пе**репрыгнув** 4—5-метровое ущелье...». Исправленный вариант: *4—5 метр үргэнтэй хахархай дээгүүр һүрэжэ гараад*. Только состав**ной** глагол *дабан һүрэжэ гараха* имеет категорию переходности.

Спрягаемый глагол *гэмтээ* «получили увечья» непонятным образом подменен прилагательным *гэмтэй* «виноватые», что исказило смысл фразы: *Тиихэдэ 900 сэрэгшэд гэмтэй, 160-иинь наһа бараа* «900 воинов получили увечья, из них 160 человек погибли». Соединительное деепричастие *гүйлгэжэ* следует заме**нить** на многократное причастие с суффиксом дэг-: *...сүлөө мүнгэн ба наймаа гүйлгэжэ дэлгүүр эгээл энэ региондо* «...как раз только в этом регионе иаходится рынок сбыта свободных денег

и по торговле». Читай: *...сүлөө мүнгэн ба наймаа гүйлгэдэг дэлгүүр эгээл энэ региондо.* Диалектизм путем усечения и слияния основ проник и в синтактико-аналитическую форму сложного глагола в виде синтетической формы причастия с аффиксом притяжания: *...тэндэ һара шахуу байһамди* (зап.) «...мы там были (жили) почти месяц». Причем усечение в данной фразе происходило постепенно, от литературно-нормированного до иллюстрированного: *байһан юумэбди — байһан юумди — байһамди.*

Правильное глагольное управление нарушено в предложении: *Правительстводо этигэлээ бараһан тухайдаа мэдүүлхэ* «Объявить вотум недоверия правительству». В данном случае глагол *мэдүүлхэ* управляет аккузативом, поэтому послелог *тухай*, являясь прямым объектом, стоит в винительном падеже: *Правительстводо этигэлээ бараһан тухайгаа мэдүүлхэ.* В литературном письменном языке комплекс ГҮЙ+ГҮЙ при сложносоставном глаголе кажется чуждым или еще не привился, оставаясь прерогативой диалекта: *БАМ тушаа дурдангүй аргагүй хаш* «Нельзя не вспомнить о БАМе». Приемлем вариант: *БАМ тушаа дурдаагүйдэ аргагүй хаш* (использована склоняемая причастная форма).

Новые основы, образованные от глаголов, отражают отношения между действием и субъектом (объектом) и соответственно выражают новые синтаксические связи, ломая первоначально заданную глаголом установку. Среди разнообразия значений бурятских глагольных суффиксов переходность и непереходность могут меняться местами. В приводимом примере произошла путаница в системе взаимоотношений между компонентами фразы: *...энэ ургамал тон ехээр малтан абтаrgаад...* Оба компонента сложного глагола, действуя на один объект, должны относиться к одному залогу (страдательному), а пример должен выглядеть таким образом: *...энэ ургамал тон ехээр малтаrgан абтаrgаад* «...слишком много данного растения выкопано и добыто».

Совместный залог непереходного глагола *гүйлдэжэ* «бежать вместе» по норме языка должен быть заменен прямым, действительным залогом: *...тэрэмни ехэ хүхюун юумэ үүдэн хүрэтэр гүйжэ ерэхэ* «...неимоверно веселый мой бежит до самой двери».

Следует поменять действительный залог на страдательный в предложении *Арбан хоёр хуудаһатай дэбтэр табан зуун түхэригөөр худалдагдана* «Двенадцатилистовая тетрадь продается по пятьсот рублей».

Однородные обстоятельства места при одном и том же глаголе стоят в одном и том же падеже: *...уран зураашадай мастерскойдо ба Сампиловай музей ерэжэ харадаг* «...посещают мастерскую художников и музей имени Сампилова». Соблюдая последовательность, оставим что-то одно: или мастерской и музей или *мастерскойдо* и *музейдэ*. Глаголы *ябуулна* и *бэшэгдэнэ* в анализируемых двух предложениях требуют не обстоятельства образа действия, как это дано, а обстоятельства места: *һүүлэй жэлнүүдтэ буряад хэлээрээ, бэшэгээрээ... хэшээлээ ябуулна ха юм* «В последние годы уроки проводят на бурятском языке и письменности». Рекомендуем: *бурят хэлэн дээрэ, бэшэг дээрэ. Газетэмнай... хори яряанай хэлээр бэшэгдэнэ* «Наша газета... выходит на хоринском диалекте». Следует писать: *хори яряанай хэлэн дээрэ*. Кстати, рекогносцировочно можно было предположить подобные ошибки типа: *Оро дэбисхэрээр унтаха* «Спать кроватями, постелями» и т. д., от которых помогают освободиться правила сочетаемости слов.

Соблюдая строгие правила глагольного управлеиия, заметим, что глагольное сочетание *шабяар һураха* «учиться на помощника» предполагает управление вместо дательного падежа родительным, когда объектом является имя собственное (Карпенкиин), а когда объект — неодушевленный предмет — дательным падежом: *Өөрөө Оронгодо Ю. Н. Карпенкиин шабяар һураһан намтартай* «Из его биографии известно о том, что учился сам в Оронгое у Ю. Н. Карпенко на помощника». При переходном глаголе причастие *болгоһыетнай* в роли дополнения стоит в винительном падеже (и склоняется и спрягается): *Иимэ булан бии болгоһондотнай дэмжээд ...* «Поддерживая вас в организации такого уголка...». Стилистически неточно оформлена фраза, где люди отнесены не к виноватым, а к виновности (вине): *Заримдаа «үлүү» бэшэжэ гарагшад зэмэдэ хабаадуулагдагдаг байһые тэмдэглэлтэй (нужно: зэмэтэндэ)* «Нужно отметить, что «борзописцев» кое-когда отиосят к виноватым (обвиняют)».

Калькирование с нарушением падежа допущено в прямой речи: *Багаһаа «Лора абгайһандаа адли байхаб!» — гэдэг юм һэн (вм. абгайһантайгаа)* «Еще в детстве говорила: "Я хочу походить на свою тетю Лору!"».

Наречия. При адвербиализации частей речи бурятского языка суффикс (нулевой) именительного падежа является непродуктивным. Образовавшиеся от соотносительных знаменательных частей речи наречия чаще всего стоят в орудном падеже. Тем не менее в приводимом примере орудный падеж не вписывается в данный контекст и мы предпочитаем заменить его именительным: *...ехэхэнээр бэе даанги байдалтай (ехэхэн)* «...имеет большой суверенитет». Как видно, степень владения суверенитетом от такой замены не меняется. Более притягателен литературный вариант, чем диглоссный, образованный сращиванием двух основ при их усечении: *...хитадуудта худалдажархихаб, меэл (миин лэ)!* «...запросто я продам китайцам!» Наречие гонзод, образованное от глагола гоизойхо «быть овальным», больше подходит в функции определения в примере: *Тэбхэрхэн гү, али гонзод гэһэн участогууд* (два однородных прилагательных) «Квадратные или овальные участки», в результате получился сложный процесс: адвербиализация глагола, затем адъективация наречия.

Послелоги. Одним из показателей разносистемности бурятского и русского языков является то, как используются служебные части речи. В этом плане очень показательны послелоги, отсутствующие в русском языке, зато очень распространенные в бурятском. Послелоги функционально сходны с предлогами, однако эти два разряда разнятся местом расположения, т. е. послелоги занимают место в постпозиции. Самостоятельная часть речи — наречие места *тиишээ* — ошибочно поставлена на место пространственного послелога: *Тээшээ... басагые хүбүүн хүсөөд... басаган тиишээ хаража... залуугай ульһатай үгэнүүдые хэлэнэ* «Парень после того, как догнал девушку, устремив взоры к ней, стал говорить по-юношески страстные слова». Пространственно-направительный послелог *дээгүүр* также ошибочно занимает законное место послелога *дээрэ* с неполной транспозиционной семантикой, т. е. часть речи не изменилась, а претер-

пела изменение лишь ее синтаксическая функция: *...суу болоһон Цыбиков — олон хэлэн дээгүүр «Түбэд, Цыбиков» гэһэн абяануд... (олон хэлэн дээрэ)* «"Прославившийся Цыбиков" — слова, звучащие на многих языках». Справедливо убрав пространственный послелог дотор (в, внутри) и привнося значение обстоятельства места в примере: *һургуулиин программануудаа дотор «Хоёр Север», «Зүгы» гэһэн зохёолнуудаа шудалагдаха* «В школьных программах будут изучаться произведения «Два севера» и «Пчела» (*программануудаар* или *программануудһаа*), мы восстановим литературную норму.

При наличии числительного *гурбан* (трое) послелог *гэһэн* (означающий) оказывается лишним, нарушающим стилистическую картину предложения: *Нэгэтэ Булад, Баяр, Балдан гэһэн гурбан наймаашан...* «Трое продавцов-торгашей: Булад, Балдан и Баяр...». Стиль не нарушится, если при опущении числительного послелог трансформировать в другой — *гэдэгүүд* (означающие). Наконец, стилистическая поправка необходима с помощью замены послелога места *саана* (дальше) другим послелогом места *дэргэдэ* (у, возле): *Би Сталинай столой саана халбага вилкээр түргэн хүдэлхыень хараагүйб* «Я не видел, чтобы Сталин за обеденным столом торопился».

Союзы. В только что рассмотренном примере *Нэгэтэ Булад, Баяр, Балдан гурбан наймаашан...* количественное числительное *гурбан*, связывая однородные собственные имена, играет роль соединительного союза «и». Если в русском примере «Театр оперы и балета» использование соединительного союза «и» является нормой, то в переводе на бурятский язык, по нашему мнению, решение может быть двояким: *оперо баледэй театр* или *оперо болон баледэй театр*, хотя в последнем варианте чувствуется некоторая искусственность.

Частицы. Доподлинно известно, что поэты Д. Дамбаев, Д. Улзытуев публиковались не только в одной газете. Поэтому для передачи исключительной важности сообщения логическая частица Л должна относиться не к слову газета, а, как бы отдавая предпочтение из всех только одной газете, должна обозначить выбор именно этой газеты и изобразить искомый акцент выделением семантически доминантного в предложении слова

энэ. Воспроизводим напечатанное: *Д. Дамбаев, Д. Улзытуев гэгшэд энэ газетэдэл шүлэгүүдээ хэблүүлдэг* «Д. Дамбаев, Д. Улзытуев публикуются только в этой газете» и рекомендуем: *энэл газетэдэ*. Не на месте находится уступительная частица шье-, которая виосит только неопределенность и безразличие, а иногда и усиление, вследствие чего вместо нее вполне применима логическая частица Л: *...шэхэтэйшье амитанда бү дуулгаарай даа (шэхэтэйл)* «...никому не сообщай», от такой замены степень важности сообщаемого не уменьшилась.

Междометия. Как мы полагаем, услышанное однажды междометие в точности воспроизвести не дано никому. Выговаривание междометий, равно как и их восприятие, — дело исключительно индивидуальное. Субъективность интенции (направленности) волеизъявления в природе — явление чисто окказиональное. Приведем несколько примеров: *«Түбэд, Цыбиков» гэһэн ...аан-уун, шади шуун абяануud, гайхалнууд шлангаяа эрдэмтэдэй дунда гараһан байха* «Особенно были распространены слова Тибет, Цыбиков, а также возгласы удивления среди ученых». Обычно междометие *аан-уун* свойственно плачу или всхлипыванию, а междометие *шаан-шуун* — шуму (беспорядочному). Междометие *шади — шуун* — творчество окказиональное. *Гринг-гринг* (курлыкание журавлей) чаще слышат как *гриигрюуг* или *грюуг-грюуг*. Не иначе как окказионализм воспринимается звукоподражание (междометие), изображающее звонкое курлыкание птицы: *...бүргэд шубуун хариг-хэриг гэжэ дуугарна* «...слышен крик птицы орла».

Междометия, выражающие: а) жалость: «Ээ даа!», б) разочарование: «Ай даа!», в) возмущение «һэ!», почему-то на русский язык переводятся только одним, видимо, универсальным междометием «Эх!»: *— Ээ даа, — гэжэ үбгэжөөл голхорбо* «"Эх!" — огорченно вздохнул старик»; *Ай даа, хүбүүн, — гэбэ үбгэн* «"Эх ты, сынок!" — разочаровался старик»; *— һэ, шолмошни унтажа байна!* «Эх, спит стервец-то!»

Синтаксис. Сочетание слов в предложении здесь рассматривается строго с точки зрения традиционной синтаксической нормы. Формы управления и согласования были и остаются самым трудным участком освоения тонкостей устной и письмен-

иой речи. Организация правильной речи нарушается, например, при неосмотрительности в соблюдении порядка слов во фразе: *...нээрээшье, батарейгэй уһанай тэһэрхэдэ* вместо правильного: *уһанай батарейн тэһэрхэдэ* «...действительно, когда взрывается (лопается) батарея парового отопления». Синтаксические нормы в форме согласования в лице диктуют нам необходимый выбор варианта для устранения интерференции: *Бууза эдихэ дураа хүрэбэл, тогоошод бэлдээд, бушуу түргэн үгэхэ.* Нарушена подчинительная связь деепричастия предела с глаголом *үгэхэ*, в данном случае управляющим вторым лицом обоих чисел. Необходимый вариант: *Бууза эдихэ дураа хүрэбэлшни(тнай), тогоошод бэлдээд, бушуу түргэн үгэхэ* «Если ты (вы) захочешь (захотите) отведать поз, повара приготовят и немедленно подадут на стол».

В другом примере условное деепричастие дополним показателем личного притяжания -мни: *Дүршэл нөөсэлжэ үзөөгүй хадаа (хадамни), эндэ һураһан зүйлнүүдынь намда тон туһатай* «У меня отсутствует опыт, поэтому учиться здесь для меня очень полезно». Несколько странно сформировано сообщение в заголовке: *Салют – тад-няд!* «Салют – трата-та!» Звукоподражательное междометие *тад-няд*, вопреки своему прямому назначению быть служебной частью речи, играет роль сказуемого. Нужно только расширить его графическую «оболочку» хотя бы в виде *тад-няд, тад-няд!*

Разобранные примеры лишний раз напоминают о том, что во избежание ошибок важно различать и лексическое значение слов и грамматическое содержание той или иной конструкции. Например, конструкция из трех слов *рекорд-дэлхэйн-гурбан* из-за неудачного порядка слов приняла искаженный смысл: *Универсиадада гурбан дэлхэйн рекорд тогтоогдоһон байна* «На Универсиаде установлено три мировых рекорда», поэтому следовало бы подать материал в виде: *Универсиадада дэлхэйн гурбан рекорд тогтоогдоһон байна*. Заканчивая анализ управления в лексическом и грамматическом плане, заметим, что выбор его формы обуславливается не только конкретным содержанием, но еще как бы индивидуальной судьбой данного слова. Грамматический анализ высветил частое взаимопроникновение синтак-

сических потенций слова с его стилистическими возможностями, продиктованными контекстом.

Стилистические явления

В настоящее время, в процессе демократизации нашего общества, понятия стиля языка и речи претерпевают изменения в сторону лояльного отношения к просторечию, жаргонам, вульгарной речи и т. д. Одновременно в языковой ситуации Бурятии принцип жесткости в кодификации сохраняется относительно территориальных диалектов, которые сильно разнятся между собой. Для стилевого анализа языка средств массовой информации, может быть, достаточно взять критерием речь обычного, грамотного по-бурятски, и одновременно образованного человека.

Соблюдая общий инвариантный признак стиля, попробуем внести некоторые коррективы в отдельные конструкции анализируемых примеров: *Хибэс нэхэлгэдэ һургажа байдаг Т. А. Бадуева болоно* (бесподлежащная конструкция). При наличии распространенного определения, добавив субъект *багшань* или *заабаришань*, получаем грамматически правильное предложение: «Наставником или учителем по обучению ткачеству (мастером) является Т. А. Вадуева». Всегда ли удачным бывает подражание чужой конструкции, покажем на заголовке-переводе: *Хаана хэзээ һайн бэ хаанай хатан байхада* «Где, когда лучше быть царевной»; *Уран гагнуур (С. Цырендоржиевай 60 лет наһанай ойдо)* «Искусный мастер (к 60-летию С. Цырендоржиева)». В последнем примере полукалька использована неудачно. Предыдущий пример страдает искусственностью, нарушена стилистическая норма.

Иногда возможно чрезмерное увлечение семантической калькой: *Эрэ хүн аад, оройдоол хахад шарга түлеэ тээгээд ошоболни, хараһан зон юу хүлеэхэб?* (добавочное значение русского глагола «ожидать» в даином контексте невозможно передать) «Что от меня людям еще ожидать, если я, будучи взрослым мужчиной, повезу всего-то полвоза дров?» Это значение «перекраивается» при помощи синонимов *гэхэб, бодохоб, гэлсэхэб, һанахаб*. Переносное значение русского глагола «находить» не

переводится, так как глагол *олохо* в данном контексте просто лишен абстрагирования: *...дайнайшье жэлнүүдтэ сэрэгшын алба гараагүй байна» — гэжэ түүхэшэн олоно* «...историк находит, что и в войну не был в армии» (для выбора искомого глагола предложим синонимический ряд: *хэлэнэ, бэшэнэ, тобшолно* и т. д.).

Жаргонизм «колебать» в роли лексико-семантической кальки пока не состоялся в случае: *Энэ намайе хүдэлгээд* ... «Это меня заколебало...» В русском языке эта данность — стилистическая окрашенность — приобретена анализируемым глаголом не так уж давно, поэтому возможна лишь транспозиционная передача семантики из русского языка: *намда хашартай болоод* «мне надоело» или что-то вроде этого. Выражение В. Лоргоктоевой *һуумал эсэгэнь...* — творчество только по-русски мыслящего автора: «Посаженый отец В. Лоргоктоева...». В данном случае более точным было бы: *мүргэһэн, орлоһон эсэгэнь.*

Газетный текст не допускает вольное обращение с семантикой слова, которое способно исказить смысл сообщаемого: *Статистикын ёһоор һаа, газар дэлхэйн нюруу дээрэһээ үдэр бүхэндэ нэгэ амитан, шубуун гү, али ургамал сэсэг хосорон үгы болодог байна* «По статистике на планете каждый день бесследно исчезает одно животное, растение или птица». Автор, конечно, имел в виду исчезновение целого вида или целого подвида — *амитанай, шубуунай гү, али ургамалай нэгэ зүйл.* В условном деепричастии, придав высказыванию нормальный смысл, слово *урматайгаар* «с душевным подъемом» заменим словом наринаар «аккуратно» (оба обстоятельства образа действия): *Урматайгаар* (надо *наринаар*) *бэшээ һаа, энэ ручка һара соо хүрэхэ* «Если писать аккуратно (экономно), то этой ручки хватит на месяц».

Как и подсказывает грамматическое управление внутри фразы, поменяв суффиксы, превратим обстоятельство образа действия в обстоятельство времени: *...колледжын эгээл түрүүлэн дүүргэгшэдэй баяр ёһолол... (эгээн түрүүн)* «...юбилейное торжество самых первых выпускников колледжа...» Поправка также связана с управлением, когда опущено ключевое связующее звено между прямой речью и авторским словом. Этими словами могут быть *хэлээд* «сказав» или *уряалаад* «призвав» (и то и дру-

гое отсутствует): *«Хани барисаа бэхижүүлэе» — гэжэ... Афанасьев магнитофон бэлэглээ.*

Из-за неправильного порядка слов во внутриподлежащной конструкции искажается смысл всего предложения: *Манай республикын һургуулинуудай 70 процент һурагшадынь зөөри багатай (һурагшадай 70 процентэнь)* «В нашей республике 70 процентов учащихся учебиых заведений находится за чертой бедности». На наш взгляд, частица логического ударения Л больше всего соответствует своему назначению, когда она находится в составе глагола и отвечает основной коммуникативной задаче всего сообщения: *Найман класс түгэсэһэнэй удаа... арбыел дүүргэхэш гээд табяагүй юм һэн (арбые дүүргэхэл байхаш гээд)* «По окончании восьмого класса не отпустили, сказав, что десять классов все-таки по силам». Логически к месту будет использование деепричастия причины, а не деепричастия предела в сообщении: *Эжымнай үндэр бэетэй аад, Дарима эгэшэтэеэ зургаан зуу гаран хони даагаад харадаг байгаабди (бэетэй хадаа)* «Наша мама была очень рослая (сильная) женщина, что позволяло нам вместе со старшей сестрой Даримой справляться с более чем шестьюстами голов овец».

В устном разговорном языке часто допускается неполный стиль, связанный с пропуском звуков, слогов или даже целых слов (словосочетаний). На письме же мы имеем дело обычно с полным стилем, который не соблюдается в целой серии предложений, причем беспричинно: *Газетын түүхэһээ Зэдын аймаг Сэлэнгын аймагта хабаатай байһан* (после *түүхэһээ* отсутствует логическая пауза в виде тире либо здесь необходимо дописать слово типа *мэдэхэдэ (абахада)* для образования причастия условия) «Из истории газет — ранее Джидинский район территориально входил в подчинение Селенгинского района». Есть возможность в двух вариантах переделать предложение: *Тамхинай хорон уушханда орожо ханяадаг болгодог* «Табачный дым (отрава), попав в легкие, делает чахоточным». *Тамхинай хорон уушханда орожо, тамхиншаниие ханяадаг болгодог* «Табачный дым, попав в легкие, делает курильщика чахоточным» или реконструкция: *Тамхинай хорон уушханда орожо, ханяадан болодог* «Табачная отрава, попав в легкие, превращается в болезнь». До-

бавив отсутствующий объект, устраним ошибку во фразе: *Шолмос... шагай хэжэ бии болгоһон түүхэтэй юм (тэрээниие)* «Дьявол... по слухам создал благодаря картежной игре (его, ее)». Также отсутствует опорный член первого причастного оборота *(садашаһан)* в предложении: *Тэндэхи тарган мяханда талын шанга наранда харлашаһан юумэн гэртээ ерэбэ* «Насытившись тамошним жирным мясом и загорелый от сильного степного солнца, он пришел домой». Нарушение стилистической нормы возможно устранить, заменив суффикс маар- на суффикс ха- в причастии: *Олонхи ушарта үдэшын һү һаамаар (һааха) үедэ...* «В большинстве случаев во время вечерней дойки...» Наречие гаран, соотносясь с количественным числительным, имеет основное значение «слишком, сверх». При пересчете единичных предметов количественное числительное, сочетаясь с наречием гаран, должно иметь значение «десятичное», «сотенное» и т. д., которое позволит использовать данное наречие. Поэтому мы усматриваем ошибку во фразе: *Улаан-Удымнай ТБ-иин 5 гаран каналда буряад хэлэн дээрэ дамжуулгануул үсөөн* «На 5 с лишним каналах Улан-Удэнского ТВ мало передач на бурятском языке». Союзное слово *баһа*, также имеющее соединительное значение, могло бы стоять на месте соединительного слова *тиибэшье* «но», выражающего противительное значение: *Залуушуулай хамаг юумээр һонирходогынь... һайшаалтай. Тиибэшье, буряад эхэнэрнүүднай угаараа уран гартай байһан гээшэ* «То, что наша молодежь интересуется буквально всем, заслуживает одобрения. Но бурятские женщины испокон веков славились мастерством (в рукоделии)».

На наш взгляд, нейтральный стиль нарушается при злоупотреблении излишней информацией, если не предусмотрено использование приема усиления: *Мүн ерээдүйн эмнэлгын түб болохо баригдажа байгаа «мамба» дасангай байдал...* «А также будущий, который будет медицинским центром, строящийся церковный объект “мамба”... » Тем более избыточным представляется использование ложных парных слов *хүршэ хаяа* без их разбивки на две самостоятельные части (и сосед и за стеной): *Боомдо хүршэ хаяа һуудаг.* Стилистически корректный вариант:

Боомдо хүршэ, хаяа хадхажа һуудаг «В Боме сосед, живущий за стеной...»

Чрезмерное увлечение повторами придает искусственность письменному сообщению и особенно, когда компоненты их даны на разных языках: *...тосхоной селенүүдээр, хүдөө нютагуудаар ябаа* «...проехал по селу, по деревне, по сельской местности». Стилистическую шероховатость придает тавтология с использованием сложных прилагательных: *Хоёр ороной хоорондын харилсаануудые хоёр ороной үндэр тушаалтад зүбшэн хэлсэхэ* «О взаимоотношениях двух государств договорятся высокопоставленные чиновники двух государств». Тавтология приемлема, если один из компонентов составной частью входит в название чего-либо: *«Дайшалхы габьяагай түлөө» медальяр аша габьяань тэмдэглэгдээ* «Заслуги его отмечены медалью «За боевые заслуги».

В сложном предложении с деепричастным оборотом, допуская в качестве главного предложения употреблеиие пословицы, необходимо перестроить оборот с целью обозиачения побочного действия, раскрывающего главное: *Үүсын мяха бэлээр олохо гээд (олохоо һанаашье һаа); «Нэрээ хухаланхаар, яһаа хухарханиинь дээрэ» бэшэ аал* «Из-за корыстолюбия не запятнай честь». Здесь также несколько нарушена концовка пословицы как грамматически завершенного целостиого сочетания, которое является готовым клише: *Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухара.*

Газар дорохи нөөсэнь тоннодо хүрэхэ шахуу аргатай — фраза, допустимая только для устной речи: «Запас залежей позволяет доводить их до тонны». Смысловая система письменной речи имеет свои оттенки, иапример, обязательна лексическая наполненность сообщаемого: *Газар дорохи нөөсые малтан абалга тонно шахуу хүрэхэ аргатай* (из контекста известно, что речь идет о залежах) «Запас залежей подземных позволяет доводить способ добычи почти до тонны». Выдерживая рамки нейтрального стиля, мы должны недостающими рудиментами заполнить недосказанность фразы: *...зарим статьянууд доро П. Ставропольский гэжэ гараа табидаг һэн* (добавим: *ара нэрээр*) «...под некоторыми статьями подписывался псевдонимом П. Ставропольский».

Диглоссия, т. е. асимметричный диалектизм (особенно хоринский, агинский), в газетных статьях пробивает себе дорогу вплоть до литературной нормы: *...хүнүүдые нэрлэнгүй аргагүй* «...невозможно не назвать». Уже нормированными вариантами могут быть: *нэрлэнгүй байха аргагүй или нэрлээгүйдэ аргагүй*. Между прочим, известно о частых случаях нормирования, а стало быть, обогащения письменного стиля диалектизмами, будь то социальными или территориальными.

Не желая выглядеть излишие придирчивыми, всего лишь заметим, что дикторы республиканского радио на обоих языках иногда вольны допустить почти незаметные шероховатости, подобные: *Үдэр бүри арбан хоёр сагта гаража байдаг үдэрэй һонинуудтай диктор Батор Цыбенов иигээд танилсуулба (иигээд* желательно здесь опустить). Та же самая информация, но уже на русском языке, прозвучала в усеченном варианте: «С выпуском вас познакомила диктор Вера Иванова (последних известий — опущено)». Разговорный же стиль позволяет такие вольности.

Вкратце касаясь психологического аспекта бурятско-русского двуязычия, следует отметить выпуклость императивных волеизъявлений и чувственных восприятий, выражаемых междометиями. Специально наблюдая за поведением игроков в шахматы и пинг-понг, можно слышать междометия на бурятском и русском языках. Иногда даже не разобрать, к какому языку отнести те или иные из них, а когда просишь расшифровать переживаемое, разъясняют: по-бурятски междометие *УУ*! обозначает удивление, *ОО!* — огорчение, *ОhО!* — восторг, *АЧ!* — самодовольство, *ЭХ!(ЭЭХХ!)* — расстройство. Те же «двуязычные» бурятские междометия: *БООД! БООД!* — одобрение, *ГОЁ! ГОЁ!* — похвала, *АЙ ДАА!* — огорчение, *ЁО-ЁХ!* — издевка. Нынешние игроки, как правило, билингвы, и поэтому границы языкового водораздела смазаны.

Неизвестно, как бы сложилась судьба литературного языка, останься он ветвью старописьменного монгольского письма. Во всяком случае графика, начертание букв не испытывали бы поломок системы. При установившейся системе литературного языка никто ведь не нарушает ее (систему), когда пишут жур-

нал «Юманитэ», газета «Юнге Вельт» или на бурятском языке — журнал «Огонег»-ой номерто «В номере журнала "Огонек"». В этом плане центральным республиканским изданиям на обоих языках необходимо учитывать правила правописания, избегая издержек подобных: «представления Сагаалгана» («представления Цагалгана») или «Кто «Буряад үнэн» читает, тот кроссворд отгадает» (Правда Вурятии. 1997. 3 окт.). Из этого следует, что названия периодических изданий (собственные имена вообще) желательно облечь в форму того языка, на котором делается сообщение. Не пренебрегая сводом правил орфографии и соблюдая грамматику, мы воплотим в жизнь задачу ликвидации неграмотности на письме.

* * *

Актуальность исследования общественных функций бурятского и русского языков в условиях развивающегося бурятско-русского двуязычия в плане социального значения не вызывает сомнения. Эти функции, являясь главным универсальным средством формирования и передачи информации в сфере печати, телевидения и радио, соприкасаются с функциями, существующими в бытовой и хозяйственной сфере. Наряду с художественной литературой, театром, кино, фольклором и художественной самодеятельностью, СМИ помимо информативного оказывают дополнительное, иногда более сильное эстетическое воздействие на читателя.

В качестве экспериментального корпуса нами обследовался в основном газетный материал, хотя иногда использовался язык выступлений дикторов радио и телевидения. При этом постулировалась правильность словоупотребления в письменном и устном вариантах родного языка билингвов. Иногда для иллюстраций того или иного обобщения речи молодежи, ни в коей мере не затрагивающего системы языка, привлекалась обиходная речь.

Перечисленные случаи отклонения от письменной нормы мы относим за счет владения билингвами, во-первых, бурятским и русским языками почти в равной мере, во-вторых, неплохим знанием монгольского языка, т. е. налицо результат языкового

контактирования, явления экзоглоссного. Не обошлось также без влияния эндоглоссного явления — диглоссии, понимаемой здесь как равное владение литературной и диалектной формами языка. На наш взгляд, сферы бытования интерференции обусловлены своеобразием социальной и национальной стратиграфии, влекущей за собой отрицательный трансфер. Однако обыгранные в ходе описания интерференции недочеты при калькировании, переводах, стилистические погрешности и некоторые другие не являются коммуникативно релевантной интерференцией, т. е. не влияют на коммуникацию, не затушевывают местный колорит и национальную окраску языка-подлинника.

ГЛАВА 3. О ФОРМИРОВАНИИ РАННЕГО БУРЯТСКО-РУССКОГО И РУССКО-БУРЯТСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Одна из задач социолингвистики состоит в исследовании особенностей воздействия современных социальных факторов на формирование и становление детской речи.

Каждый человек, являясь частью социума, с рождения находится в конкретной социальной среде, которая влияет на его интеллектуальный уровень и мировоззрение, реализуемые им затем в повседневной деятельности. Языковая компетенция индивида, как важнейшая составляющая интеллекта, также закладывается в детстве и является социально обусловленной.

Исследование процессов формирования раннего двуязычия имеет большое теоретическое и прикладное значение. Не случайно этим языковым явлением занимаются лингвисты, психологи, социологи. В государствах СНГ и республиках-субъектах Российской Федерации проводятся разнообразные исследования двуязычия. Основной координатор данного направления современного языкознания — научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям ИЯ РАН, возглавляемый акад. В. М. Солнцевым и В. Ю. Михальченко. Под эгидой НИЦ организуются крупные международные конференции по вопросам языковой политики и языковых контактов, публикуются тематические сборники, содержащие статьи по двуязычию, в том числе раннему. Социальный и психолингвистический аспекты раннего двуязычия рассматриваются и в теоретических работах А. М. Шахнаровича. В статье «Раинее двуязычие: Психолингвистическая природа» он вводит четкое «разделение труда» между научными дисциплинами: «Вопрос стоит шире: что надо знать и что надо делать, чтобы учить дошкольников второму языку. Если вторая часть вопроса относится к компетенции методики и педагогической психологии, то первая принадлежит лингвистике в тех ее проявлениях, которые связаны с функционированием языка в конкретных социальных условиях и под их воздействием и с использованием его (языка) конкретными людьми в целях коммуникации»[13].

А. М. Шахнарович постоянно наблюдает раннее двуязычие в контексте происходящей социализации ребенка в окружающем мире: «Внеязыковой действительностью, а точнее — предметной деятельностью ребенка детерминирован весь ход развития языковой способности. Ребенок языком именно овладевает, т. е. присваивает его как часть объективной действительности... Это активный процесс, который определяется потребностями в общении, спецификой взаимодействия людей, особенностями их социальной жизни»[14].

Поскольку основной деятельностью детей дошкольного возраста является игровая, автор устанавливает зависимость от нее языковой способности ребенка, а именно: способности моделирования коммуникативной ситуации[15].

В ряду специальных исследований по раннему двуязычию обращает на себя внимание диссертационная работа Е. К. Ван «Детский билингвизм в онтогенезе: динамика процессов» (Спб., 1993). Исследование является лонгитюдным, объект — дети дошкольного и школьного возраста с русско-испанским двуязычием. Автором составлена классификация периодов формирования билингвизма, даются их основные характеристики: «Основная характерная черта детского билингвизма, особенно в дошкольном возрасте, — коммуникативная направленность речи на обоих языках»[16]. Е. К. Ван рассматривает детский билингвизм как динамический процесс, естественный и искусственный в зависимости от пути формирования. Так же как и А. М. Шахнарович, она отрицательно относится к спонтанному (стихийному) билингвизму у детей, подчеркивая необходимость его осознанного формирования. В той или иной степени современные исследователи раннего двуязычия восходят к идеям, высказанным классиками отечественного и зарубежного языкознания: Л. С. Выготским, Л. В. Щербой, А. Н. Гвоздевым, У. Вайнрайхом, Ж. Пиаже. Знакомство с литературой показывает разнообразие подходов к языковому феномену — детской речи.

Особый интерес вызывают результаты коллег из субъектов Российской Федерации, где, так же как и в Бурятии, существуют проблемы в соотношении общественных функций контактирующих языков, а раннее двуязычие является обыденным язы-

ковым фактом. Активно занимаются изучением двуязычия в Татарстане, Саха-Якутии, республиках Северного Кавказа.

З. А. Исхакова в статье «Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар» сопоставляет данные, полученные в г. Казани и сельской местности, и приходит к интересным выводам, отражающим степень владения детьми татарским и русским языками, активность проявления двуязычия у детей в однонациональных и национально-смешанных семьях, рассматривает возможность параллельного усвоения языков детьми[17].

В целом тенденции, описанные З. А. Исхаковой и другими исследователями, находят много параллелей с языковой обстановкой в Республике Бурятия.

В бурятском языкознании детская речь и двуязычие детей рассматривались чаще как иллюстрации общего состояния бурятского языка в разные периоды его развития[18].

Поскольку краткий обзор посвящен, главным образом, социолингвистическим исследованиям, он не включает в себя работы педагогического плана[19]. В середине 70-х гг. Институтом языкознания АН СССР было проведено всесоюзное исследование развития национально-русского двуязычия у школьников, где бурятский ареал представляла А. А. Дарбеева. Это исследование полностью посвящено бурятско-русскому раннему двуязычию и проведено с использованием социолингвистических методов. В нем отражены социально-экономические, культурно-исторические и этнолингвистические условия развития двуязычия, дана историческая периодизация процесса, отдельно рассмотрены сферы образования, науки и культуры, выявлено функциональное соотношение бурятского и русского языков в Бурятской АССР и бурятских национальных округах. Описанию ступеней бурятско-русского двуязычия предшествует сравнительная характеристика основных структурных особенностей этих языков.

Само описание базировалось на наблюдениях, проведенных в сельских населенных пунктах Бурятии. Основная часть наблюдений производилась в школах, многие из которых являлись

двухкомплектными, т. е. с обучением по двум программам (бурятской и русской).

По итогам наблюдений и анализа магнитофонных записей автор приходит к выводу о соответствии, в основном, знания русского языка учащимися начальных бурятских классов программным требованиям на первой ступени бурятско-русского двуязычия. Исследование содержит описание интерференции двух языков в речи учащихся.

Уже в те годы А. А. Дарбеева отмечала стремление родителей из села отдавать детей на учебу в классы с русским языком преподавания: «...дети в селах приходят в школу со слабым знанием русского языка, т. е. языком общения в семье служит для большинства родной язык»[20].

Языковая ситуация 70-х гг. отличалась от современной, общественные функции бурятского и русского языков еще были сопоставимы, но в системе образования в то же время активно происходили и негативные языковые процессы.

В развитии идей А. А. Дарбеевой в сборнике «Социолингвистические исследования в Бурятии» (Улан-Удэ, 1992) Т. М. Дугаржапова рассматривает специфику усвоения русского языка учащимися-бурятами. Наблюдения проводились в двухкомплектных бурятских школах Иволгинского района. В статье приводится типология ошибок в произношении русских слов, показано орфографическое отставание учащихся-бурят, что автор связывает с недостаточным вниманием учителей к развитию навыков устной разговорной речи. Также отмечается стремление родителей-бурят к переходу на русский язык обучения, которое автор объясняет «плохой постановкой преподавания родного языка, неразработанностью методики, иногда плохой подготовкой кадров преподавателей родного языка начальных классов»[21]. Иначе говоря, происходит несовпадение возросших социальных ожиданий и предпочтений родителей детей и предлагаемого им недостаточно высокого уровня преподавания бурятского языка по сравнению с русским языком.

Статья Г. А. Дырхеевой «Современное состояние бурятско-русского двуязычия в Бурятии» основана на анализе данных анкетирования взрослого населения республики. Некоторые

вопросы анкеты касаются таких сторон формирования двуязычия, как языковое общение в семье, язык обучения в школе. З. А. Исхакова видит в системе образования место утраты детьми родного языка, Г. А. Дырхеева придерживается другого мнения: «Введение обучения родному языку в городских школах рассматривается как одна из возможностей решения проблемы ревитализации родного языка»[22].

В статье И. Д. Бураева «Современное состояние бурятского языка и меры его сохранения и совершенствования»[23] представлен исторический фон, на котором происходил процесс снижения общественного статуса бурятского языка, раскрыты объективные (социально-экономические) и субъективные (административные) причины создавшейся проблематичной языковой ситуации в республике. Самым тяжелым по последствиям был перевод обучения с первого класса на русский язык и в городах, и в сельской местности. Административные причины дали начало «цепной реакции», которая из системы образования вышла в профессиональную сферу, и теперь процесс невостребованности родного языка является сложившимся (особенно в городах) и трудноуправляемым. Поскольку каждое поколение воспроизводит свой образ жизни, то самым серьезным «итогом» администрирования является репродукция этнического и языкового нигилизма. Таким образом, современная языковая ситуация в Республике Бурятия сложилась как результат взаимодействия исторических, этнокультурных и демографических процессов.

Как правило, социолингвистическое исследование предполагает установить причинно-следственные связи между происходящими в регионе социальными и языковыми явлениями.

Условия, в которых происходит воспитание и обучение детей-бурят в полинациональном окружении, являются своеобразными, так как уже на ранней ступени развития дети сталкиваются с двумя разными языковыми системами — бурятского и русского языков. Здесь мы имеем основание говорить о возможности формирования раннего бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия.

Раннее двуязычие возможно и реально встречается у детей-бурят в дошкольном возрасте. Оно формируется двумя способами: а) целенаправленно (в дошкольных учреждениях в ходе спланированного учебного процесса); б) стихийно, как правило, в семьях, где члены семьи используют бурятский и русский языки ситуативно. Если первый способ формирования раннего двуязычия доступен для научного наблюдения, то второй способ наблюдать сложно ввиду спонтанности процесса.

Оптимальным для формирования раннего двуязычия у ребенка является сочетание двух названных выше способов, один из которых дает ребенку образцы правильной речи на бурятском языке, второй обеспечивает закрепление знаний уже не в игровых, а в реальных ситуациях жизнедеятельности семьи.

Программа исследования «Социолингвистические условия формирования раннего двуязычия у бурят» подготовлена под научным руководством чл.-кор. РАЕН В. И. Рассадина и Г. А. Дырхеевой. Методика разработана исполнителем темы Т. П. Бажеевой. По каждому методу была проведена апробация.

Исследование проводится в двух аспектах: 1) внутрисемейном, 2) воспитательно-образовательном.

1. Внутрисемейный аспект предусматривает изучение следующих социолингвистических характеристик: а) внутрисемейная языковая установка; б) возможность формирования раннего двуязычия в семье; в) наличие преемственности в использовании бурятского языка поколениями членов семьи. Поскольку социализация ребенка начинается в семье, то она и составляет основной объект исследования как изучаемая социальная группа.

Ведущий метод исследования — опрос по разработанной «Языковой анкете семьи». Анкета включает в себя 46 вопросов, ответы на которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- распределение респондентов по полу и возрасту;
- по национальной принадлежности;
- по пространственной локализации;
- по профессиональной принадлежности;
- по уровню образования;

— по родному (первому) языку трех поколений членов семьи;

— по языку обучения в школе и дальнейшего образования;

— по второму языку;

— по уровню знания и степени использования бурятского и русского языков в семьях;

— по языку общения между членами семьи.

При введении в учебные планы бурятского языка как предмета необходимо учитывать фактор «обратной связи с семьями», с родителями как социально ответственными участниками процесса воспитания и обучения детей. Подключение фактора семьи имеет большие потенциальные возможности в повышении эффективности учебного процесса.

Анкетирование планируется проводить по схеме: город — пригород — село, что связано с миграцией бурятского населения, носящей устойчивый характер. Среди мигрантов из села в город есть молодые семьи с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Это — активные носители бурятского языка. В новых условиях существования семья часто изменяет свой социальный статус, а именно: родители меняют род занятий, входят в новый коллектив, дети также меняют свою среду в связи с переездом. В языковом плане происходит «перетекание» носителей бурятского языка в одноязычно-русскую или двуязычную городскую среду.

Пилотажное анкетирование проводилось в 5 детских садах г. Улан-Удэ: 1 — в Советском районе; 4 — в Октябрьском, самом многонаселенном районе новостроек, с крупными производственными коллективами, интернациональными по составу и молодыми по возрасту.

Поскольку пилотаж проводился по разведывательному плану, объем выборки составил 150 единиц.

По национальной принадлежности респонденты распределились следующим образом:

Всего	116	100 %
В том числе:		
буряты	65	56,0

русские	46	39,7
другие национальности	5	4,3

Следует иметь в виду, что цифровые данные по национальности респондентов не совпадают с таковыми по семьям. Общее число однонациональных бурятских семей — 61 (53 полные, где есть оба родителя, 8 неполных). Из общего числа семей 12 являются национально-смешаниыми. В 9 из них один из родителей — бурят, но респондентами оказались только 4.

Однонационально-русских семей — 41 (36 полных, 5 неполных). 5 респондентов — русских в интернациональных семьях.

Семей других национальностей — 2 (обе неполные). 3 респондента из 12 упомянутых выше семей. Среди родителей представлены 2 якутки, эвенка, калмык, татарка, украинка, полька. Респондентами из них были 5. Даже такой небольшой объем анкет дает представление о «пестром» национальном составе родителей.

Большинство из обследованных городских семей, независимо от национального состава, имеют тенденцию к нуклеаризации, т. е. ограниченному числу детей (табл. 11). В ответах на вопрос о проживании старших членов семьи (бабушек и дедушек) в одной семье с детьми и внуками из 116 респондентов только 20 (17,2 %) ответили утвердительно, 87 (75,0 %) проживают отдельно. В 9 случаях (7,7 %) старшие члены семьи живут в семьях детей не постоянно. У респондентов-бурят ответы на этот вопрос следующие: «да» — 11 (16,9 %); «нет» — 48 (73,8 %); «не постоянно» — 6 (9,2 %).

Табл. 11. Распределение семей по количеству детей, %

Семьи	С одним ребенком	С двумя детьми	С тремя детьми
Бурятские	59,0	31,2	9,8
Русские	65,9	31,7	2,4
Национально-смешанные	41,7	58,3	—
Других нациоиальностей	50,0	50,0	—

По итогам пилотажа были получены данные по родному (первому) языку членов семей, языку обучения в школе, уровню знания и степени использования бурятского и русского языков, языку общения между членами семей.

Из 65 респондентов-бурят родной язык изучали только 18 (27,7 %). Из них по времени изучения: в начальной школе — 4 (6,1 %); в 8-летней школе — 3 (4,6 %); в средней школе — 8 (12,3 %); в школе и учебном заведении — 3 (4,6 %). Они также отмечают, что преподавание учебных предметов осуществлялось на русском языке у 58 (89,3 %), на двух языках — у 7 (10,8 %).

Если родной язык старших членов семьи определен четко, то при ответах на вопрос о родном языке респондентов значительно присутствует субъективный фактор. Из 65 респондентов родным называют бурятский язык 41 (матери и отцы), что составляет 67,6 %, русский язык — 21 (32,4 %). Но при определении 4 уровней знания языка («понимаю», «говорю, «читаю», «пишу») на «хорошо» оценили их только 16 (24,6 %). Диалектной нормой владеют 34 (52,3 %), литературным бурятским языком — 10 (15,3 %).

В табл. 12—14 рассматриваются данные по 53 полным бурятским семьям. «Родители» — старшие члены семьи (бабушки и дедушки), «дети» — матери и отцы (т. е. респонденты). Как видно из табл. 12, два контактирующих языка, бурятский и русский, находятся в обратной зависимости. При переходе от одного поколения к другому снижается частота использования бурятского и возрастает доля русского языка в общении. Использование двух языков также снижается от «родителей» к «детям» и «внукам». Аналогичная ситуация складывается и в определении родного (первого) языка тремя поколениями членов семьи (табл. 13).

Из 27 семей с бурятским родным языком у всех взрослых всего в 15 семьях у детей тот же язык является родным (первым) (табл. 14). В 11 семьях это — русский язык. Только в одном ответе названо оба языка. Вероятно, одноязычие в семье влияет на выбор языка детей не напрямую, а лишь опосредованно, в числе других факторов.

Табл. 12. Выбор языка общения членами полных бурятских семей, %

Язык	«Родители» — «дети»	«Родители» — «внуки»	«Дети» между собой	«Дети» — «внуки»	«Внуки» между собой
Бурятский	34,0	18,9	17,0	15,1	7,5
Русский	20,8	32,1	43,4	47,2	24,5
Оба языка	45,3	49,1	39,6	37,7	9,4

Примечание. Не ответил на вопрос последней графы 31 респондент, в семьях которых один ребенок.

Табл. 13. Распределение всех членов полных бурятских семей по родному языку, %

Язык	«Родители»		«Дети»		«Внуки»
	Бабушки	Дедушки	Матери	Отцы	
Бурятский	88,7	90,6	67,9	73,6	32,0
Русский	11,3	9,4	32,1	26,4	62,3
Оба языка					5,7

Табл. 14. Варианты соотношения по родному языку в полных бурятских семьях, %

Показатель	Родной язык детей дошкольного возраста		
	бурятский	русский	оба языка
Семьи, в которых у всех взрослых родной язык — бурятский	28,3	20,8	1,9
Семьи, в которых у старших родной язык — бурятский, у родителей ребенка — русский	1,9	11,3	
Семьи, в которых родной язык матери ребенка и ее родителей — бурятский		11,3	
Семьи, в которых родной язык отца ребенка и его родителей — бурятский	1,9	9,4	
Семьи, в которых родной язык отца ребенка и бабушки — бурятский			1,9
Семьи, в которых родной язык родителей ребенка и бабушки — бурятский			1,9
Прочие варианты		9,4	

В одном из вопросов анкеты предполагалось получить рейтинг трех языков: бурятского, русского и иностранного. Критерием выбора родителей являлось значение (престижность) знания данного языка для детей. Абсолютный лидер выявлен не был, так как большинство родителей имело в виду сразу несколько языков. По количеству первых мест русский язык превалирует: из 116 — 70 (60,3 %). Результаты рейтинга трех языков по ответам респондентов-бурят: бурятский язык — первое место — 43 (66,2 %), второе — 13 (20,0 %), третье место — 9 (13,9 %); русский язык — первое место — 29 (44,6 %), второе — 26 (40,0 %), третье место — 10 (15,4 %); иностранный язык — первое место — 16 (24,6 %), второе — 4 (6,1 %), третье место — 45 (69,2 %).

В данном социолингвистическом микросрезе бурятский язык занимает вполне достойное место. Но, к сожалению, это желаемое, которое пока не является действительным, о чем свидетельствуют результаты. Пробное анкетирование не претендует на репрезентативность, так как имело целью апробацию методики исследования.

Воспитательно-образовательный аспект исследования направлен на выяснение стартовых возможностей детей до начала преподавания бурятского языка как предмета в начальной школе.

В дошкольных и школьных учреждениях Республики Бурятия ведется преподавание двух государственных языков: русского и бурятского. Законодательной основой преподавания данных языков являются следующие правовые акты:

— Конституция РФ, Конституция РБ;

— закон РБ «О языках народов Республики Бурятия»;

— закон РБ «Об образовании».

Для их реализации правительством республики принято постановление № 163 от 21.05.96 г. «Об утверждении Концепции национально-регионального компонента государственного стандарта образования».

В столице республики г. Улан-Удэ функционирует 96 детских дошкольных учреждений (ДДУ). В 24 из них с 1994 г. введено преподавание бурятского языка как обязательного предме-

та учебного плана с включением в штатное расписание должности преподавателя.

По данным Управления образования г. Улан-Удэ, охват детей, посещающих детские сады, преподаванием бурятского языка составляет 27,3 % (2102), в том числе детей-бурят — 27,7 % (583).

Объем преподавания в ДДУ бурятского языка различен. Три из них имеют специальный статус: 1 — бурятский национальный детский сад «Улаалзай», 2 — дошкольные учреждения с национально-региональным компонентом образования (д/с № 52 и я/с «Журавленок»). В детском саду «Улаалзай» занятия проводятся во всех возрастных группах: в младшей — 1 раз в неделю по 15 мин, в средней, старшей и подготовительной — 2 раза в неделю по 20—25 мин. Практикуются и индивидуальные занятия 1 раз в неделю. В д/с № 52 занятия ведутся интенсивно: в младшей группе — 2 раза в неделю по 15 мин, в средней — 3 раза в неделю по 20 мин, в старшей и подготовительной — 4 раза в неделю по 20—25 мин. Индивидуальные занятия проводятся по пятницам. Благодаря значительному объему преподавания бурятского языка, знания детей по языку в данных ДДУ выше, чем в тех, где язык преподается реже. Существуют и другие формы организации преподавания бурятского языка. Так, в я/с «Кристаллик» с 01.09.96 г. сформирована экспериментальная младшая бурятская группа «Сэсэг» (8 детей в возрасте от 3 до 5 лет), в которой преподаватель бурятского языка задействован в качестве учителя-воспитателя. В я/с «Журавленок» занятия проводятся для тех детей, родители которых изъявили желание, чтобы их дети изучали бурятский язык.

К сожалению, приходится констатировать слабое материально-техническое оснащение и недостаточное обеспечение площадями кабинетов бурятского языка в большинстве ДДУ. Выручает мастерство заведующих детскими садами, методистов и воспитателей в изготовлении ярких наглядных пособий из природных материалов, с использованием рисунков и лепки детей.

Преподаватели родного языка — выпускники факультетов бурятской филологии и начального образования БГПИ (БГУ) и

бурятских отделений педагогических училищ (колледжей) № 1 и 2. В работе они используют следующие методические пособия: 1. Могоева Д. Д. Программа по бурятскому языку для русских детских садов (Хүүгэдэй ород саадуудта хэрэглэгдэхэ буряад хэлэнэй программа). Улан-Удэ, 1988. 2. Методическа заабаринууд. Буряад хэлэнэй занятинууд (хүүгэдэй саадта хэрэглэхэ пособи). Улаан-Удэ, 1989. 3. Нанзатова Э. П. Обучение детей бурятскому языку в комплексе «детский сад — школа». Улан-Удэ, 1994.

Кроме того, имеются вспомогательные пособия на русском и бурятском языках по художественному, музыкальному развитию детей.

В некоторых детских садах, где проводилось пилотажное исследование, разработаны авторские программы преподавания бурятского языка: в центре детского развития «Оюна» (Т. Д. Урбасаева, зав. С. Б. Цыбикова), я/с «Калинка» (М. Б. Лубсанова, зав. Е. И. Кавелина), национальном детском саду «Улаалзай» (Ч. Д. Дамбаева, зав. Н. Ц. Ламожапова), детском саду с национально-региональным компонентом образования № 52 (Л. Е. Бальжурова, зав. Т. Ц. Зориктуева). У всех авторов-преподавателей — интересные подходы, но их программы нуждаются в доработке в части теоретического обоснования и оформления.

Как правило, занятия проводятся в утренние часы, с учетом возрастных особенностей детей-дошкольников.

Во время занятий преподаватели сочетают подачу нового материала (звуков, слогов, слов) с игровыми моментами (стихи, песни, считалочки), активно используют наглядные пособия (картины, игрушки), реже — создают музыкальный фон (включают магнитофонные записи мелодий), т. е. к организации учебного процесса подходят творчески. В каждой из групп есть дети с хорошим знанием бурятского языка, но среди городских детей их немного. На этих детей опирается учитель, он активно вовлекает их в ведение урока.

Темы занятий дают много познавательной информации о природе, животном и растительном мире, бурятских обычаях, одежде, народных праздниках. Такой комплексный подход к обучению включает в себя и методику, и психологию, и эколо-

гическое образование детей. В большинстве обследованных детских садов в занятиях участвуют все дети, независимо от национальности, большой интерес и высокую активность проявляют русские дети. По итогам пилотажа с удовлетворением отмечалось, что в основном родители относятся с пониманием к изучению их детьми бурятского языка и многие дети усваивают язык заинтересованно. Кроме того, проводились собеседования по вопросам методики преподавания предмета. Исследователь посещала детские утренники, занятия музыкой и по эстетическому и художественному воспитанию, факультатива английского языка, ознакомилась с авторскими методиками, получила консультации у заведующих детсадами и методистов.

Методами исследования в дошкольных учреждениях являются: а) наблюдение занятий (прямое и включенное); б) анкетирование воспитателей; в) интервьюирование преподавателей бурятского языка. Основным методом является наблюдение занятий. Прямое наблюдение групповых и индивидуальных занятий детей старших и подготовительных групп (5—7 лет) сопровождается записью на диктофон с последующей расшифровкой и анализом. Включенное наблюдение предполагает участие исследователя в различных игровых тестах по теме занятия. Целью данного метода является проверка соответствия уровня знаний детей требованиям программы:

— наличие навыка аудирования;

— правильное произношение звуков,включая специфические бурятские звуки (өө, ү, h) и дифтонги (ай, ой, уй, үй);

— усвоение необходимого лексического минимума (3—8 новых слов за 1 занятие, 300—400 слов в год);

— наличие навыка связной речи (умение задавать вопрос, отвечать на вопрос, вести простой диалог, рассказать о себе, о своей семье);

— усвоение основ национальной культуры.

Разработана также «Анкета воспитателя детского сада». Анкетирование воспитателей детских садов рассматривается как вспомогательный метод, который может дать их интерпретацию процесса усвоения языка детьми. Анкета состоит из 21 вопроса,

ответы на которые могут быть сгруппированы по следующим признакам:

– по стажу работы в системе ДДУ;

– по уровню образования воспитателей;

– по языку их обучения в школе и специального образования;

– по возрасту;

– по национальной принадлежности;

– по месту рождения;

– по времени проживания в данном городе (селе). В ответах на вопросы анкеты воспитатели имеют возможность дать свою оценку эффективности процесса обучения, свои предложения, объяснить причину недостаточной активности некоторых детей в использовании полученных знаний, определить выбор языка родителей в общении с персоналом, с детьми.

«Анкета воспитателя детского сада» была составлена с целью – попытаться определить языковую среду дошкольного учреждения «изнутри».

В ответах на вопросы анкеты были получены пояснения причин недостаточной активности некоторых детей, предложения по проведению занятий. Чувствуется неформальное отношение к преподаванию. Русские воспитатели высказывают стремление к изучению бурятского языка факультативно для всего педагогического коллектива детского сада. В дальнейшем предполагается проводить интервьюирование преподавателей бурятского языка по плану, который находится в стадии разработки.

Следующий метод – наблюдение (прямое и включенное). Метод прямого наблюдения апробировался исследователем в 7 детских садах. Письменно делалось описание занятия («фотография» в дневнике наблюдений), иногда параллельно шла запись на диктофон, затем записи анализировались.

Включенное наблюдение применялось пробно, на нескольких занятиях. Были изготовлены собственные наглядные пособия (планшеты) по темам: «Гэр бүлэ», «Шубууд», «Хубсаһан», «Зэрлиг ба гэрэй амитад», «Жэлэй дүрбэн саг». На занятиях дети называли предметы, животных. Для них это было необычно,

так как они хорошо знают все картинки и игрушки, используемые во время занятий в группах. Кроме того, имитировались игровые ситуации, диалоги: «В магазине», «Знакомство», «Разговор по телефону». В перспективе планируется расширить использование метода включенного наблюдения.

У многих детей-дошкольников очень гибкий артикуляционный аппарат и большие способности к произношению необычных, сложных звуков, воспроизведению интонации и самое главное — хорошее запоминание новых слов, стихов, песен.

• • •

Данное исследование отчасти можно рассматривать в качестве научной поддержки образовательной стратегии Республики Бурятия как полинационального региона. Знание механизмов воздействия экстралингвистических факторов на языковое развитие детей еще до начала преподавания бурятского языка поможет в разработке дифференцированных методик и адаптированных учебных программ, учитывающих степень подготовленности детей к обучению. Необходимо, чтобы целью системы образования в нашем регионе стало воспитание билингвов, т. е. людей, владеющих двумя языковыми системами, иезависимо от того, какой из двух языков является функционально первым (бурятский или русский). В конечном итоге — это воспитание людей, равно воспринимающих несколько систем этиокультурных ценностей, свою национальную, общероссийскую и мировую. Дошкольный возраст, иначе говоря, «tabula rasa», является весьма благоприятным для гармоничного и всестороннего воспитания и образования.

Неудовлетворенность современным состоянием бурятского языка, «ажиотажный», в хорошем смысле слова, интерес к родному бурятскому языку в настоящее время вполне объясним, поскольку многие осознают, что языковая проблема обычно неразрывно связана с проблемой сохранения этноса и сегодня эта проблема носит отнюдь не отвлеченный характер, как это было в 70—80-е гг. Она волнует всех и вся, начиная от политиков и кончая студентами и школьниками. И прежде чем давать какие-либо рекомендации по ревитализации бурятского языка, выясним принципиальный вопрос, является ли язык основным признаком нации, точнее, какие мнения по этому вопросу существуют сегодня? Поскольку от ответа на него во многом зависят и подходы к решению проблем бурятского языка. Наиболее распространенным является мнение, что «язык есть та неотчуждаемая принадлежность любого народа, то культурно-природное наследие, в котором находит выражение его идентичность, самосознание и самобытность. Вне всякого сомнения, именно язык следует считать доминантным признаком этноса. Все другие — общность территории, государственность, социальное устройство — по отношению к языку признаки сопутствующие. Исчезнет язык — уйдет в небытие и народ, говоривший на нем»[24]. С этим мнением не согласен бурятский этнограф Т. М. Михайлов. Он считает, что язык — не главный фактор национальной идентификации. Буряты, не знающие своего языка, проживающие в Улан-Удэ и вдали от Родины — в Москве, Санкт-Петербурге и других городах, — осознают себя бурятами. По его мнению, этническое самосознание — главнейший фактор идентификации. Как утверждает Ю. Б. Рандалов, трагедия бурятского народа в том, что у нас в этом вопросе несколько истин и, к сожалению, горькая истина — ассимиляция бурятского народа продолжается. Но для национальной самоидентификации нужен структурообразующий элемент — родной язык, причем он не приемлет планирования изучения языка молодежью без тесной связи с системой образования, воспитания, без учета социальной среды в целом. Г. Л. Санжиев рекомендуют

ет при этом обязательно учитывать национальную консолидацию народов республики. Молодой этнограф И. Э. Елаева по результатам своего исследования сделала вывод, что большинство законов и постановлений относительно языка не действуют потому, что они составляются на желаемом, идеальном уровне. В действительности, в настоящее время люди не осознают значения языка как реального компонента национальной идентичности. При опросе выясняется, что бурят роднит с их национальностью «культура, природа, земля», но не язык. Однако все исследования бурятских ученых показывают, что стержнем бурятской культуры является язык. Одним из решений проблемы языка, по мнению И. Э. Елаевой, является попытка вписать бурятский язык, бурятскую культуру в мировое информационное пространство. Этот взгляд перекликается с призывом в свое время Агвана Доржиева и сегодня Ш. Б. Чимитдоржиева к возвращению в лоно общемонгольской культуры.

Таким образом, рассуждая о приемлемости тех или иных подходов к решению проблемы или принимая те или иные законодательные акты и документы, необходимо учитывать всю совокупность факторов, обращая особое внимание на отрицательные, ограничивающие социальную базу и коммуникативное пространство бурятского языка, его языковую компетенцию. Помимо уже отмеченных и общеизвестных демографических (низкая степень этнической однородности, низкий процент бурятской национальности в республике и др.), этнопсихологических и языковых (слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка) факторов, сегодня, например, можно отметить также усиливающийся процесс миграции бурятского сельского населения в города, где, считается, легче найти работу, а это, скорее всего, приведет к увеличению билингвов и русскоязычных бурят. Говоря в данном случае о пользе или вреде билингвизма, можно заключить, что двуязычие чаще приводит к снижению культуры родной речи и для «пострадавшнх» языков типа бурятского оно — явление отрицательное, так как фактически редко существует в чистом виде и в речи все осложняется языковым смешеннем, что в конце концов приводит к отступлению одного, обычно более «сла-

бого» языка. По Дж. Эдвардсу[25], «для многих малых народов существует неизбежная дилемма: либо продолжать жить отсталой сельской жизнью, либо отказаться от своего языка». Очевидно, что решая эту дилемму, нам бы не хотелось, чтобы бурятский язык существовал только как показатель этнической самобытности, как транслятор развивающихся элементов национальной культуры. Поэтому, отмечая, что сегодня все-таки общими усилиями кое-что для бурятского языка делается и постепенно, но очень медленно набирает темп процесс восстановления языка, хочется предупредить: решительные меры обычно принимаются при коренной ломке общественных отношений, и стимулировавшийся, например, в 20—30-е гг. бум в развитии языков был затем резко приостановлен.

Нельзя допустить, чтобы решения, законы, постановления, концепции, принятые в 90-е гг. (пусть не всегда рациональные) для спасения национальных языков, не получили дальнейшего развития. Необходимо углубление процесса возрождения и развития национальных языков, в связи с чем наряду с постоянным анализом языковой политики, ошибок и их поправок в законодательных актах и документах параллельно следует расширять «представительство» языка в различных сферах жизни, поскольку развитие любого литературного языка тесно связано с расширением его социальной базы. То есть на каждом этапе его функционирования носители языка сами должны уделять ему внимание и создавать условия, способствующие дальнейшему совершенствованию, расширению и обогащению тех возможностей, которыми он располагает. При этом, как пишет тот же Дж. Эдвардс, «для спасения погибающего языка или расширения функций более «благополучного» языка меньшинства необходим весь комплекс мер, прежде всего социально-экономических; вырванные из контекста отдельные стороны, например, развитие школьного обучения, неэффективны», тем более что, как и во всех государствах, образование у нас контролируется центральной властью, не обеспечивая таким образом интересы национально-региональных меньшинств, т. е. национальная школа не обеспечивает автоматически защиту национальных интересов.

На данном этапе развития для языков подобных бурятскому наиболее реально и эффективно можно привести в действие языковое законодательство в сферах народного образования, массовой коммуникации и духовной культуры, поскольку они массовые, их легче регулировать, структура языка в них более адекватна. Однако, как показал анализ языка средств массовой информации, да и других сфер, не в полной мере используются потенциальные возможности бурятского языка и, как следствие, можно сказать, не развит, например, язык публичных выступлений, политиков, хотя традиции устного народного творчества, художественной литературы свидетельствуют о богатстве и красоте бурятского языка. Поэтому здесь необходимо активизировать его творческую деятельность в отношении новых терминов, понятий, слов, устанавливая при этом соотношение сознательного воздействия конкретных индивидуумов, например писателей, и целых социальных слоев на норму языка. Сегодня как никогда в бурятской языковой среде востребована роль интеллектуальной личности — лидера в судьбе становления лингвистических норм, так как требуется сознательное исправление и теоретическое осмысление традиционных понятий.

Постулируя тот факт, что речь человека — это лакмусовая бумажка общей человеческой культуры, а языковая малограмотность — признак низкой культуры, необходимо требовать ведения и здесь целенаправленной языковой политики и языкового планирования. Под языковой политикой нами понимается принятие оперативных мер не без вмешательства в процессы речевого развития и использование возможностей управления стихийно происходящими процессами, факторами, которые могут модифицировать языковую структуру. Языковое же планирование в масштабах региона должно воздействовать, во-первых, на функциональный статус языка, а, во-вторых, на его структуру, точнее, его стандартизацию и нормализацию. Процесс стандартизации в сочетании с ростом этнического самосознания способствует повышению статуса языка, его престижу, под которым понимается соответствие его образу «современного» языка. Максимальной точкой функционального развития языка является достижение им статуса международного

языка, хотя чаще всего международный престиж определяется политическими, экономическими границами, научно-техническим потенциалом, торговыми связями.

Помимо умелой языковой политики поднятию престижа бурятского языка, усилению его позиций, распространению бурятской грамотности может способствовать возникновение специальностей, требующих знания этого языка (востоковед, социальный и руководящий работник и др.), а также религиозная монолитность, возрождение буддизма, национальных праздников, обычаев.

В свое время Т. А. Бертагаев писал: «Развитие любого языка во многом обусловливается... потребностью его носителей в рациональной речевой практике, однако история народа, его общественно-политический строй управляет «абсолютным прогрессом» языка, его обогащением и магистральным направлением развития»[26]. Нельзя допустить, чтобы современный общественно-политический строй допустил «абсолютный регресс» бурятского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Солнцев В. М., Михальченков В. И. Языковые проблемы в Российской Федерации и мировой опыт решения языковых проблем // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы междунар. конф. (Москва, 22—25 октября 1996 г.). М., 1996. С. 2.

[2] Современная русская Идея и Государство. М.: РАУ, 1995. С. 31.

[3] Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976.

[4] Бадмаев А. Р. Языковая ситуация у бурят // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 3—9.

[5] Более подробно о миграциях в Бурятии см., например: Маигатаева Д. Д. Население Вурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995. 130 с.

[6] Исхакова З. Х. Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар // Современные национальные проблемы в Республике Татарстан. Казань, 1994. С. 68—81.

[7] Как пишет Я. З. Гарипов, за последние десятилетия численность нерусского населения, считающего родным язык другой национальности, возросла на 6,3 млн. и достигла 18,0 млн. человек, причем 90,5% из них считают родным русский.

[8] Богданов Г. Н. Этнодемографические процессы в УБАО // Сообщение на конференции «Современное положение бурятского народа и перспективы его развития». Улан-Удэ, 3—4 октября 1996 г.

[9] Население СССР: Статсборник. М., 1988. С. 22, 101.

[10] Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ, 1996. С. 10.

[11] Указ. соч. С. 8—10.

[12] Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 612—616.

[13] Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990. С. 63.

[14] Там же. С. 66.

[15] Шахнарович А. М. Развитие языковой способности и социализация ребенка // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. С. 232—239.

[16] Ван Е. К. Детский билингвизм в онтогенезе: диамика процессов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Спб., 1993. С. 8.

[17] Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. Вып. 2. С. 68—88.

[18] В 60—80-е гг. были опубликованы статьи Л. Д. Шагдарова, А. Р. Бадмаева по двуязычию у бурят. См.: Шагдаров Л. Д. Развитие

бурятского литературного языка в советскую эпоху // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965. С. 36—47; Он же. О возрастании роли русского языка и развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 3—10; Он же. Развитие бурятского национального языка и двуязычия // Культура Бурятии в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1983. С. 191—211; Он же. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 145—154; Бадмаев А. Р. Современная языковая ситуация в Бурятии // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 28—47.

[19] К теме двуязычия школьников в разные годы обращались С. Ш. Чагдуров, Д. Д. Ошоров, Б. Б. Батоев, П. Р. Атутов, М. Н. Мангадаев, С. М. Бабушкин.

[20] Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976. С. 95.

[21] Дугаржапова Т. М. Проблемы раннего бурятско-русского двуязычия в сельских школах // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992. С. 52.

[22] Дырхеева Г. А. Современное состояние бурятско-русского двуязычия в Бурятии // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992. С. 19.

[23] Бураев И. Д. Современное состояние бурятского языка и меры его сохранения и совершенствования // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ, 1992. С. 3—15.

[24] Нерознак В. П. Язык охраняется государством // Русская речь. 1992. № 2. С. 3.

[25] Из рец. В. М. Алпатова на: Edwards J. Multilingualism. L.; N. Y., 1994. 237 p. // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 133.

[26] Бертагаев Т. А. Об унификации и интегрировании родственных литературных языков // Докл. на VII Междунар. социолингвистическом конгрессе. М., 1970.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 3
Глава 1. Особенности функционирования бурятского и русского языков в различных слоях бурятского населения (Г. А. Дырхеева) ... 10
§ 1. Влияние социально-демографических факторов на функционирование бурятского и русского языков ... 15
§ 2. Формы и уровень владения бурятским и русским языками ... 45
§ 3. Основные сферы функционирования бурятского и русского языков ... 58
Глава 2. Интерференция в условиях бурятско-русского двуязычия (Б. Ж. Будаев) ... 78
§ 1. Интерференция в условиях бытовой речи ... 79
§ 2. Интерференция в условиях средств массовой информации ... 85
Фонетические явления ... 87
Лексические явления ... 91
Грамматические явления ... 99
Стилистические явления ... 111
Глава 3. О формировании раннего бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия (Т. П. Бажеева) ... 119
Заключение ... 135
Примечания ... 140

Дырхеева Галиина Александровна
Будаев Бальжинима Жамбалович
Бажеева Татьяна Петровна

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
(социолиигвистический аспект)

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 1999 г., № 271

Редактор *С. С. Золтоева*
Художник *Д. Т. Олоев*
Корректор *Г. В. Кашина*
Верстка и макетирование *О. Ю. Горобец, Н. Д. Жамбаева*

Лицензия № 040936 от 13.01.99 г.

Подписано в печать 01.11.99 г. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 7,80. Тираж 300. Заказ № 144.

РИО Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

15-00
(подкадуев руд)